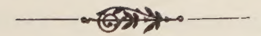
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVII, № 8.

О РУССКОМЪ

НАРОДНОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

Ѳ. КОРШЪ.



САНКТП.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРС... ... НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

I. Былины [1]).

Русское народное стихосложеніе, равно какъ и искусственное, относится къ типу тоническому, т. е. ритмическое удареніе въ немъ совпадаетъ съ прозаическимъ или, во всякомъ случаѣ, связано съ послѣднимъ органически [2]). Отличается наша народная метрика отъ искусственной тѣмъ, что въ то время, какъ въ послѣднемъ родѣ стихосложенія каждой основной, т. е. мельчайшей части ритма (χρόνος πρῶτος, mora), соотвѣтствуетъ слогъ (за исключеніемъ конца стиха, гдѣ это условіе не необходимо), въ первомъ слогъ иногда приходится на двѣ такія части ритма, — иначе говоря, растягивается вдвое, что̀ возможно, конечно, только при пѣніи. Потому для правильнаго пониманія всякаго

1) Что слово «былина» примѣнено къ нашимъ народнымъ эпическимъ сказаніямъ впервые Сахаровымъ, и притомъ по недоразумѣнію, недавно показано профессоромъ Вс. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ «Русская былина, ея слагатели и исполнители» (Русская Мысль 1895 г. Октябрь и Ноябрь). Но самъ проф. Миллеръ не находитъ нужнымъ изгонять изъ научнаго обихода этотъ терминъ, освященный уже многолѣтнимъ употребленіемъ и по своей условной ясности болѣе удобный, чѣмъ народное названіе этихъ стихотвореній — «старина», «старинка» или «старинушка» (послѣднее встрѣчается, можетъ быть, только въ самомъ текстѣ былинъ). Кстати замѣтимъ, что разнообразнымъ заключеніямъ былинъ, находимымъ у новѣйшихъ Олонецкихъ сказителей, съ почти неизмѣннымъ употребленіемъ словъ «старинка», «старинушка» или «слава»

народнаго размѣра необходимо знаніе соотвѣтствующаго напѣва. Впрочемъ это слѣдуетъ понимать не такъ, чтобы ритмическій разборъ даннаго народнаго стихотворнаго текста былъ невозможенъ, если намъ неизвѣстенъ въ точности его напѣвъ, тѣмъ болѣе, что есть тексты такого рода, никогда не имѣвшіе при себѣ напѣва, напримѣръ стихотворныя пословицы: для опредѣленія ритма достаточно выяснить признаки, на основаніи которыхъ можно отнести разсматриваемый текстъ къ тому или другому типу пѣсеннаго ритма.

Несомнѣнно, что ритмъ выступаетъ съ наибольшею опредѣленностью въ пѣсняхъ плясовыхъ, такъ какъ здѣсь онъ воспроизводится одновременно въ словахъ, въ напѣвѣ и въ движеніи. Ритмъ этихъ пѣсенъ бываетъ или восходящій, начинающійся съ неударяемаго слога, или нисходящій, начинающійся со слога ударяемаго. Представителемъ перваго можетъ служить пѣсня «Ахъ вы сѣни, мои сѣни», второго—«Барыня». Изъ нихъ болѣе древнимъ кажется первый (восходящій), судя какъ по его распространенности, такъ и по многочисленнымъ соприкосновеніямъ съ другими размѣрами, между прочимъ съ былевымъ. Въ наиболѣе правильномъ, съ точки зрѣнія искусственной метрики, видѣ этотъ плясовой размѣръ является въ такихъ стихахъ, въ которыхъ каждой основной части ритма соотвѣтствуетъ особый слогъ (за исключеніемъ конца).

Таковъ стихъ «Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои».

(напр. Гильфердинг., столб. 458, 479, 642, 662, 671, 676, 681, 683, особенно часто у Щеголенка, или «Такъ та старинка и покончилась», слышанное нами въ Москвѣ отъ Ивана Трофимовича Рябинина), въ старѣйшей изъ намъ извѣстныхъ записей былинъ, связанной съ именемъ Кирши Данилова, соотвѣтствуетъ постоянно одна и та-же формула: «То старина, то и дѣянье», кромѣ былины «Царь Саулъ Леванидовичъ», которой послѣдній стихъ таковъ: «Тѣмъ старина и кончилася» (Калайдовичъ, Древнія Россійскія стихотворенія. Москва 1818 г., стр. 265). Сказанное объ искусственности существительнаго «былина» относится и къ прилагательному «былевой».

2) Ритмъ, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ изъ чередованія сильныхъ и слабыхъ моментовъ времени, слѣдовательно въ метрикѣ—изъ сильныхъ (ритмически ударяемыхъ) и слабыхъ (неударяемыхъ) слоговъ.

Обозначивъ каждую основную часть ритма знакомъ ˘ и разставивъ главныя и второстепенныя ритмическія ударенія —

Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои,

мы увидимъ, что такой стихъ слогъ въ слогъ равняется метрическому (квантитативному) анапестическому диметру съ разложеніемъ всѣхъ долгихъ слоговъ кромѣ послѣдняго, напр.

Τίς ὄρεα βαθύκομα τάδ' ἐπέσυτο βροτῶν;

Отличіе такого анапестическаго стиха отъ нашего плясового состоитъ лишь въ одной подробности, не имѣющей ритмическаго значенія, такъ какъ она обусловлена исключительно звуковыми свойствами того и другого языка—русскаго (тоническаго) и греческаго (метрическаго): въ греческомъ стихѣ послѣднія двѣ ритмическія величины представлены сполна однимъ долгимъ слогомъ, тогда какъ въ русскомъ, вслѣдствіе одинаковаго протяженія всѣхъ слоговъ въ рѣчи, слогомъ выражена лишь предпослѣдняя часть ритма, а послѣдней соотвѣтствуетъ пауза. Впрочемъ, такъ какъ послѣдній слогъ въ метрическомъ стихѣ безразличенъ, то и по-гречески возможно совершенно такое-же окончаніе стиха, какъ и по-русски. Во всемъ остальномъ сходство этихъ двухъ стиховъ слѣдуетъ признать полнымъ. Между прочимъ особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь расположеніе анапестовъ по диподіямъ и при томъ нисходящимъ, т. е. удареніе каждаго изъ первыхъ двухъ анапестовъ сильнѣе, нежели удареніе второго анапеста той-же пары. Съ точки зрѣнія современной музыкальной ритмики тотъ и другой стихъ представляютъ собой восходящую ритмическую величину изъ двухъ тактовъ въ четыре четверти [или $^8/_8$] [3]):

3) У Малорусовъ и у Бѣлорусовъ тотъ-же самый стихъ разбивается на такты вдвое меньшіе. Какъ бы то ни было, наличность этого размѣра во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ русскаго племени подтверждаетъ, повидимому, высказанное выше предположеніе объ его древности.

♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♩ (или ... ♪ 𝄾).

При такомъ написаніи послѣдній тактъ оказывается неполнымъ въ томъ случаѣ, если мы возьмемъ каждый стихъ отдѣльно отъ другихъ, но въ пѣснѣ недостающія части послѣдняго такта кромѣ той, которая, какъ мы видѣли, всегда находится въ паузѣ, находятъ себѣ дополненіе въ приступѣ (анакрусисѣ, Auftakt) слѣдующаго стиха. Приведенное выше музыкальное изображеніе, передавая вполнѣ какъ продолжительность отдѣльныхъ частей ритма, такъ и относительную силу ритмическихъ удареній, оставляетъ однако-же въ сторонѣ дѣленіе на ритмическія группы, ясно выступающее при греческомъ обозначеніи и соотвѣтствующей ему терминологіи, а именно: понятіе анапестической диподіи напоминаетъ дѣленіе такого стиха на двѣ группы, выражающееся обыкновенно въ цезурѣ. Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть непремѣнно болѣе или менѣе сильную, напр. логическую, остановку: для показанія различныхъ частей стиха совершенно достаточно постояннаго окончанія слова въ данномъ мѣстѣ, напр.

Ахъ вы сѣни, мои сѣни || .

Впрочемъ, какъ въ греческомъ анапестическомъ диметрѣ, такъ и въ описанномъ русскомъ плясовомъ стихѣ встрѣчаются иногда нарушенія цезуры, однако большею частью, а у насъ, кажется, всегда, лишь на одинъ слогъ, и при томъ такимъ образомъ, что послѣдній слогъ послѣдняго слова первой половины стиха переходитъ ко второй половинѣ, напр.

Сѣни новыя, кленовы||я, рѣшетчаты мои [4]).

Въ подчиненіи такого, оканчивающагося дактилически, слова цезурѣ, а не цезуры слову легко убѣдиться изъ напѣва.

---

4) Такъ, повидимому, слѣдуетъ читать текстъ, напечатанный Сахаровымъ на стр. 87:

Сѣни новы, кленовы, рѣшетчаты мои.

Чуть-ли не чаще поется такъ, какъ указано ниже.

Что касается ритмическихъ удареній въ вышеприведенномъ стихѣ, то главныя изъ нихъ, т. е. соотвѣтствующія удареніямъ тактовымъ, всегда совпадаютъ съ прозаическими (сѣ́ни, но́выя), второстепенныя — большею частью также [5]), за исключеніемъ неударяемыхъ послѣднихъ слоговъ многосложныхъ (болѣе чѣмъ 2-сложныхъ) словъ съ удареніемъ не на предпослѣднемъ слогѣ [6]). Впрочемъ эта вольность допускается только въ концѣ метрическаго ряда, иначе говоря, въ концѣ стиха или въ цезурѣ, если въ этомъ мѣстѣ пропущена послѣдняя ритмическая часть полустишія или двѣ послѣднія стянуты въ одну, что̀, какъ мы увидимъ, встрѣчается часто.

До сихъ поръ мы не могли замѣтить въ распредѣленіи удареній никакого различія между метрикой народной и искусственной; но помимо указанныхъ двухъ родовъ ритмическаго ударенія — первостепеннаго (или главнаго) и второстепеннаго, есть еще третьестепенное, которое падаетъ на ритмическія величины (или слоги), отдѣленныя отъ таковыхъ-же съ главнымъ или второстепеннымъ удареніемъ однимъ слогомъ:

♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♩ (или ... ♪ 𝄾)

Ахъ вы сѣ-ни, мо-и сѣ-ни, сѣ-ни но-вы-я мо-и.

---

5) Само собою разумѣется, что къ языку народной поэзіи нельзя безусловно примѣнять наше литературное удареніе, такъ какъ въ немъ часто встрѣчаются ударенія діалектическія и архаическія, напр. правóй, сокóлъ, соколá, мóлодецъ, дѣ́вица и т. п.

6) И въ прозаической русской рѣчи второстепенное удареніе при указанномъ въ текстѣ строеніи слова падаетъ именно на послѣдній слогъ, а напримѣръ не такъ, какъ по чешски, гдѣ второстепенныя ударенія слышатся черезъ слогъ послѣ главнаго ударенія: pómilùjemè, óbvinìtelèvi, тогда какъ у насъ такъ-же, какъ и у Лужичанъ и у Словенцевъ, второстепенное удареніе лежитъ на послѣднемъ слогѣ: пяти́десятѝ, какъ видно изъ шуточнаго стихотворенія Рылѣева, которое Пушкинъ поставилъ въ видѣ эпиграфа къ Пиковой Дамѣ. Потому и въ искусственной метрикѣ при нарушеніи диподіи (восходящей) въ четырехстопномъ ямбѣ ритмически вѣрно построеннымъ стихомъ можетъ быть признанъ лишь тотъ, въ которомъ второстепенное удареніе падаетъ на конецъ слова; потому правиленъ стихъ: «Взлелѣянный въ тѣни дубравной» Пушк. Полт. I, но не: «Причу́дливыя какъ мечты» Лерм. Мцыри VI.

Уже изъ этого примѣра видно, что совпаденіе удареній прозаическихъ съ третьестепенными необязательно: слово «мои» (первое) считается какъ-бы неимѣющимъ ударенія, а потому съ нимъ и поступлено не какъ съ самостоятельнымъ словомъ, а лишь какъ съ частью слѣдующаго слова. Въ искусственныхъ ямбахъ и хореяхъ (а разбираемый стихъ въ искусственной метрикѣ разсматривался бы какъ трохаическій) эта вольность не допускается, что̀ впрочемъ и понятно въ виду меньшей энергіи главныхъ удареній при рецитаціи [7]).

Но такіе стихи, которыхъ всѣ ритмическія части были-бы выражены отдѣльными слогами, встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ довольно рѣдко: большею частью то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стиха въ соотвѣтствіи двумъ ритмическимъ величи-

---

7) Исключенія весьма рѣдки, напр. у Пушкина въ Пирѣ во время чумы:

Я пред - ла - га - ю || вы-пить въ е-го па-мять

(хотя музыкантъ предпочелъ-бы, конечно, сократить паузу посредствомъ протяженія одного изъ двухъ предшествующихъ слоговъ или обоихъ вмѣстѣ); также въ Анжело, ч. I:

Что пра-во-су-ді-е || си-дѣ-ло сло-жа ру-ки,

если только Пушкинъ не имѣлъ въ виду ударенія «сло́жа», которое иногда слышится именно въ этомъ сочетаніи. Въ тоническихъ трохеяхъ и 4-стопныхъ ямбахъ противорѣчіе между ритмическимъ, хотя бы и не главнымъ, и прозаическимъ удареніемъ было бы тѣмъ замѣтнѣе, что касалось бы уже не третьестепеннаго, а второстепеннаго ритмическаго ударенія, потому что ритмъ такихъ стиховъ, — по крайней мѣрѣ, музыкальный, предполагаетъ такты въ 2/4 съ восходящимъ порядкомъ удареній:

Ко - бы - ли - ца мо - ло - да - я.

Въ о - дно - о - браз - ной бѣ - ли - знѣ.

намъ мы находимъ по одному слогу. Это бываетъ во первыхъ, какъ уже выше сказано, въ цезурѣ, гдѣ впрочемъ вторая изъ соотвѣтствующихъ слогу ритмическихъ величинъ обыкновенно замѣняется паузою:

Выходила молода || за новыя ворота.

Во-вторыхъ это бываетъ преимущественно подъ главнымъ удареніемъ:

Сѣни новыя кленовы||я рѣшотчатыя.

Зовутъ Ванюшкою || пивоварушкою.

При нарушеніи этого строя, очень обыкновенномъ въ 4-стопныхъ ямбахъ, является тактъ $^3/_4$, а съ нимъ и третьестепенное удареніе, напр.

Ко - вши, се - ре - бря - ны - я ча - ши,

или, съ другимъ распредѣленіемъ ударенiй,

Пре - дань - я ста - ри - ны глу - бо - кой.

Однако и при построеніи въ $^3/_4$ едва-ли можно найти въ русскихъ стихахъ этого размѣра случаи постановки какого бы то ни было ритмическаго ударенія на безударный слогъ, стоящій рядомъ съ ударяемымъ, если не считать энклитическаго употребленія вводнаго «ка́же» въ малорусскихъ стихахъ Котляревскаго (Энеида I и II, стр. 9 и 50 изд. Катранова):

Ко - лыбъ, ка - же, у - меръ я въ Тро - и.

Не - хай, ка - же, тво - я здо - ро - ва

Бу - ла, Неп - ту - не, го - ло - ва.

По-великорусски можно было бы употребить такимъ образомъ, даже въ тактѣ $^2/_4$, трохаическія «дѣскать» и «братецъ» (при обращеніи не къ «братцу» въ собственномъ смыслѣ этого слова).

Значительно рѣже встрѣчается такое стяженіе во всѣхъ частяхъ стиха сразу:

Овечушки || косматушки[8]), —

стихъ, вполнѣ равняющійся при пѣніи не только слѣдующему за нимъ

Да и кто же васъ пасетъ, || мои матушки,

но и такому, какъ Ахъ вы сѣни мои, сѣни.

Изъ этого сравненія видно, какъ мало значенія имѣютъ слоги съ третьестепеннымъ удареніемъ: при стяженіи они совершенно исчезаютъ и въ стихѣ остаются лишь главныя и второстепенныя ударенія. При этомъ напомнимъ то, на что въ общихъ чертахъ было указано и выше, а именно, что второстепенное ритмическое удареніе можетъ падать на послѣдній неударяемый слогъ отдѣльнаго слова, если этому слогу не предшествуетъ непосредственно прозаическое удареніе (овéчушкѝ космáтушкѝ).

Такимъ образомъ число слоговъ этого народнаго размѣра колеблется между 15 и 8 соотвѣтственно числу ритмическихъ величинъ, изъ которыхъ состоитъ стихъ (16, считая съ послѣдней, падающей на паузу), то сполна выражаемыхъ слогами, то стягиваемыхъ въ текстѣ по двѣ на одинъ слогъ. Сверхъ того уже изъ предыдущаго слѣдуетъ, что между главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ не можетъ быть больше трехъ слоговъ и меньше одного, а между двумя главными можетъ быть не больше семи и не меньше трехъ.

Тотъ-же самый плясовой стихъ лежитъ въ основѣ стиха эпическаго или былевого. Замѣтное отличіе послѣдняго отъ перваго заключается въ томъ, что онъ держится, такъ сказать, средняго типа между двумя крайностями, а именно въ высшей степени рѣдко число его слоговъ доходитъ до 15, даже до 14

8) Ср. у Кольцова «Веснóю стéпь || зелéнаѧ̀» и т. д.

(по крайней мѣрѣ, со стяженiемъ или паузой въ цезурѣ)

А и я къ тебѣ прiѣхалъ || не по старому служить

(Калайдовичъ, Древнiя Росс. стихотвор. стр. 90).

А и солью насолилъ, || его въ Волгу опустилъ

(тамъ-же стр. 266),

но также далеко не часто встрѣчается форма въ 8 слоговъ, напр.

Дружина спитъ, || такъ Волхъ, не спитъ,

и даже, какъ мы увидимъ ниже, бываютъ стихи и въ семь слоговъ. Возможенъ впрочемъ и 16-сложный стихъ, но подъ условiемъ риѳмы (конечно, женской) въ цезурѣ и въ концѣ, напр.

А и старицы черницы, || души красныя дѣвицы

(тамъ-же стр. 384). Но такой стихъ, единственный въ былинахъ сборника Кирши Данилова, находится въ стихотворенiи «Чурилья Игуменья», не древнемъ по происхожденiю и отличающемся пѣсеннымъ складомъ согласно съ игривостью своего содержанiя. Однако и первый изъ только-что приведенныхъ стиховъ (въ былинѣ «О женидьбѣ князя Владимiра») стоитъ одиноко. Другое дѣло у олонецкихъ сказителей.

Конецъ стиха въ огромномъ большинствѣ случаевъ является стяженнымъ такимъ образомъ, что двумъ предпослѣднимъ ритмическимъ величинамъ стиха (не считая конечной и находящейся въ паузѣ) соотвѣтствуетъ лишь одинъ слогъ, вслѣдствiе чего въ концѣ стиха большею частью оказывается тоническiй дактиль, напр.

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ || Ивановичъ [9]).

---

9) Для упрощенiя схемы въ концѣ стиха или полустишiя вмѣсто знака краткости съ паузой мы будемъ ставить знакъ долготы.

Впрочемъ этотъ конечный дактиль нерѣдко выражается двумя словами, такъ что конечному второстепенному ударенію соотвѣтствуетъ прозаическое удареніе:

Въ чердакѣ была бесѣда, || дорогъ рыбій зубъ.

Правда, такое стяженіе въ концѣ стиха отнюдь не обязательно, но за то при выраженіи двухъ предпослѣднихъ величинъ стиха особыми слогами обыкновенно является стяженіе впереди:

Чтобы бѣгати, скакати || на добрыхъ на коняхъ.

Очень рѣдко въ концѣ стиха замѣчается явленіе обратное стяженію, а именно разложеніе конечнаго слога (или долготы), т. е. выраженіе послѣдней ритмической величины, находящейся въ паузѣ, отдѣльнымъ слогомъ, какъ въ приведенномъ выше стихѣ изъ «Чурильи»,напр.

Товарную пошлину || въ таможнѣ платили.

Не тоя то Камы, || коя въ Волгу пала.

А и Божье то крѣпко, || вражье то лѣпко.

Въ плясовомъ стихѣ такое окончаніе допускается, по видимому, только съ тѣмъ условіемъ, какое мы видѣли въ томъ-же примѣрѣ изъ «Чурильи».

Согласно съ тѣмъ, что было сказано о господствѣ средней нормы въ построеніи былевого стиха, большею частью на стихъ приходится болѣе одного стяженія:

Во стольномъ городѣ || Кіевѣ,

У ласкова князя || Владиміра.

Цезура въ эпическомъ стихѣ соблюдается всегда, но въ немъ она подвижнѣе, нежели въ плясовомъ, а именно она можетъ быть мужская, женская и дактилическая:

У великаго князя || вечеринка была (женская).

А сидѣли на пиру || честны вдовы (мужская).

И сидѣла тутъ Добрынина || матушка (дактилическая).

Рѣзкое отличіе былевого стиха отъ разобраннаго выше плясового заключается въ томъ, что первый можетъ терять приступъ, напр.

Было пированье, || почестный пиръ,

или, со стяженіями по всему стиху (въ 7 слоговъ):

Въ вишеньѣ, || въ орѣшеньѣ,

рѣже совсѣмъ безъ стяженій внутри, какъ

Али палачу || мнѣ самому быть сказнену

(Калайд. стр. 331).

Въ этихъ трехъ стихахъ недостаетъ первыхъ двухъ величинъ, которыя и восполняются паузой впереди. Эта форма въ эпосѣ встрѣчается въ перемежку съ болѣе обыкновенной формой восходящаго вида, но въ лирической поэзіи она часто употребляется исключительно на протяженіи всей пѣсни. Сравнительная самостоятельность ея видна изъ того, что именно она предпочитается въ пословицахъ и загадкахъ:

Не было ни гроша, || да вдругъ алтынъ.

Быкъ да теля || —одна родня.

Зато съ другой стороны, хотя довольно рѣдко, во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ можно заключить изъ текстовъ, записанныхъ подъ диктовку или по памяти безъ пѣнія, приступъ въ былевомъ стихѣ можетъ простираться до трехъ слоговъ, напр.

Втапоры повары были || догадливы,

и точно такъ-же, но, можетъ быть, чаще, во второй половинѣ

стиха, — разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобы непосредственно передъ цезурой стоялъ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ, напр.

Приводили его || ко княженецкому столу.

Въ видѣ исключенія попадаются стихи съ приступомъ отъ 4 до 6 слоговъ, т. е. длины, которая вызываетъ уже два ритмическихъ ударенія, одно — третьестепенное, другое — второстепенное, напр.

Пошелъ онъ ко ласкову князю || Владиміру

(Калайд. стр. 4).

Втапоры Алеша подскочилъ, || ему голову срубилъ

(тамъ-же стр. 193).

Такой приступъ нарушаетъ ритмъ въ мѣстѣ соединенія двухъ стиховъ, потому что вводитъ величины свыше мѣры $^4/_4$ въ тактъ, образуемый концемъ перваго стиха и приступомъ второго, если только первый стихъ полонъ, а не замѣненъ однимъ полустишіемъ (о чемъ ниже), напр.

Велѣлъ подносить вина || имъ заморскія

И меда сладкіе. ||

Тотчасъ по поступкамъ Соловья || опознывали

(Калайд. стр. 11).

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ чрезмѣрно длинные стихи въ нашихъ сборникахъ былинъ можно объяснять такимъ образомъ: распространеніе посредствомъ постороннихъ прибавокъ замѣчается обыкновенно въ серединѣ стиха, а не въ началѣ. Но и многосложный приступъ есть вольность до такой степени незаконная, что на нее надобно смотрѣть, какъ на посильный выходъ пѣвца изъ затрудненія, когда ему измѣнитъ память или искусство, и нельзя было бы догадаться о подлинномъ, хотя рѣдкомъ, существованіи такого вида стиха въ ка-

чествѣ особой формы, если бы мы не слышали своими ушами такихъ примѣровъ, какъ у знакомаго Петербургу и Москвѣ И. Тр. Рябинина въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ (Этнографическое Обозрѣніе 1894, № 4) ст. 136=147=153 (т. е. даже въ значеніи формулы):

А не могутъ оны сошки съ земельки || повыдернуть.

Выше уже по поводу плясового стиха было сказано, что цезура не требуетъ логической остановки; потому возможно такое распредѣленіе словъ:

Тысяцкій—ласковый || Владиміръ князь,

Свашена—княгиня || Апраксѣевна [10]).

Если стихъ оканчивается на слово, имѣющее главное удареніе на первомъ слогѣ, а ему предшествуетъ двухсложное слово, имѣющее на себѣ лишь третьестепенное удареніе, то это слово относится ко второй половинѣ стиха, напр.

Вмѣсто очей || было вставлено.

Вообще односложныя и двусложныя слова, хотя бы и не связанныя по смыслу со вторымъ полустишіемъ, относятся къ послѣднему, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если въ первомъ полустишіи окажутся оба ритмическія ударенія помимо этого слова. Потому не только

Сталъ себѣ Волхъ || онъ дружину прибирать.

или

Ѣздитъ Дюкъ || подлѣ синя моря,

но, какъ явствуетъ изъ напѣва, также

Потянулъ онъ тугій || лукъ за ухо.

И велѣлъ изымать || его бережно.

---

10) У Калайдовича стр. 10 «Свашела».

Такое дѣленіе естественно вытекаетъ изъ господствующаго восходящаго движенія стиха, которое осуществляется по возможности въ обѣихъ его половинахъ. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы смыслъ не имѣлъ никакого значенія въ вопросѣ о мѣстѣ цезуры. Для выясненія доли участія логическаго элемента въ построеніи русскихъ народныхъ стиховъ восходящаго типа вообще и былевого стиха въ частности возвратимся нѣсколько назадъ и присмотримся къ нѣкоторымъ примѣрамъ отношенія логическаго ударенія къ ритмическому помимо цезуры.

Хотя несомнѣнно, что главное ритмическое удареніе не можетъ падать на слогъ, не имѣющій ударенія прозаическаго, тѣмъ не менѣе сплошь да рядомъ мы находимъ случаи подчиненія логическаго распорядка удареній требованіямъ ритма, иными словами: главное ритмическое удареніе не можетъ проявиться безъ помощи грамматическаго, — того, которое свойственно слову въ отдѣльности, помимо его связи съ другими словами въ предложеніи; но для него отнюдь не обязательно совпаденіе съ тѣмъ изъ грамматическихъ удареній, которое въ данномъ сочетаніи словъ звучитъ сильнѣе ближайшихъ къ нему такихъ-же удареній по причинамъ логическимъ. Такого противорѣчія между ритмикой и логикой прямо слѣдуетъ ожидать при сравненіи восходящаго характера русской рѣчи въ предѣлахъ почти всякаго сочетанія словъ, произносимаго отдѣльно, съ обратнымъ отношеніемъ главнаго и второстепеннаго ритмическихъ удареній въ полустишіи былевого размѣра. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ очень часто ритмическое преобладаніе перваго слова надъ вторымъ или даже вторымъ и третьимъ въ такихъ соединеніяхъ, которыя помимо стиха или особыхъ риторическихъ условій произносятся съ усиленіемъ голоса къ концу, а не наоборотъ, напр. главное ритмическое удареніе на опредѣленіи, поставленномъ впереди опредѣляемаго:

Широко раздолье || по всей земли.
Два остра копья || мурзамецкія.

Двѣ лисицы || бурнастыя.

Сходни бросали || на крутъ бережекъ.

Со всѣми гостьми || и со всѣми людьми.

А его дружина || хоробрая.

Ихъ челобитья || не слушаетъ;

на опредѣляемомъ, поставленномъ впереди опредѣленія:

Два медвѣдя бѣлые || заморскіе.

Княгинѣ Апраксѣвной || на особицу. [11])

Только ты дай || мнѣ загонъ земли.

Гой еси ты, голый Шапъ, || Давидъ Поповъ. [12])

Зелена вина || въ полтора ведра;

на подлежащемъ передъ сказуемымъ:

Было пированье, || почестный пиръ,

Было столованье, || почестный столъ;

на сказуемомъ передъ подлежащимъ:

Не время спать, || пора вставать;

на первомъ изъ двухъ сопоставленныхъ словъ въ одной и той-же грамматической формѣ:

Носъ, корма || по туриному.

Снимали желѣза || съ рукъ и съ ногъ;

11) У Калайдовича стр. 4 «Апраксѣевной».

12) Едва-ли можно отнести «Шапъ» ко второму полустишію: «голый» связано съ «Шапъ», а не со всѣми именами Давида, какъ видно изъ того, что «голый Шапъ» встрѣчается и безъ нихъ (Калайд. стр. 10). Возможно, что «голый Шапъ» находится въ связи съ фамиліей «Голощаповъ» и, подобно Голохвастовымъ (отъ Gallifasto), ведетъ свое происхожденіе съ Запада.

на предлогѣ, по крайней мѣрѣ, не 1-сложномъ:

Вмѣсто гривы || прибивано.

Середи двора || княженецкаго.

Для ради рожденья || богатырскаго.

Опричь тебя, Волха || Всеславьевича.

Промежу обѣдней || и заутреней.

Она третьяго хватила || поперекъ хребта.

Около чебота || зеленъ сафьянъ,

Около чулочика || шелковаго. [13])

Въ дубову скамью || противъ меня. [14])

Оглянется Тугаринъ || назадъ себя;

такъ-же съ 1-сложнымъ предлогомъ несобственнымъ (изъ предлога съ существительнымъ):

Сверхъ тоя || рѣки Череги, [15])

и даже, быть можетъ, съ настоящимъ предлогомъ 1-сложнымъ, если за нимъ слѣдуетъ не менѣе двухъ неударяемыхъ въ простой рѣчи слоговъ, вызывающихъ передъ собою и въ прозѣ нѣкоторое удареніе:

Изъ глухоморья || зеленаго (Калайд. стр. 1).

Преобладаніе ритма надъ смысломъ сказывается еще въ томъ, что при повтореніи словъ въ извѣстномъ сочетаніи относительная сила ихъ удареній можетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія въ строѣ стиха, напр.

13) Калайд. стр. 45 «шелкова».

14) «Проти́въ» какъ «супроти́въ».

15) Если не «Сверху—».

Стать почитать, || стать сказывать.

Оставалася || матера вдова,

Матера вдова Амелѳа || Тимоѳеевна [16]).

Такую-же борьбу между ритмомъ и смысломъ мы встрѣчаемъ и при распредѣленіи словъ по полустишіямъ. Въ этомъ случаѣ надлежитъ принимать въ расчетъ слѣдующія три обстоятельства:

1) Важнѣйшимъ признакомъ принадлежности 2-сложнаго слова къ тому или другому полустишію служитъ, конечно, законъ о наибольшемъ числѣ слоговъ, помѣщающихся въ одномъ тактѣ (не больше 8) и о послѣдовательности ритмическихъ удареній различной силы (и т. д.). Отсюда

Приказалъ наливать чáру || зелена вина

съ цезурой послѣ «чару», а не послѣ «наливать».

2) Приступъ въ 3 слога вообще нелюбимъ, и уже по этой причинѣ слѣдуетъ дѣлить

А и ты, ласковый сударь || Владиміръ князь

(или «Ай ты—»), а не

А и ты, ласковый || сударь Владиміръ князь,

какъ Александрійскій стихъ, на который этотъ примѣръ при обыкновенномъ чтеніи окажется похожимъ вполнѣ, если мы возьмемъ для сравненія слѣдующій стихъ Баратынскаго изъ стихотворенія «Деревня»:

Тамъ дружба нѣ́когда || сокроетъ пéпелъ мой.

---

16) Калайд. стр. 72 «Осталася», и при повтореніи опущено слово «вдова», необходимое въ этой формулѣ (о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи). Что касается вида глагола, то и онъ составляетъ принадлежность формулы; ср. тамъже «Оставалося его житье бытье» и ниже «И оставалося чадо милое».

Понятно, что 3-сложный приступъ допускается охотнѣе въ томъ случаѣ, если приходящееся на его средній слогъ третьестепенное ритмическое удареніе совпадаетъ съ прозаическимъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ ему, напр.

Отдавала пѣтью || учить церковному.

Честна вдова || многоразумная.

Но и противорѣчіе между этими двумя различными удареніями встрѣчается въ такомъ приступѣ сравнительно часто, большею частію при такомъ сочетаніи слоговъ, когда приступъ состоитъ изъ анапестическаго слова, такъ какъ передъ непосредственно слѣдующимъ за нимъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ такое слово превращается въ проклитику, напр.

А въ иномъ кругу || въ кулаки битися.

Ставьте корабль || поперекъ Ильменя [17]).

Впрочемъ на мѣстѣ анапестическаго слова попадается и дактилическое:

А й ручки бѣленьки, || пальчики тоненьки.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ 3-сложный приступъ употребляется рѣдко, нельзя не признать, что онъ не нравился народнымъ поэтамъ самъ по себѣ, — вѣроятно, вслѣдствіе своей тяжести.

3) Односложное или трохаическое слово, имѣющее болѣе сильное логическое удареніе, чѣмъ предшествующее ему слово, можетъ терять или ослаблять свое удареніе до третьей степени только непосредственно послѣ главнаго ритмическаго ударенія вслѣдствіе энклизы (о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ),

---

17) Такъ-же у Крылова въ баснѣ «Троеженецъ», но смѣлѣе, потому что здѣсь неударяемый слогъ поставленъ не подъ третьестепенное, а подъ второстепенное ритмическое удареніе:

Но не прошло четырехъ дней.

а помимо этого условія должно имѣть, по малой мѣрѣ, второстепенное удареніе, почему и остается въ первомъ полустишіи, напр.

А скажите вы мнѣ || прямого путя

почти съ такой-же ритмизаціей мѣстоименій, какъ въ стихѣ

А и будь ты мнѣ || названый братъ,

а не такъ:

А скажите вы || мнѣ прямого путя.

Такъ-же

Прибито уже много || до смерти,

гдѣ сто́итъ только сократить «уже» въ «ужь», — и тогда будетъ безусловно невозможно отнести «много» ко второму полустишію. Такимъ-же образомъ

А и вѣрую въ свой || червленый вязъ,

потому что иначе слова «въ свой» окажутся болѣе слабыми по ударенію, нежели грамматически неударяемый послѣдній слогъ дактилическаго «вѣрую», который въ случаѣ переноса словъ «въ свой» во второе полустишіе получилъ бы второстепенное ритмическое удареніе. Изъ этого правила исключаются трохаическія существительныя передъ опредѣляющими ихъ прилагательными съ удареніемъ на первомъ слогѣ и такія-же прилагательныя передъ опредѣляемыми ими существительными съ указаннымъ удареніемъ, напр.

Онъ обернется || яснымъ соколомъ.

Душечки || красны дѣвицы.

Послѣ его || вѣку долгаго.

Уими ты свое || чадо милое,

съ чѣмъ сравни послѣдній примѣръ въ примѣч. 16. Той-же проклизѣ передъ удареніемъ подвергаются вообще трохаическія слова, тѣсно соединенныя по смыслу со слѣдующими за ними, какъ

Гой еси ты, сударь ласковый || Владиміръ князь,

а потому и могутъ переходить во второе полустишіе, если стоятъ около середины стиха, напр.

Отдай ты мнѣ || дани-выходы.

Что касается сравнительнаго вѣса отдѣльныхъ словъ, то вопросъ о томъ, которое изъ двухъ рядомъ стоящихъ словъ должно звучать сильнѣе другого, рѣшается иногда только при помощи знанія особыхъ правилъ, точнаго опредѣленія которыхъ слѣдуетъ ждать отъ пристальнаго изученія текстовъ въ связи съ напѣвомъ. Понятно напр. само по себѣ, что служебныя части рѣчи, какъ мѣстоименія, произносятся слабѣе, чѣмъ знаменательныя. Потому

А по имени вамъ мочно || мѣсто дать,

а не такъ:

А по имени вамъ || мочно мѣсто дать,

что до нѣкоторой степени подтверждается сравненіемъ со стихомъ, непосредственно слѣдующимъ за только-что выписаннымъ (Калайд. стр. 187):

По изотчеству можно || пожаловати.

Такъ-же

Котораго возьметъ || онъ за руку,
Изъ плеча тому руку || выдернетъ,

съ чѣмъ сравни ближайшіе за этими стихи (тамъ-же стр. 73):

Котораго задѣнетъ || за ногу,

То изъ брюха ногу || выломитъ [18]).

Съ такой-же цезурой

А и только онъ слово || выговорилъ,

а не послѣ мѣстоименiя, и т. п. Но нельзя сказать, чтобы разумѣлась сама собою невозможность такой-же энклизы, какъ «синё морè», если находящееся въ этомъ положенiи трохаическое слово есть собственное имя; напр. было бы невѣрно

Молода Анна || Ивановна;

слѣдуетъ читать:

Молода Анна || Ивановна.

Но подъ условiемъ согласiя ритмическаго ударенiя съ прозаическимъ первый слогъ такого имени можетъ быть подведенъ не только подъ второстепенное, но и подъ третьестепенное ударенiе, почему напр. въ превышающемъ мѣру стихѣ (Калайд. стр. 351)

Для другой сестрицы || родимыя, | Марьи Дивовны [19])

придатокъ можно считать правильнымъ полустишiемъ, а если онъ образовался путемъ пропуска чего-нибудь неважнаго для смысла при передачѣ разговорной рѣчью, то пропускъ мы имѣемъ право пополнить не только при помощи стиха:

Тоё-то Марью || Дивовну [20])

со второстепеннымъ ударенiемъ на имени, но также (какъ сей-

---

18) У Калайдовича здѣсь и на стр. 254 «неприличное» слово замѣнено пятью точками, какъ и на стр. 411 въ подобной связи: «Самъ и локоть на окно, ноги подъ. . . . .», т. е. вѣроятно, «пóдъ брюхò». Въ приведенномъ выше стихѣ, можетъ быть, слѣдуетъ читать «Тому и́зъ брюха».

19) Если не «дру́гой», о чемъ будетъ сказано въ особомъ приложенiи.

20) У Калайдовича стр. 349. «Тоя-то», какъ слѣдовало-бы сказать въ занимающемъ насъ теперь стихѣ.

часъ увидимъ) посредствомъ повторенія изъ предшествующаго стиха:

Родимыя сестрицы, || Марьи Дивовны,

тѣмъ болѣе, что отношеніе между именемъ и отчествомъ таково-же, какъ между существительнымъ и прилагательнымъ, замѣчанія о которыхъ остается дополнить тѣмъ, что трохаическое существительное вслѣдствіе слабости своего логическаго ударенія въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ прилагательнымъ можетъ подвергаться полной проклизѣ даже не непосредственно передъ удареніемъ, напр.

Лука и Моисей, || дѣти боярскіе [21]).

Ямбическія слова, связанныя смысломъ съ послѣдующими, испытываютъ полную проклизу гораздо чаще, особенно непосредственно передъ удареніемъ. Такъ напр. слово «душа» въ видѣ приложенія, всегда предшествующаго опредѣляемому, употребляется съ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ не только на послѣднемъ слогѣ, какъ

Казарянинъ, || душа Петровичъ младъ,

а не

Казарянинъ, душа || Петровичъ младъ,

хотя при такомъ распорядкѣ ритма былъ бы удаленъ 3-сложный приступъ, но нерѣдко и на первомъ слогѣ, напр.

Душа Дмитревна || запоручена.

Молода душа Анна || Романовна.

Со второстепеннымъ удареніемъ (конечно, на мѣстѣ прозаическаго)

---

21) Калайд. стр. 73. Въ интересахъ не стиха, но языка позволительно спросить: не «Мосей»-ли?

Гой еси, душа || красна дѣвица

въ той-же ритмической обстановкѣ, какъ

А по имени тебѣ || можно мѣсто дать,

гдѣ, наперекоръ сказанному выше, служебная часть рѣчи перевѣшиваетъ знаменательную на основаніи общаго ритмическаго закона, состоящаго въ томъ, что конечное удареніе, какъ бы слабо оно ни было само по себѣ, пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе силы, чѣмъ больше ему предшествуетъ безударныхъ слоговъ [22]. Склонность ямбическихъ словъ къ проклизѣ доказывается между прочимъ наблюденіемъ надъ собственными именами. Въ былевомъ стихѣ имя, даже односложное, обыкновенно отдѣляется отъ отчества цезурою,—очевидно, для того, чтобы на имени лежало хоть второстепенное удареніе, напр.

То оттеля Дюкъ || Степановичъ.

Какъ бы молодый Волхъ || Всеславьевичъ.

---

22) Напр. въ «пяти́десяти» послѣдній слогъ звучитъ сильнѣе, нежели напр. въ «вы́нести», почему первое изъ этихъ словъ Рылѣевъ въ стихотвореніи, упомянутомъ въ примѣч. 6, нашелъ возможнымъ поставить въ риѳму съ «прости́», котораго удареніе, правда, значительно ослаблено предшествующимъ сильно ударяемымъ трохеемъ «Бо́гъ ихъ». Тамъ-же риѳмуютъ слова «вы́игрывали» и «отпи́сывали», — очевидно, только послѣднимъ слогомъ, а для риѳмы нужно удареніе. Съ болѣе сильнымъ удареніемъ на концѣ произносится «слѣдующими » ($^4/_4$), съ еще сильнѣйшимъ — «преизбыточествующими» (или почти такъ, т. е. приблизительно $^3/_4$ съ хоріамбическимъ удареніемъ; ср. «слѣдующими словами»). То-же наблюдается и обратно, считая отъ конечнаго ударяемаго слога къ началу слова: «переписать» (части 2 тактовъ $^6/_8$), «переночевать» (части 2 тактовъ $^3/_4$ или $^4/_4$), «перебороновать» (почти такъ т. е. какъ-бы части 2 тактовъ $^5/_8$); но въ этомъ случаѣ второстепенное удареніе часто слышится на второмъ слогѣ отъ начала: «переписать», «переночевать», «перебороновать». Этимологическій составъ слова здѣсь ни при чемъ: ср.

Ямбическія имена ставятся такъ по необходимости передъ отчествомъ, начинающимся двумя неударяемыми слогами, напр.

Царь Саулъ || Леванидовичъ.

По имени Ермакъ || Тимоѳеевичъ.

Передъ отчествомъ, имѣющимъ удареніе прямо на первомъ слогѣ, повидимому, должно вставляться послѣ ямбическаго имени слово «сынъ»,—которымъ и начинается второе полустишіе:

И завидѣлъ Горденъ || сынъ Блудовичъ (Кал. стр. 150).

Молодый Горденъ || сынъ Блудовичъ (151),

почему лучше вставить это слово и на стр. 152, гдѣ его нѣтъ, чѣмъ читать

Что молодой || Горденъ Блудовичъ

съ необычнымъ отдѣленіемъ такъ называемаго украшающаго эпитета отъ опредѣляемаго имъ существительнаго. При отче-

---

«избороздить», или «избороздить», «располосовать» или «располосовать», что̀ доказывается возможностью употребленія такихъ словъ отчасти въ ямбическихъ стихахъ, отчасти въ анапестическихъ и дактилическихъ, впрочемъ не безъ натяжки, какъ напр. въ гексаметрахъ Фета, весьма поучительныхъ при изученіи вопроса о второстепенныхъ удареніяхъ русскаго языка, такъ какъ для образованія сильной части стопъ этого чуждаго намъ размѣра покойный поэтъ пользовался всякимъ слогомъ, допускающимъ хоть нѣкоторое усиленіе голоса. Правда, въ словѣ изъ 6 или 7 слоговъ съ удареніемъ на концѣ второстепенное удареніе находится неизмѣнно на первомъ слогѣ и звучитъ такъ-же сильно, какъ конечное, но за примѣрами такихъ «многоэтажныхъ» словъ сложныхъ съ нѣсколькими предлогами, пришлось бы обратиться къ источникамъ «непечатнымъ». На возможность ударенія «Ѝзъ глухомо̀рья» было уже указано выше. Въ лирическихъ пѣсняхъ такіе стихи, какъ

Ѝзъ огорода || во зеленый садъ гулять,

очень обыкновенны. Можетъ быть, и въ эпосѣ можно признать стихомъ такое соединеніе словъ, какъ

ствѣ, имѣющемъ въ началѣ одинъ неударяемый слогъ, замѣчается колебаніе:

Пригодился тутъ Иванъ || Годиновичъ (135).

Гой еси Иванъ || Годиновичъ (138).

Молодой Иванъ || Годиновичъ (143).

Втапоры Иванъ || Годиновичъ (146),

но съ другой стороны:

Гой еси Иванъ || ты Годиновичъ (135).

Гой еси Иванъ || сынъ Годиновичъ (тамъ-же),

и сверхъ того 6 разъ «Иванушка Годиновичъ» — всѣ на стр. 140—145, словно авторъ обрадовался этой формѣ имени, когда она пришла ему въ голову. Тверже въ былинѣ «О женидьбѣ князя Владиміра» имена Дуная и Екима, передъ общимъ отчествомъ которыхъ «Ивановичъ» постоянно находится слово «сынъ» тотчасъ послѣ цезуры (Дунай стр. 87, 89, 90 дважды, 91, 92 дважды, 93, 95, 96, 98 дважды, 99, 100, 101, Екимъ 91 и 94) кромѣ

Гой еси Дунай || Ивановичъ (92).

Гой еси ты, Дунай || Ивановичъ,

Онъ обернулся || гнѣдымъ туромъ (Кал. стр. 49).

Во всякомъ случаѣ только второстепеннымъ удареніемъ, вызываемымъ послѣдующими безударными слогами, можно оправдать главное ритмическое удареніе на относительномъ (а не вопросительномъ) мѣстоименіи въ стихахъ на стр. 48—49:

А есть-ли у васъ, братцы, || таковъ человѣкъ,

Кто-бы обернулся || гнѣдымъ туромъ — ?

(у Калайдовича «А если, братцы, у васъ — »).

гдѣ «сынъ», судя по большинству примѣровъ, опущено едва-ли правильно. Въ былинѣ «Алеша Поповичъ» имя того-же Екима помѣщается въ стихѣ двояко:

1) Молодой Екимъ || сынъ Ивановичъ (182).

2) А и ты, братецъ || Екимъ Ивановичъ (181).

Говорилъ тутъ || Екимъ Ивановичъ (тамъ-же).

Обернется || Екимъ Ивановичъ (183),

какъ слѣдуетъ читать на основаніи стиховъ

Онъ обернется || сѣрымъ волкомъ (48).

Онъ обернется || яснымъ соколомъ (тамъ-же и 49);

сравни

Обертываться || яснымъ соколомъ (47).

Обертываться || сѣрымъ волкомъ (тамъ-же).

Обертываться || гнѣдымъ туромъ (тамъ-же).

А если «Екимъ» передъ отчествомъ звучитъ такъ слабо, что уступаетъ чисто ритмическому (не соединенному съ грамматическимъ) ударенію, отсюда слѣдуетъ, что оно могло разсматриваться въ ритмическомъ отношеніи лишь какъ часть цѣлаго, другая часть котораго состоитъ изъ отчества. Потому, кажется, мы имѣемъ полное право прочесть остальные примѣры этого соединенія такъ:

Втапоры увидѣли || Екимъ Ивановичъ (185) [23].

Втапоры || Екимъ Ивановичъ (186).

Подхватилъ чингалище || Екимъ Ивановичъ (190).

---

23) Слѣдуетъ недостаточный стихъ, который можно пополнить такъ:

И (тая) калика || перехожая.

Остается еще одинъ стихъ съ этимъ именемъ, который, очевидно, надобно пополнить напр. такъ:

Приходилъ (тогда) || Екимъ Ивановичъ (192).

Точно такъ-же

А грозный царь || Иванъ Васильевичъ (326, 327, 328, 333, 334, 335),

Или «Ты, грозный —» (333 и 334), съ чѣмъ сравни о томъ-же царѣ:

А грозный царь, || онъ и крутъ добрѣ (333)

съ цезурой на томъ-же мѣстѣ.

Едва-ли нужно напоминать, что всѣ эти замѣчанія относятся къ ямбическимъ словамъ только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ они образуютъ ямбъ, а не амфибрахій, какъ

Со душею княгиней || Апраксѣевной.

А со молодомъ Екимомъ || Ивановичемъ.

Въ концѣ концовъ нельзя однако-же не сознаться, что попадаются такіе стихи, въ которыхъ нашъ братъ «образованный» не знаетъ, куда отнести 1-сложное или 2-сложное слово, а потому колеблется и относительно ритма.

Заканчивая этотъ бѣглый очеркъ нашего былевого стиха, считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ печатныхъ текстахъ нашихъ былинъ найдется не мало стиховъ, не подчиняющихся этимъ правиламъ. Происходитъ это преимущественно отъ того, что пѣсни записываются обыкновенно не съ напѣва, а съ пересказа, при чемъ пѣвецъ, при необычномъ для него условіи разговорной передачи того, что̀ онъ привыкъ представлять себѣ не иначе, какъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, часто уклоняется отъ той формы текста, которой онъ несомнѣнно держался бы при пѣніи.

Въ виду этого обстоятельства при чтеніи пѣсенъ въ нашихъ изданіяхъ необходимъ постоянный контроль посредствомъ правилъ ритмики. Къ счастью, языкъ нашихъ пѣсенъ заключаетъ въ себѣ столько формулъ и стереотипныхъ выраженій, что, при болѣе или менѣе основательномъ знакомствѣ съ нашей народной поэзіей, можно иногда возстановить подлинный текстъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ искаженіе текста сводится къ пропуску какихъ-либо не особенно важныхъ для смысла словечекъ, какъ частицъ, междометій и т. п., потерпѣвшіе отъ пересказа стихи могутъ быть исправлены, по малой мѣрѣ, со значительной вѣроятностью, особенно въ виду того, что сами пѣвцы именно по отношенію къ словамъ этого рода обнаруживаютъ колебаніе при исполненіи одной и той-же пѣсни въ разное время. Попытки такого возстановленія пѣсеннаго текста читатель найдетъ ниже, причемъ будутъ указаны и нѣкоторыя, такъ сказать, постоянныя категоріи искаженія. Здѣсь же упомянемъ лишь одну неправильность, и то потому, что устраненіе ея не всегда совпадало бы съ практикой пѣвцовъ, по крайней мѣрѣ, современныхъ. Мы разумѣемъ неожиданное употребленіе полустишій (по строенію — вторыхъ) на ряду съ цѣлыми стихами:

Во бѣломъ платьѣ || сорокъ каликъ
со каликою.

Велѣлъ подносить вина || заморскія
и меда сладкіе.

Привязалъ коня || ко дубову столбу,
къ кольцу булатному.

Приказалъ наливать чару || зелена вина
въ полтора ведра.

Посадилъ его || за единый столъ
хлѣба кушати.

Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ этихъ случаевъ произошли отъ пропуска перваго полустишія слѣдующаго стиха, которое было тождественно со вторымъ полустишіемъ предшествующаго, напр.

Посадилъ его || за единый столъ,

За единый столъ || хлѣба кушати,

какъ то мы видимъ напр. въ стихахъ

А то-то, сударь, дѣвушка || станомъ статна,

Станомъ статна || и умомъ сверщна (87).

Чтобы она на то больше || не кручинилася,

Не кручинилася || и не гнѣвалася (154).

Иногда при повтореніи прибавляется какое-нибудь слово, большею частію союзъ, часто не безъ вліянія перваго полустишія, напр.

А втапоры княгиня || понос понесла,

А понос понесла || и дитя родила (45).

Какъ бы та была дѣвица || станомъ статна,

Станомъ бы статна || и умомъ сверщна (86).

Весьма поучительны для вопроса о значеніи самостоятельныхъ полустишій такія формулы, въ которыхъ полустишіе то стоитъ одиноко, то вводится въ общую систему стиховъ посредствомъ повторенія, напр. на стр. 25:

Привязалъ коня || къ дубову столбу, къ кольцу булатному,

а на стр. 205 «къ кольцу булатному» повторено, тогда какъ на стр. 89, 136, 140, 187 (стихъ испорченъ), 277 и 356 оно выпущено, на стр. 200 — развито въ цѣлый стихъ:

Ко тому кольцу || булатному [24]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой или подобный пропускъ не подлежитъ никакому сомнѣнію особенно въ тѣхъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, стихахъ, гдѣ прибавка превышаетъ размѣры одного полустишія, напр.

Походили они || ко честной вдовѣ

Амелфѣ || Тимоѳеевнѣ,

чтó, по всей вѣроятности, произошло изъ:

Походили они || ко честной вдовѣ,

Ко честной вдовѣ Амелфѣ || Тимоѳеевнѣ.

Однако современные сказители даже при пѣніи часто не вставляютъ недостающаго полустишія. Такъ И. Тр. Рябининъ

---

24) Впрочемъ при перенесеніи части одного стиха въ другой нѣтъ нужды въ повтореніи цѣлаго полустишія или только полустишія, какъ и въ сохраненіи того-же порядка словъ, напр.

До своей его палицы || тяжкія,

А и тяжкія палицы || мѣдныя (91).

У Константинушки умокъ || молодешенекъ,

Молодешенекъ умокъ, || зеленешенекъ (360).

Напущается онъ || на стараго,

На стара козака || Илью Муромца (362).

Такое повтореніе относится въ сущности не къ метрикѣ, а къ реторикѣ: это есть ἐπανάληψις, — фигура, состоящая въ повтореніи одного или нѣсколькихъ

въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, по свидѣтельству записывавшаго его пѣсни въ Москвѣ Е. А. Ляцкаго, пѣлъ стихи

Жаловалъ ёво || трема городама,
Трема городама || всё крестьяновскими

иногда безъ повторенія полустишія «трема городама», но что̀ любопытно, — въ качествѣ части не перваго стиха, а второго, какъ видно изъ удареній (Этнографическое Обозрѣніе 1894 г. № 4, стр. 136). Напѣвъ, записанный А. Ст. Аренскимъ, даетъ первый стихъ съ паузой такта въ полтора на мѣстѣ второго полустишія (тамъ-же ноты при стр. 152).

Кромѣ описанной формы былевого стиха встрѣчается въ былинахъ, преимущественно позднѣйшихъ (т. е. относящихся къ событіямъ 16-го и 17-го вв.), форма сокращенная на одинъ слогъ въ концѣ, однако безъ нарушенія законнаго числа ритмическихъ величинъ, такъ какъ предпослѣдній слогъ заключаетъ ихъ въ себѣ четыре или недостатокъ восполняется соотвѣтствующей паузой, напр.

Середи было Казанскаго || царства,
Что стояли бѣлокаменны || палаты.

словъ, но въ повтореніи распространенномъ, напр. во 2-й пѣсни Иліады ст. 671 слѣд. (рѣдкій примѣръ двойного примѣненія этой фигуры):

Νιρεὺς αὖ Σύμηθεν ἄγε τρεῖς νῆας ἐίσας,
Νιρεὺς, 'Αγλαΐης υἱὸς Χαρόποιο τ' ἄνακτος,
Νιρεὺς, ὃς κάλλιστος ἀνὴρ ὑπὸ Ἴλιον ἦλθεν
Τῶν ἄλλων Δαναῶν μετ' ἀμύμονα Πηλεΐωνα.

Форма повторенія у Грековъ такъ-же свободна, какъ у насъ, напр. тамъ-же ст. 837 слѣд.

Τῶν αὖθ' Ὑρτακίδης ἦρχ' Ἄσιος, ὄρχαμος ἀνδρῶν,
Ἄσιος Ὑρτακίδης, ὃν 'Αρίσβηθεν φέρον ἵπποι
Αἴθωνες μεγάλοι ποταμοῦ ἄπο Σελλήεντος

и т. п. (см. мои Observationes criticae въ Nordisk Tidskrift for filologi. Ny raekke VI, стр. 268 слѣд.).

Къ этой формѣ прилагаются всѣ тѣ правила, по которымъ строится полная форма за исключеніемъ, конечно, относящихся къ концу стиха. Сверхъ того эта форма стиха въ былинахъ, по-видимому, не встрѣчается безъ приступа, который большею частью бываетъ двусложный. Вообще стяженій въ ней меньше, рѣдко три, какъ

И съ тѣхъ поръ великая || слава,

но почти только около середины. Никогда не стягиваются 3-ій съ 4-ымъ слогомъ отъ конца. Между стихами этого вида въ былинахъ иногда встрѣчаются обыкновенные былевые [25]).

---

25) Къ сокращенной формѣ былевого стиха, по видимому, восходитъ отчасти тотъ размѣръ, которымъ Пушкинъ написалъ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» (въ 1833 г.) и большую часть «Пѣсенъ западныхъ Славянъ» (въ 1832—1833 г.). Несомнѣнно, что Пушкинъ подражалъ сербскому 10-сложному стиху, хотя весьма своеобразно: замѣтивъ чуть не въ каждомъ стихѣ подлинника то тамъ, то сямъ уклоненія отъ господствующаго трохаическаго движенія, онъ не заботился о введеніи правильнаго стопнаго строя, какъ обыкновенно поступаютъ переводчики, а самъ разрѣшилъ себѣ свободное обращеніе съ размѣромъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что сербскаго ударенія онъ не зналъ. Какъ-же онъ читалъ сербскіе стихи? По всей вѣроятности, съ русскимъ удареніемъ. Отъ такого произношенія стихи, сложенные Сербами — штокавцами, которые отодвигаютъ древнее удареніе, сходное по мѣсту съ русскимъ, по большей части на одинъ слогъ къ началу слова, должны были казаться еще болѣе неправильными, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Сознавая яснѣе всякаго ритмика-теоретика, что однообразное число слоговъ важно только тамъ, гдѣ оно связано со стопностью, Пушкинъ отказался отъ него, какъ отъ излишней обузы, и удовольствовался осуществленіемъ ритма стиха въ общихъ чертахъ. Но что за ритмъ онъ старался воспроизвести? Сравни начало «Видѣнія Короля»:

Король ходитъ большими || шагами
Взадъ и впередъ || по палатамъ;
Люди спятъ, королю || лишь не спится:
Короля Султанъ || осаждаетъ,
Голову отсѣчь || ему грозится
И въ Стамбулъ отослать || ее хочетъ

и нашу народную свадебную пѣсню:

Въ заключеніе находимъ нужнымъ оговорить помѣщенное выше замѣчаніе о музыкальномъ размѣрѣ эпическаго стиха какъ въ полной, такъ и въ сокращенной формѣ. Современные сказители часто исполняютъ этотъ стихъ въ $^2/_4$, отчасти въ $^3/_4$, но эта разница нисколько не вліяетъ на метрическое (или, говоря иначе, просодическое) построеніе стиха. Исполняется ли онъ въ четыре четверти или въ двѣ, во всякомъ случаѣ распредѣленіе удареній соотвѣтствующаго ему текста таково, что первое изъ каждыхъ двухъ удареній звучитъ несомнѣнно сильнѣе, нежели второе, что̀ видно особенно ясно изъ упомянутаго выше преобладанія дактиля въ концѣ стиха.

Впрочемъ, такъ какъ мы уже заговорили объ особенностяхъ сказительскаго исполненія сравнительно съ предположенными въ этомъ изслѣдованіи свойствами былевого стиха, будетъ, пожалуй, небезполезно сказать нѣсколько словъ въ оправданіе того предпочтенія, которое мною оказано невѣдомому Киршѣ Данилову

Ахъ, свѣтъ-ли мои аленьки || цвѣточки,
Свѣтъ лазоревы || василечки!
Вы къ чему такъ рано || пріублекли?
На васъ лютые морозы || не бывали,
Частые дожди || не ливали.

Правда, подобный ритмъ часто дается самъ собою при дословной передачѣ сербскихъ 10-сложныхъ стиховъ, напр. хоть бы въ пѣснѣ «Бог ником дужан не остаје», переведенной Пушкинымъ (но, конечно, не такъ рабски):

Двѣ сосны рядкомъ || выростали,
Между ними тонковерхая || елка.
То не были двѣ || сосны зеленыхъ,
Ни межь ними тонковерхая || елка,
Но то были два брата || родимыхъ и т. д.

передъ живыми хранителями эпическаго преданія, олонецкими и архангельскими пѣвцами. Въ самомъ дѣлѣ, былины Кирши Данилова почти преданы забвенію съ тѣхъ поръ, какъ появился сборникъ Рыбникова, а въ особенности — Гильфердинга съ его въ высшей степени любопытнымъ введеніемъ. Возвращеніе къ записи какого-то неуча, жившаго задолго до начала систематическаго обслѣдованія нашей народной словесности, не есть-ли шагъ назадъ? Несомнѣнно, только не въ общепринятомъ смыслѣ этого выраженія: вѣдь сборникъ Кирши содержитъ въ себѣ самый древній текстъ былинъ, какой намъ доступенъ (за исключеніемъ развѣ только «Богатырскаго слова въ спискѣ начала XVII вѣка», изданнаго Е. В. Барсовымъ въ приложеніи къ XXVIII тому Сборника Отд. рус. яз. и слов.). Такъ, но этотъ Кирша не имѣлъ понятія о научныхъ требованіяхъ отъ записи, а потому его свидѣтельство не заслуживаетъ довѣрія. Первое безспорно справедливо, а второе отсюда не слѣдуетъ: пусть онъ не былъ ученъ, но

Однако едва-ли Пушкинъ примѣнилъ бы такой размѣръ въ сказкѣ, написанной русскимъ народнымъ слогомъ, если бы онъ не чувствовалъ въ этомъ размѣрѣ чего-то русскаго. Поучительно сравнить стихи хотя-бы изъ того-же «Видѣнія Короля»

Никто свѣта въ церкви Божіей || не видитъ

и изъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ»

Здравствуй, барыня-сударыня || дворянка

съ двумя стихами изъ русской народной пѣсни, помѣщенными въ видѣ второго эпиграфа къ V главѣ «Капитанской дочки»,

Буде лучше меня найдешь, || позабудешь,
Если хуже меня найдешь, || воспомянешь.

Но что, если чутье геніальнаго художника предупредило изысканія ученыхъ? что, если напр. такой, со штокавской точки зрѣнія, неправильный стихъ, который поется гуслярами безо всякаго вниманія къ ритмически обязательному трохаическому окончанію,

онъ самъ могъ быть пѣвцемъ-спеціалистомъ, и тогда его отличіе отъ современныхъ намъ сказителей будетъ состоять лишь въ томъ, что онъ старше ихъ, по малой мѣрѣ, на полтораста лѣтъ. Точно-ли онъ былъ профессіональнымъ пѣвцемъ,—этого мы, правда, не знаемъ; но если онъ не занимался пѣніемъ «старинъ», какъ ремесломъ, то въ такомъ случаѣ онъ былъ ихъ любителемъ, и любителемъ страстнымъ, — иначе онъ, по тогдашнему времени, не сталъ бы ихъ собирать, да еще записывать. Вѣрно то, что технику былиннаго творчества онъ зналъ хорошо; это видно изъ обильно разсыпанныхъ у него эпическихъ формулъ, строго выдержанныхъ, но повторяемыхъ совершенно свободно, безъ гоньбы за всякою мѣлочью. Или эту технику зналъ не онъ, а пѣвцы, слова которыхъ онъ записывалъ? Если такъ, онъ записывалъ превосходно, ничего не измѣняя по небрежности, которую и трудно допустить въ такомъ рѣдкостномъ любителѣ, или по личному вкусу, такъ какъ разница въ стихосложеніи, въ стилѣ, даже въ языкѣ между старинными и новѣйшими былинами, козачьими поэтическими повѣствованіями и лирическими пѣснями въ его сборникѣ бросается въ глаза. Скорѣе всего — Кирша самъ былъ пѣвецъ: недаромъ къ каждой пѣснѣ приложены ноты, знаніе которыхъ въ тѣ времена едва-ли было распространено,—ноты западныя, для игры на скрипкѣ, и не безъ основанія нѣкоторыя

Шеталасе царица Милица,

основанъ на такомъ древнѣйшемъ, чакавскомъ первообразѣ:

Шеталасе царица || Милица?

Иначе смотритъ на происхожденіе сербскаго 10-сложнаго стиха проф. Халанскій въ своемъ ученомъ и остроумномъ изслѣдованіи «Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса» стр. 769—772. Отдавая полную справедливость мѣткости его соображеній, тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ нимъ въ вопросѣ о важности числа слоговъ, по крайней мѣрѣ, для древнѣйшаго періода. Отсюда и разница между нами съ нимъ въ оцѣнкѣ преданія современныхъ сказителей. Впрочемъ то, что̀ сказано въ этомъ примѣчаніи о родствѣ сербскаго стиха съ русскимъ, имѣетъ характеръ лишь запроса славистамъ.

изъ вошедшихъ въ составъ сборника стихотвореній Калайдовичъ приписываетъ самому собирателю. Особенно важно XXXVI (стр. 307), озаглавленное «Да не жаль добра молодца битаго — жаль похмѣльнаго». Вотъ этотъ образчикъ собственнаго творчества Кирши:

А и не жаль мнѣ-ко битаго, || грабленаго,
А и того-ли Ивана || Сутырина,
Только жаль добра молодца || похмельнаго[26]),
А того-ли Кирилу || Даниловича:
У похмельнаго добраго || молодца.
Буйна голова || (невтерпежъ) болитъ[27]).
А вы, милы мои братцы || товарищи-друзья!
Вы купите винца, || опохмельте молодца.
Хотя горько да жидко, || давай еще.
Замѣните мою смерть || животомъ своимъ:
Еще нѣ въ кое время || пригожусь я вамъ всѣмъ.

Это стихотвореніе, отъ котораго такъ и вѣетъ ароматомъ «царева кружала», ясно показываетъ, какого рода «любитель» былъ Кирша: если такой человѣкъ записывалъ пѣсни, то дѣлалъ это по причинѣ, болѣе дѣйствительной, нежели платоническое любительство, т. е. либо ему нужно было закрѣпить эти пѣсни

26) У Калайдовича «добраго».

27) У Калайдовича два стиха сведены въ одинъ. Второй изъ нихъ дополненъ здѣсь, разумѣется, только примѣрно, безъ отвѣтственности даже за мѣсто пропуска.

въ памяти для воспроизведенія ихъ въ честной компаніи, будь то среди собутыльниковъ или «сидючи во бесѣдѣ смиренныя у боярина великаго», либо онъ взялся за перо по порученію такого боярина, который и былъ только любителемъ. Кто-же былъ Кирша? Вѣроятно, профессіональный пѣвецъ, скоморохъ, и притомъ, судя по языку и по репертуару, житель Урала или западной Сибири, но едва-ли козакъ: именно козачьи пѣсни, напр. «На Бузанѣ островѣ», записаны неисправно. Техника его та же, какую мы находимъ въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ отчасти и въ наши дни по всей Великой Россіи кромѣ Олонецко-Архангельскаго края — можетъ быть, наиболѣе пѣвучаго, но потому-то и создавшаго, при своей отчужденности отъ остальной Россіи, особые пріемы. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что народное поэтическое творчество не прекратилось въ этихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ, никакъ не говоритъ въ пользу свидѣтельства сохранившихся тамъ былинъ объ исконныхъ формахъ нашего эпоса. Возьмемъ для примѣра «старинку» одного изъ лучшихъ Олонецкихъ сказителей, И. Тр. Рябинина, о Вольгѣ и Микулѣ, слышанную мною нѣсколько разъ отъ самого пѣвца и сверхъ того доступную мнѣ и теперь въ мѣлочно-точной записи Е. А. Ляцкаго, къ которой превосходнымъ ритмическимъ комментаріемъ служитъ музыкальное приложеніе А. Ст. Аренскаго. Со стороны содержанія эта «старинка» представляетъ собою очевидное смѣшеніе двухъ различныхъ богатырей, Вольги Святославича (или «Святославговича») съ Волхомъ Всеславичемъ, къ которому только и относится изученіе «мудростей» и потрясающее дѣйствіе рожденія герояоборотня на звѣрей, птицъ и рыбъ, совершенно ненужныя въ разсказѣ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой (ср. Вс. Ѳ. Миллера «Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1894 г. № 11). Вотъ это мѣсто (ст. 6—12):

Похотѣлосе Вольгѣ || да много мудростей:

Щукой рыбою ходить || ему во синіихъ моряхъ,

Птичкой-соколомъ летать || Вольги подъ оболоки [28]),
Рыскать волкомъ || во чистыхъ поляхъ.
Уходили-то всѣ рыбушки || въ глубокія моря,
Улетали-то всѣ птички || да подъ оболоки,
Убѣгали-то всѣ звѣри || во темны лѣса.

Эти быстро текущіе стихи въ исполненіи Рябинина производили сильное впечатлѣніе. Но здѣсь рѣчь идетъ не объ эстетикѣ, а объ обще-русской старинной поэтической техникѣ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы ожидать приблизительно слѣдующей редакціи:

Щукой-рыбою ходить || во синемъ морѣ,
Яснымъ соколомъ летать || по поднебесью,
Сѣрымъ волкомъ рыскать || во чистомъ полѣ.
Уходили всѣ рыбы || въ морску глубину,
Улетали всѣ птицы || высоко въ небеса,
Разбѣгалися всѣ звѣри || по темнымъ лѣсамъ.

Даже въ такомъ видѣ стихи содержатъ въ себѣ нѣсколько больше слоговъ, нежели полагается по общей нормѣ; но Рябининъ здѣсь умышленно дробитъ ритмъ вставочными словами «да», «ему», «Вольги», «то». Что это есть сознательное дробленіе ритма, обусловленное личнымъ вкусомъ, видно изъ напѣва, въ кото-

---

28) Такъ въ текстѣ г. Аренскаго при нотахъ, а у г. Ляцкаго—«летáть да подъ óболоки». Варіанты у Рябинина не рѣдкость. «Вольги» пѣлъ здѣсь и Рябининъ-отецъ (Гильф. столб. 435 и ноты при столбцѣ 436).

ромъ ноты для этихъ вставокъ добыты по большей части изъ сосѣднихъ нотъ. При перенесеніи его напѣва на предложенную нами редакцію повтореніе однихъ и тѣхъ-же нотъ значительно сократится:

Еще больше было бы разнообразія въ нотахъ, если бы къ этимъ словамъ мы примѣнили тотъ напѣвъ, который данъ у Кирши при былинахъ «Соловей Будиміровичъ», «Иванъ гостиный сынъ», «Иванъ Годиновичъ», «Чурила Пленковичъ» и «Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ» — напѣвъ, несомнѣнно типическій и употребительный только въ древнихъ, чисто эпическихъ пѣсняхъ. Со стороны стилистики между прочимъ замѣтимъ, что именительный и винительный падежи множественнаго числа «темны лѣса» въ старинныхъ пѣсняхъ едва-ли встрѣчается, какъ впрочемъ и вообще множественное число мужескаго рода на ударяе-

мое *а*. Далѣе — перемѣна ударенія въ приведенномъ уже выше «трѐма го́родама» или, въ повтореніи, «тре́ма города́ма» свойственна скорѣе лирикѣ [29]), чѣмъ эпосу, какъ и дробленіе ритма. Притомъ это разнообразіе въ удареніи, а еще болѣе «тре́ма» даже подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ, указываетъ на подчиненіе естественныхъ свойствъ слова требованіямъ размѣра. Что удареніе здѣсь перенесено насильственно, ясно изъ сохраненія *е* подъ удареніемъ безъ перехода въ *ё*. Странныя ударенія, очевидно, искусственныя, такъ какъ попадаются одиноко и не связаны ни съ какой грамматической категоріей, — явленіе, довольно обыкновенное въ пѣсняхъ Олончанъ и Архангельцевъ. Давленіе размѣра на языкъ и смыслъ сказывается у нихъ также въ образованіи конечнаго дактиля посредствомъ неумѣстной прибавки частицъ «то» и «ли», напр.

Накупить намъ бумаги || да черниловъ-то

(Гильф. столб. 1011).

Онъ къ тому-ли къ городу || къ Риму-ли [30])

(Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа стр. 9, ноты «Другаго напѣва»).

Тотъ и другой пріемъ условны, а вторженіе условности есть уже признакъ упадка, дряхлости, предвѣстницы близкаго омертвѣнія и разложенія. Но возвратимся къ «старинкѣ» о Вольгѣ. Выше мы видѣли крайнее дробленіе ритма въ нѣсколькихъ стихахъ подъ рядъ; ниже находимъ обратное явленіе (18—20):

---

29) Напр. Ты лети, лети, соколъ, || высоко и далеко,

И высоко и далеко, || на родиму сторону.

30) Въ современномъ пѣніи ритмъ другой — $^6/_8$, несвойственный стариннымъ русскимъ пѣснямъ, но съ послѣднимъ тактомъ въ $^2/_4$ вмѣсто первоначальныхъ $^4/_4$. Съ переложеніемъ эпическаго стиха въ пѣніи на другой ритмъ мы еще не разъ встрѣтимся при изслѣдованіи размѣровъ русской народной лирики.

Первый городъ || Гурцовецъ [31])

Другой городъ || Орѣховецъ,

Третій городъ || Крестьяновецъ.

И такъ различаются по смыслу группы стиховъ, и въ каждой одинъ стихъ подгоняется къ другому, —пріемъ безспорно эффектный, если примѣняется кстати, но уже искусственный; впрочемъ онъ обусловливается скорѣе безсознательной ритмической ассоціацiей, чѣмъ расчетомъ. Вообще замѣтно стремленіе къ однообразному построенію стопъ, откуда и перестановки ударенiй и вставка ненужныхъ словечекъ. Это стремленіе ведетъ у необразованныхъ людей къ силлабическимъ стихамъ, господствующимъ теперь въ поэзіи лакеевъ, мастеровыхъ и солдатъ. Гоньба за равенствомъ сосѣднихъ между собою стиховъ отразилась и на ст. 23:

Тридцать молодцовъ || да и безъ единаго

вмѣсто нормальнаго

Тридцать молодцевъ || безъ единаго,

какъ Рябининъ, можетъ быть, и сказалъ бы, если бы за этимъ стихомъ не слѣдовало

Самъ ещё Вольга || да й во тридцатыяхъ.

Ст. 15:

Ласковъ князь-то Владымеръ || стольнё-кіёвской [32])

---

31) Въ нотахъ «а Гурцовецъ».

32) И. Тр. Рябининъ ритмизовалъ такъ:

Ласковъ князь то Владымеръ || стольнё-кіёвской ($=^6/_4+^4/_4$ съ точкой при $^1/_8$ для «то» и съ $^1/_{16}$ для «Вла—».

контаминированъ изъ двухъ совершенно различныхъ формулъ:

Ласковый сударь || Владиміръ князь

и

Владиміръ князь || стольный Кіевскій.

Ст. 25—26:

Садились на добрыхъ || коней, поѣхали

По этымъ городамъ || да за получкою.

1) Прилагательное съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и подчиненное ему въ ритмическомъ отношеніи опредѣляемое имъ существительное помѣщаются всегда въ одномъ полустишіи для того, чтобы они не разрывались цезурой, какъ то случилось у Рябинина, который даже отмѣтилъ цезуру посредствомъ протяженія слога «—брыхъ» въ полторы осьмыхъ, сокративъ «ко—» до $^1/_{16}$. Еще примѣръ подчиненія смысла стиху.

2) Мѣстоименіе «этотъ» употребляется въ старинныхъ пѣсняхъ при указаніи на присутствующій предметъ (δεικτικῶς), а не только представляемый (ἀναφορικῶς), напр.

А и эта рука || мнѣ не надобна,

говоритъ Добрыня, отсѣкая руку Маринѣ. Старинный пѣвецъ не сѣверо-западный выразилъ бы ту-же мысль напр. такъ:

Садились они || на добрыхъ коней,

Поѣхали ко тѣмъ || ко городамъ,

Ко тѣмъ городамъ || за получкою,

если бы только послѣднему стиху не предпочелъ такого:

Собирать съ нихъ дани, || невыплаты.

То-же уклоненіе отъ обычной постановки прилагательнаго съ подчиненнымъ ему по ударенію существительнымъ оказывается и въ ст. 37 (какъ въ почти тождественныхъ 43 и 49):

Не наѣхали въ чистомъ || поли ратая.

Здѣсь цезура еще слышнѣе, потому что на стоящій передъ нею слогъ приходится цѣлая $^1/_4$. А стоило только переставить слова. Лирическое разнообразіе удареній также въ ст. 54 и 55:

Каменья, коренья || вывёртываётъ,

А и крупныя ёнъ каменья || всѣ въ борозду валитъ[33]).

Ст. 98:

Отъѣхали отъ сошки || кленовоёй.

Пѣвецъ изъ другой мѣстности сказалъ бы «кленовыя», — правда, не только въ родительномъ падежѣ, но и въ дательномъ, иногда даже въ мѣстномъ, для котораго употребительна и форма на «— оей»; но здѣсь дѣло не въ грамматической правильности, а въ грамматическомъ преданіи.

Ст. 84—87:

Просятъ оны грошей || поддорожныихъ;

А при мнѣ была шалыга || поддорожная:

А у насъ съ шалыгой || съ поддорожноёй

Кой стоя стоитъ, || тотъ и сидя сидитъ и т. д.

Пѣвецъ, очевидно, зарапортовался, и виной тому была таинственная «шалыга». Что она, въ самомъ дѣлѣ, такое? А вотъ послушаемъ дальше (ст. 101 слѣд.):

33) У Рябинина-отца «вси», какъ и слѣдуетъ по-олонецки.

Хошь оставилъ я сошку || въ бороздочки
Не гля-ради прохожаго й || проѣжжаго,
А гля-ради мужика || да деревенщины.
Есть у насъ мужикъ || да деревенщина,
Прозывается шалыга || поддорожная,
То ёнъ сошку съ земельки || повыдернетъ и пр.

Стало быть, не «шалыга», а «Шалыга»: это — имя мужика, товарища Микулы. Женскій родъ не противорѣчитъ такому пониманію: вѣдь есть-же «калика перехожая». Сравнимъ показаніе Рябинина-о́тца. Первое изъ этихъ двухъ мѣстъ онъ пѣлъ почти также, какъ поетъ сынъ, а второе является у него въ такомъ видѣ:

А оставилъ я сошку || въ бороздочки...
Да не гля-ради прохожаго || проѣзжаго,
Ради мужика || деревенщины:
Они сошку съ земельки || повыдернутъ и т. д.

О «шалыгѣ» на этотъ разъ у отца нѣтъ ни слова, за то черезъ два стиха сказано нѣчто, чего нѣтъ у сына:

Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу || крестьянствовати.

Многоточіе послѣ перваго стиха поставлено Гильфердингомъ; и въ самомъ дѣлѣ, здѣсь какъ будто пропущено нѣчто въ родѣ того, что Микула боится за свою соху и желалъ бы принять мѣры къ ея сохраненію — отъ кого именно, пояснено дальше: отъ своего брата-мужика. Смыслъ ясенъ, но не для Рябинина - сына,

упомнившаго это мѣсто только внѣшнимъ образомъ. А кто-же наконецъ «шалыга»? Смотри у Кирши (Калайд. стр. 183):

Въ тридцать пудъ шелепуга || подорожная,

Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу || Чебурацкаго [34]).

Этотъ образчикъ новѣйшей нелѣпости служитъ также блестящимъ доказательствомъ того, какъ скоро въ наше не-эпическое время разлагается эпосъ. Объ отличіяхъ современныхъ олонецкихъ былинъ отъ «Богатырскаго слова», записаннаго въ той-же губерніи (въ Турчасовской волости Каргопольскаго уѣзда), нечего и говорить. Дальнѣйшій разборъ былины о Вольгѣ и Микулѣ, кажется, излишенъ, особенно въ виду продолженія этого изслѣдованія. Но само собою разумѣется, что при изученіи нашего народнаго эпоса никакъ нельзя обойтись безъ помощи его живыхъ или, вѣрнѣе, издыхающихъ остатковъ; только при пользованіи ими ни на одно мгновеніе не слѣдуетъ забывать, что олонецко-архангельскій край — не вся Россія и что XIX вѣкъ — не XVII, дальше котораго мы пока не можемъ проникнуть въ прошедшее въ вопросѣ о древнѣйшей редакціи нашего эпоса.

---

34) «Шелепуга» или «шалыга» — то-же что «шелепъ» — родъ кистеня въ видѣ кнута, оружіе не воина, а путника, иногда — разбойника, какъ теперь карманный револьверъ. Въ числѣ пѣсенныхъ насмѣшекъ надъ свахой есть и такая (Сахаровъ № 186):

Ѣхала свашенька || изъ города,

Свѣсила ноженьки || изъ короба.

Увидѣли свашеньку || два щеголя,

Пріударили свашеньку || въ два шелепа.

I.

Ударенія въ языкѣ русской народной поэзіи.

Русская рѣчь даже въ устахъ образованныхъ людей, говорящихъ языкомъ литературнымъ, обнаруживаетъ нѣкоторыя колебанія относительно постановки удареній: одинъ произноситъ *высóко*, *ворóта*, *óтдалъ*, *нá землю*, другой — *высокó*, *воротá*, *отдáлъ*, *на зéмлю*. Эта разница зависитъ отъ различныхъ нарѣчій; такъ въ приведенныхъ примѣрахъ первый рядъ удареній свойственъ, говоря вообще, сѣверной половинѣ Великой Россіи (со включеніемъ Москвы), второй — южной. Само собою разумѣется, что рѣчь простого народа отличается гораздо большимъ разнообразіемъ въ распорядкѣ удареній, смотря по родинѣ и мѣсту жительства говорящихъ. Въ народной поэзіи, не только русской, но и какой угодно, въ томъ числѣ у Гомера и въ Ведахъ (какъ бы сильно ни было замѣшано въ созданіи этихъ памятниковъ личное творчество), языкъ представляется всегда болѣе или менѣе пестрымъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ неустойчивымъ вслѣдствіе смѣси нарѣчій различныхъ мѣстностей и различныхъ эпохъ, образующейся постепенно при переходахъ одной и той-же пѣсни изъ одной части страны въ другую и передачи

*) Начало статьи см. въ I т. (1896) Извѣстій стр. 1—45.

этой пѣсни отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такимъ путемъ слагается впослѣдствіи условный поэтическій языкъ, разумѣется, не вполнѣ твердо выдержанный, однако достаточно опредѣленный для того, чтобы и позднѣйшіе народные поэты имѣли его въ виду, какъ образецъ, хотя при этомъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ отдѣлаться отъ вліянія своего родного говора. Этотъ искусственный, но въ то-же время безукоризненно народный языкъ сохраняется въ принципѣ неприкосновеннымъ, пока жива народная поэзія. Вымираніе его и постепенное приближеніе языка пѣсенъ къ чистому-ли разговорному той среды, въ которой каждая изъ нихъ поется, или къ литературному уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о вырожденіи народнаго творчества данной эпохи. Мы живемъ именно въ такое время, когда старинная русская пѣсня исчезаетъ, отчасти забившись въ захолустья и тамъ все болѣе обособляясь и вмѣстѣ мельчая, какъ въ Олонецко-Архангельскомъ краѣ, въ Сибири и у казаковъ, отчасти уступая свое мѣсто произведеніямъ городского простонародья, къ которому въ занимающемъ насъ вопросѣ можно причислить и солдатъ, особенно теперь, при общей воинской повинности и краткосрочной дѣйствительной службѣ. Къ солдатскому типу все болѣе приближается и казачья пѣсня, какъ видно хотя бы изъ образчиковъ, печатаемыхъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о мѣстностяхъ и племенахъ Кавказа». О быстротѣ порчи стараго пѣсеннаго склада подъ вліяніемъ обращенія пѣсни въ замкнутомъ кругу опредѣленной мѣстности уже было сказано; заполоненіе народнаго поэтическаго репертуара пѣснями литературнаго характера, даже переводными, представляетъ собою фактъ до такой степени извѣстный, что о немъ нечего распространяться. Еще въ шестидесятыхъ годахъ Гильфердингъ слышалъ въ Олонецкой губерніи сербскую пѣсню о Йовѣ и Марѣ въ переводѣ Щербины, подвергшуюся, правда, въ устахъ сказителей кое-какимъ редакціоннымъ измѣненіямъ въ народномъ духѣ; но такое сравнительно свободное отношеніе къ подлиннику объясняется въ значительной степени нѣкоторой неопредѣленностью его размѣра и отсут-

ствіемъ риѳмы. Не то будетъ, когда и въ тотъ край проникнутъ произведенія въ родѣ Пушкинскаго «Подъ вечеръ осенью ненастной» или Байроновскаго прощанія Чайльдъ-Гарольда съ родиной, уже давно распространенныхъ въ Великой Россіи и отчасти даже въ Малороссіи: въ такіе стихи можно внести только искаженія, какъ приведенное въ предисловіи покойнаго Мельгунова къ первому выпуску его сборника пѣсенъ «Дайте мнѣ синя огня» вмѣсто «Дайте мнѣ сіянье дня», но народнаго въ такихъ замѣнахъ будетъ только непониманіе не-народнаго текста. Что касается предмета настоящаго изслѣдованія, вопроса о пѣсенныхъ удареніяхъ, то, при все возрастающемъ ослабленіи преданія, въ пользованіи даже чисто или почти чисто народными произведеніями или хоть бы редакціями позднѣйшей эпохи надобно придерживаться строжайшей осторожности. Къ этому побуждаетъ не только усиливающееся подчиненіе слова размѣру, на что̀ было указано въ концѣ предшествующаго опыта, но и фактъ, упомянутый тѣмъ-же замѣчательнымъ знатокомъ и собирателемъ русскихъ пѣсенъ, хотя и не оцѣненный имъ во всей его важности именно для этого вопроса,—переносъ напѣва на текстъ, пѣвшійся нѣкогда иначе. Только этимъ, повидимому, и можно объяснить такія дикія ударенія, какъ

Вѣрный мой колодязь,
Вѣрный мой глубокой,
Что ты стоишь безъ воды? (вар.—воды нѣтъ)
«Кони воду выпивали, (вар.—конь воду выпивалъ)
Копытами землю выбивали» (вар.—выбивалъ),

что̀ при первоначальномъ напѣвѣ, теперь утраченномъ, произносилось, вѣроятно, такъ:

Вѣрный || мой колодязь,
Вѣрный || мой глубокій,

Что ты стоишь— || воды нѣту?
«Кони воду || выпивали,
Копытами землю || выбивали»,

но въ старшемъ изводѣ, конечно, не со словомъ «вѣрный», которое и въ схему позднѣйшаго напѣва втиснуто лишь при помощи растяженія перваго слога, а съ какимъ нибудь 3-хъ-сложнымъ, — можетъ быть, собственнымъ именемъ, впослѣдствіи забытымъ. Въ силу этихъ соображеній я взялъ въ основу своихъ изслѣдованій русскаго пѣсеннаго ударенія такъ называемый сборникъ Кирши Данилова̀, какъ старѣйшую извѣстную намъ запись пѣсенъ различнаго содержанія, а это разнообразіе не лишено значенія въ томъ смыслѣ, что русскій народный пѣсенный языкъ оказывается болѣе или менѣе одинаковымъ во всѣхъ родахъ поэзіи. Свидѣтельства этого сборника я провѣряю и дополняю показаніями старинныхъ и распространенныхъ лирическихъ пѣсенъ, которыхъ напѣвы по большей части хорошо извѣстны. Распространенность пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи есть важное условіе установки древнѣйшаго текста. Правда, ссылки на пѣсни лирическія, сложенныя различными размѣрами, о которыхъ не было говорено выше, сопряжены съ нѣкоторыми неудобствами для читателя, но ритмическая разметка надъ строками примѣровъ разъяснитъ ему на первый разъ ихъ строй въ достаточной степени, а между тѣмъ безъ предварительныхъ свѣдѣній объ удареніяхъ трудно приняться и за изслѣдованіе самыхъ размѣровъ. Само собою разумѣется, что объ исчерпывающемъ вопросъ разборѣ всѣхъ примѣровъ необычнаго въ литературномъ языкѣ ударенія здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованію удареній по частямъ рѣчи, необходимо выдѣлить тѣ случаи, которые относятся не къ грамматикѣ, а къ метрикѣ. Выше уже было замѣчено, что вопросъ о совпаденіи удареній прозаическаго и ритмическаго можетъ возникать только по отношенію къ удареніямъ

главному и второстепенному, т. е. къ тѣмъ, которые необходимы въ тактѣ сложномъ, какъ $^4/_4$, составляющемъ половину эпическаго стиха, и $^3/_4$, лежащемъ въ основѣ нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ. Третьестепенное удареніе, какъ появляющееся лишь случайно, вслѣдствіе разложенія четвертей на осьмыя, можетъ приходиться на слоги, въ прозѣ неударяемые. Въ стихахъ изъ тактовъ $^2/_4$, все болѣе и болѣе входящихъ въ употребленіе въ народныхъ пѣсняхъ, совпаденіе ритмическаго ударенія съ прозаическимъ обязательно только для главнаго ударенія, такъ какъ другое удареніе, которое ощущается преимущественно при разложеніи четвертей, въ простомъ тактѣ отмѣчаетъ собою не особый отдѣлъ такта, имѣющій свои ударенія двухъ степеней (второстепенное и третьестепенное), а лишь такую величину, безъ противоположности которой тактовому ударенію не было бы различимо и это удареніе, а съ нимъ и ритмъ. Потому слабѣйшее изъ двухъ удареній такта $^2/_4$ равняется по значенію и по силѣ третьестепенному сложнаго такта, согласно съ чѣмъ въ этомъ изслѣдованіи оно и обозначается лишь точкой надъ слогомъ, какъ третьестепенное [1]). Но и главное удареніе въ самомъ концѣ стиха такого склада можетъ падать на конечный неударяемый слогъ, отдѣленный отъ прозаически ударяемаго однимъ, двумя или тремя неударяемыми слогами. Впрочемъ есть много пѣсенъ въ $^2/_4$, сложенныхъ такъ вольно, что пользоваться ими въ качествѣ источниковъ свѣдѣній объ удареніяхъ почти или даже совсѣмъ невозможно за исключеніемъ развѣ послѣдняго въ стихѣ ударенія, если оно главное, да и то иногда съ тѣмъ условіемъ, чтобы обращать вниманіе на ритмъ не напѣва, который, какъ мы видѣли, нерѣдко оказывается перенесеннымъ изъ другой пѣсни, а на ритмъ первоначальный, сохранившійся только въ текстѣ. Что же касается тѣхъ пѣсенъ, которыя въ этомъ отношеніи надежны, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что

---

1) Иначе отмѣчено второстепенное удареніе такта $^2/_4$ въ первой части изслѣдованія (примѣч. 7 и 17), гдѣ шла рѣчь объ этомъ тактѣ въ стопныхъ стихахъ искусственной поэзіи.

и въ нихъ третьестепенныя ритмическія ударенія должны быть исключены изъ изслѣдованія прозаическихъ удареній.

Но и второстепенныя ударенія въ одномъ извѣстномъ случаѣ могутъ быть въ прямой противоположности къ естественному ритму слова. Этотъ случай есть уже упомянутая прежде (т. I стр. 21) энклиза трохаическихъ словъ, которая состоитъ въ томъ, что 2-сложное слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ, заключающее собою первое или второе полустишіе, послѣ односложнаго слова съ сильнымъ удареніемъ или послѣ 2-сложнаго или 3-сложнаго съ удареніемъ на концѣ теряетъ свое грамматическое удареніе и, вслѣдствіе этого, становясь прозаически неударяемымъ, допускаетъ второстепенное ритмическое удареніе на своемъ послѣднемъ слогѣ. Такъ какъ ритмическое удареніе не есть посторонній языку элементъ, введенный въ него искусственно, а вытекаетъ изъ физическихъ свойствъ языка, то такая энклиза нечужда и прозѣ, напр., хотя слово *либо* въ такихъ сочетаніяхъ, какъ «либо ты, либо я», гдѣ оно стоитъ въ началѣ синтактическаго члена, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ, тѣмъ не менѣе послѣ вопросительныхъ мѣстоименій и нарѣчій замѣняетъ это удареніе болѣе слабымъ на концѣ: *кто-либо*, *гдѣ-либо*, *какой-либо,* откуда уже по аналогіи—*какого-либо* на ряду съ болѣе правильнымъ съ ритмической точки зрѣнія *какого-либо.* До какой степени естественно это явленіе, явствуетъ изъ его существованія и въ другихъ языкахъ, особенно въ новогреческомъ и въ англійскомъ и шотландскомъ, гдѣ оно встрѣчается при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ въ русскомъ, напр.

Καὶ σὺ φόλαν οὐδὲν ἔχεις || νὰ δῷς διὰ τὴν ψυχήν σου
(Θеодора Продрома Κατὰ ἡγουμένων ст. 90).

Σαρδαμαριοῦ παιδὶν εἶσαι || χαυϊαροκαταιλύτου
(тамъ-же 97).

Γό τίς εἶσαι καὶ τί θέλεις || καὶ τί με συντυχαίνεις;
(тамъ-же 473),

даже послѣ предлога, котораго удареніе усилено, вѣроятно, искусственнымъ образомъ:

Νὰ προσκυνῆσαι ὑπὸ πάντων || μικρῶν τε καὶ μεγάλων
(Βέλθανδρος καὶ Χρυσάντζα 145),

послѣ члена, что̀ въ прозѣ было бы натяжкой.

Τρεῖς τὸ ταχὺ, τρεῖς τὸ βράδυ, || χρυσή μου περιστέρα

(Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris DCXLVI, 14), послѣ отрицанія δέν, по примѣру стариннаго οὐδέν, хотя односложная форма въ прозѣ не имѣетъ ударенія·

Ἐτοῦτο ντέρντι δὲν εἶναι, || ὁποὔχω 'ς τὴν καρδιά μου
(тамъ-же, Disticha 339),

при повтореніи слова, не смотря на соблюденіе его ударенія въ первый разъ·

Ἔτσ' εἶναι, μάτια μ', ἔτσ' εἶναι, || ὅπ' ἀγαπάῃ καὶ χάσῃ
(тамъ-же, Disticha 338).

Примѣръ, подобный нашему *како́го-либо̀*:

Σίτ' ἀναγνώθ', (-) σίτι κλαίγει, || σίτ' κρούει τὴν καρδίαν

(трапезунтская пѣсня у Legrand, Recueil de chansons populaires grecques 49, 6). [2)]

---

2) Въ стихѣ такого-же ритма у Пассова Dist. 80:

Ἄνοιξε γῆς (,) μέσα νἄμπω || καὶ σκέπασέ με χῶμα

можно написать и νὰμπῶ, хотя νἄμπω, какъ Dist. 81, кажется употребительнѣе. Однако тамъ-же DCXXXII a 11:

Κὶ ὅσὄ νὰμπῇ κι ὅσο νὰβγῇ, || εὑρέθ' ἐγγαστρωμένη·

Англійскіе примѣры такъ многочисленны, что ихъ можно найти десятки въ любой не очень короткой старинной балладѣ, напр. въ первой части Sir Cauline (Percy, Reliques of ancient english poetry vol. I p. 36 sqq. ed. B. Tauchnitz):

Men call him syr Cauline (ст. 4).
He says, Where is || syr Cauline (23)

и такъ постоянно въ концѣ стиха, то со второстепеннымъ, то даже съ главнымъ удареніемъ, смотря по составу послѣдней стопы; но въ другихъ мѣстахъ стиха

Syr Cauline loveth her || best of alle (9) [3)]

и т. п.

Upon Eldridge hill || there groweth a thorne,
Upon the mores brodinge;
And dare ye, syr knighte, || wake there all nighte
Untill the fayre morninge? (59—62).

Энклиза трохея послѣ трохея:

And Ile either bring you || a ready token (73),

хотя, вѣроятно, не съ полнымъ слогомъ -en, а со слоговымъ n, какъ это слово произносится и теперь: tōkn. Энклизу допускаютъ и новые поэты въ подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ, напр. у Байрона въ пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда (I, 13):

Come hither, hither, || my staunch yeoman,
Why dost thou look so pale?

---

3) Можетъ быть, lōvĕth hĕr и ниже grōwĕth ă. Стихи размѣчены здѣсь по современному выговору и притомъ въ декламаціонномъ ритмѣ. Въ пѣніи является иногда размѣръ $6/8$, т. е., гдѣ у насъ спондеи, слышатся трохеи ($1/4 + 1/8$), а на мѣстѣ дактилей — трибрахіи ($3/8$).

Ór dost thou dread || a French foeman?
Ór shiver at the gale?

Такая энклиза обусловливается не только ритмомъ, но и физическими особенностями даннаго языка, напр. у Грековъ сліяніями въ родѣ τῶβγαλε изъ τὸ ἔβγαλε, или усѣченіями — τό᾽βγαλε, что̀ при частомъ отпаденіи нарощенія повело къ τό βγαλε будто бы вмѣсто τὸ βγάλε (см. Византійскій Временникъ 1896 № 4), у Англичанъ и Шотландцевъ—грамматическимъ второстепеннымъ удареніемъ (Nebenton): mórnìng, yeómàn и т. п., и само собою разумѣется, что эта перестановка ударенія должна была имѣть у всякаго народа свою особую исторію, состоявшую впрочемъ преимущественно въ распространеніи аналогіи. Тоже, конечно, и у насъ, хотя на первый разъ приходится ограничиться догадками. Точкой отправленія развитію энклизы трохаическихъ словъ могли послужить ударяемыя на первомъ слогѣ формы словъ съ подвижнымъ удареніемъ послѣ предлоговъ: *нá ногу*, *зá руки*, *пóдъ воду*, *ó земь*, *зá уголъ*, *пѣ́ре-далъ* и т. п. Огромное большинство такихъ формъ заключало въ себѣ по два слога (считая ъ и ь), т. е. представляло собою тоническіе трохеи; тоническіе дактили этого разряда, какъ (*нá*) *сторону*, (*пó*) *гóроду*, (*зá*) *вóлосы*, всѣ относятся къ отдѣлу полногласныхъ, а такія слова, бывшія нѣкогда 2-сложными (**сторнá*, **гордъ*, **волсъ*) по отношенію къ удареніямъ подчиняются однимъ законамъ съ 2-сложными, почему и отличаются отъ другихъ, напр. *сторонá* — мн. *стóроны*, *головá* — *гóловы* (и единственное 4-сложное *сковородá—скóвороды*), а *высотá*—мн. *высóты*, *стрекозá—стрекóзы*. Но прежде, чѣмъ приводить въ связь эти два рода энклизы, ознакомимся съ энклизой трохаическихъ словъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, которые мы расположимъ по синтактическимъ категоріямъ. Примѣры эти заимствованы изъ сборниковъ Кирши и Сахарова, изъ которыхъ первый будетъ здѣсь обозначенъ лишь цыфрой страницы, второй — буквой «С.», цыфрой страницы и цыфрой пѣсни.

1) Приложеніе предшествующее (въ видѣ первой части сложенія) подчиняетъ себѣ опредѣляемое:

Глубота, глубота || океанъ-море (1=387).
Хитрости были || Царя-града (4).
Якори метали || во Днѣпръ рѣку (4).
Купатися || на Сафатъ рѣку (346).
Во ту во матушку || во Израй рѣку (348).
(Сравни: По славной матушкѣ || по Израй рѣкѣ 349).
Тутъ[4] увидѣли || Баранчу рѣку (315)
И скоро выплывали[5] || на Тагиль рѣку (315).
И поплыли || по Тагиль рѣкѣ,
А и выплыли || на Туру рѣку,
И поплыли || по той Турѣ рѣкѣ
въ Епанчу рѣку (316).
Со товарищи[6] || на Иртышъ рѣку (317).
Колоты онѣ были || изъ трость-древа (24).
Къ тебѣ Царю || въ Азовъ городъ (312).
Клеены онѣ клеемъ || осетра-рыбы (24).
Завела нужда-бѣдность (16).
Ахъ и братъ, сестра, || что и родъ-племя (С. 204,10).
Есть ли у Дарьюшки || родъ-племень (С. 153, 180).

4) И въ то время К.
5) И скоро они выплыли К.
6) Со своими товарищами К.

Приложеніе послѣдующее (объяснительное) подчиняется опредѣляемому:

За тебя, сына, || Гордена Блудовича (150).[7]

А и ты, братецъ || Екимъ Ивановичъ (181).

А ты, Свицкой || Король Карлусъ (277, но безъ эклизы 276: Ко Свицкому || Королю Карлосу).

По аналогіи приложеній

Что увидя графъ || Мусинъ-Пушкинъ

въ солдатской пѣснѣ Екатерининскихъ временъ въ сборникѣ Кирѣевскаго вып. 9, стр. 272.

2) Опредѣляющее прилагательное или мѣстоименіе подчиняетъ себѣ опредѣляемое существительное:

Говорилъ Соловей || таково слово (3 ср. 12,53, 81, 85, 88, 101 и др.).

Бросилъ свои || звончаты гусли,
Подхватывалъ дѣвицу || за бѣлы ручки (9 ср. 210, 218, 305, 329 дважды, 335).

Онъ беретъ Царя || за бѣлы руки (52 ср. 79, 83, 238, 250, 350, 354, 362, 365).

Увидѣла она || бѣлу руку (270).

Еще плачутъ малы его дѣти || надъ (его) бѣлымъ тѣломъ (374).

---

7) Если не

За тебя, Гордена || сына Блудовича,

какъ выше

И завидѣлъ Горденъ || сынъ Блудовичъ

и далѣе стр. 151:

Молодой Горденъ || сынъ Блудовичъ

Пропустя она Гордена || сына Блудовича.

Темна ночь || до бѣла свѣта (256).
А тоя-то Камы || за синимъ моремъ —
Своимъ устьемъ впала || въ сине море;
А леталъ орелъ || надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица || въ [8] сине море,
А бѣжали гости || корабельщики,
Собирали перья || на синемъ морѣ (24 ср. 25, 48, 101, 210, 337, 338 дважды, 340 дважды, 341, 343 и др.).
Ужь какъ палъ туманъ || на сине море,
А злодѣй тоска || въ ретиво сердце (С. 202, 5) [9].
Вложилъ Богъ желанье || въ ретиво сердце (К. 272 = 273).
Строганы тѣ стрѣлки || въ Новѣгородѣ (24) и т. п. очень часто, какъ и
Во славномъ Великомъ || Новѣградѣ (72).
Изъ Новагорода || въ каменну Москву (278).
Напущаюсь я || на весь Новгородъ (77), какъ и въ нашей прозѣ.
Скочили всѣ || на рѣзвы ноги (26 ср. 132, 191 дважды, 241, 290, 350, 386).
А и на небѣ просвѣтя || свѣтелъ мѣсяцъ (45 = 50 ср. 189).
Говоритъ ему || таковы рѣчи (341).

---

8) во К.

9) Поется (или пѣлась) эта пѣсня въ иномъ ритмѣ, о которомъ будетъ сказано въ отдѣлѣ лирики.

Къ тому чану, || зелену вину (75).
До того часу, || когда спросятся (119)
Сходни бросали || на ту гору (176).
На ту гору || Сорочинскую (177).
Жалобу приноситъ || своему сыну (150).
На тѣ годы || уреченные (198).
Ко тоя церкви || соборныя (222).
На твои щаски || княженецкія (157 = 158).
До мо[е]го тестя || любимаго (196, До тво[е]го—197, 201 дважды).
Ужь какъ злы, лихи на молодца || своя братья (С. 230, 21)[10].
Выкупайте вы || добра молодца,
Добра молодца, || своего сына,
Своего сына, || сво[е]го родимаго (С. 228, 13).
Молодой женѣ || своя воля (С. 229, 17).
Не сказалъ бы онъ || своему сыну,
Своему сыну, || моему мужу (С. 212, 44).
Не о томъ, что идти || во свѣтлы гридни (97 ср. 160, 199, 213, 219).
И приходитъ онъ || во свѣтлу гридню (137 ср. 200, 212 дважды, 221, 230 дважды, 239, 351).

10) Впрочемъ В. В. Латышевъ слышалъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи *братья́*, вѣроятно, и помимо энклизы (Извѣстія I, 338). То-же удареніе въ Покровскомъ у., Владимірской губ. (тамъ-же, 340), также въ Гдовскомъ у., Петербургской губ. (тамъ-же, 342), въ Буйскомъ, Костромской (тамъ-же, 351). Ср. князья́, зятья́, шурья́ и т. п.

Вы подите во свѣтлу[ю] гридню (18).

Обертываться || сѣрымъ волкомъ (47 по ср. 48:

А волку, медвѣдю || спуску нѣтъ).

А и бродишь по чисту полю (15 ср. 130, 180).

Полетѣлъ онъ далече || во чисто поле (50 ср. 67, 69, 147).

Нагулялся ты, Добрыня, || во чистомъ полѣ (69 ср. 95, 96, 131 и др.)

Какъ издалеча, || изъ чиста поля (211 ср. 234 и 388).

Вшелъ онъ, Добрыня, || во высокъ теремъ (64 ср. 174) [11].

Бѣжала во свой || въ высокъ теремъ (С. стр. 231, № 21).

А сидѣли на пиру || честны[я] вдовы (67 ср. 135, 147).

Сходни метали || на крутой берегъ,

И вышли цѣловальники || на крутъ берегъ (344).

Ужь вы только породили, || круты горы,

Бѣлъ горючъ камень, || великъ добрѣ (С. стр. 209 № 33).

Поклонился матушкѣ || въ праву ногу (150 ср. 334).

Хватя Никиту || за праву руку (335).

А праву руку || съ золотымъ перстнемъ (367).

Опознавала [она] хорошъ || золотъ перстень (370).

Въ дальну Орду— || Золоту землю (89=127)

Хлеснетъ онъ Дунай || по сыру дубу (94 ср. тамъ-же, 144, 419).

---

11) У Олончанъ въ этомъ случаѣ даже *терёмъ*.

И стрѣляетъ Илью || во бѣлы груди,
Во бѣлы груди || изъ туга лука (362 ср. 364, 365).
Полетѣлъ Соловей || съ сыра дуба (354).
Воткнетъ копье || во сыру землю (95 ср. 145, 192, 210, 218, 225 и др.).
И стрѣлялъ въ примѣту || на цѣлу версту (100 ср. тамъ-же и 129).
Ткнулъ себя чингалищемъ || въ бѣлы груди (101) [12].
Сгоряча онъ бросился || въ быстру рѣку (101 ср. 370) [13].
По той по порохѣ, || по бѣлу снѣгу (139)
И за лютымъ звѣремъ || послалъ другое сто (139).
Промежу тѣхъ дорогъ || лежитъ горючъ камень (181 ср. 251).
По отечеству садися || въ большо[е] мѣсто (187).
Увидѣлъ Царевича || въ большомъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ || въ переднемъ углу (335).
Во рукахъ несутъ || большу книгу (С. 225, 5).
Излежался мой || дорогой камень (С. 213, 49).
Распаялся мой || золотъ перстень,
Выкатился || дорогой камень (С. 224, 1).
А снаряжаютъ-то все || чужи люди,
Чужи люди, || незнакомые (С. 153, 180).

---

12) во К.
13) во К. Возможно и «бросался во».

Дѣлили они || золоту казну || пуховой шляпой (С. 246, 24).
На дубу сидитъ || тутъ черной воронъ (207 ср. 208).
Стоючи она съ надежею || съ милымъ другомъ (305).
Молодой Екимъ || со добры кони (182 кр. 265).
А честной Король, || честной Карлусъ (278, а безъ энклизы 277:
У честна Короля, || честнаго Карлуса).
И плюетъ Ильѣ || во ясны очи (249).
Какъ стегнетъ онъ коня || по тучнымъ бедрамъ (353 ср. 356).
Могучи плечи || расходилися (257).
А выпилъ чару || единымъ духомъ (26 ср. 173, 197, 213).
Илья Муромецъ || единымъ словомъ (365).
Смотрючи, глядючи || на русу косу,
На русу косу, || на дѣвичью красу (С. 148, 156).
Что разсыльщики мои || — калены стрѣлы (С. 227, 9).
Отцы, матери, || молоды жены (С. 234, 8).

Сюда-же можно отнести

А окольной дорогой || полтора года (169).
Дружину прибирать || во[14]) три годы (47).
Ровно тридцать лѣтъ || и три года (С. 225, 5; 230, 21).

14) «въ» К.

Рѣже наоборотъ, какъ

Вы простите меня, || міръ и народъ Божій (С. 226, 5).

3) Родительное опредѣленіе подчиняетъ себѣ опредѣляемое:

Гдѣ ихъ роды || роды Царскіе (332).
Пригоню ли тебѣ || голубей стадо (С. 213, 6).
А за нимъ идетъ || стрѣльцевъ рота (С. 225, 5).

4) Глаголъ въ качествѣ сказуемаго подчиняетъ себѣ подлежащее, дополненіе или обстоятельство:

И носи платье || разноцвѣтное (74). [15)]
Учинилъ драку || великую (158). [16)]
Приставалъ скоро || ко круту берегу (170).
Встаетъ рано || ранешенько (182).
Зажигалъ свѣчи || воску яраго (223). [17)]
Понесли питья || медвяныя (231, но 188:
А питья все || заморскія ,

о чемъ ср. ниже, стр. 470).

Смилосердися, || покажи милость (277).
Прибыла сила || во Новгородъ (278).

---

15) Примѣръ сомнительный, потому что 1) постоянный эпитетъ платья есть просто «цвѣтное», 2) смыслъ требуетъ указанія на то, что платье, какъ предлагаемое Васильемъ Буслаевымъ, принадлежитъ ему. Можетъ быть:

И носи мое || платье цвѣтное.

16) Если не «бой—драку».

17) Если не «свѣчу».

А стоитъ крѣпкой || Азовъ городъ (310).[18]
Приказалъ мурзы, || улановьямъ (313, но 311:
А мурзы вы, || улановья.
А и мурзы, улановья || металися || черезъ голову).[19]
Говоритъ дѣвка || улыбаючись (С. 35, 25).
Ты прости, радость || красна дѣвица (тамъ же).
Стругалъ стружки || добрый молодецъ,
Брала стружки || красна дѣвица (С. 202, 4).
Такъ взяла вѣру || божбѣ его (С. 212, 45).
Онъ кидалъ перья || по чисту полю (С. 213, 46).
Не ходи, холостъ, || поздно вечеромъ (С. 213, 48)
Запустѣлъ теремъ || состроенный (С. 214, 1).

5) Сказуемое—глаголъ подчиняется предшествующему слову, по большей части имѣющему главное въ предложеніи логическое удареніе:

Тутъ Добрынѣ || за бѣду стало (62 ср. 63, 64, 66, 90 дважды, 98 и др.).
По цѣлой ковригѣ || за щеку мечетъ (188=190).
Отъ меня Тугарину || то-жь[20]) будетъ (189=190).

---

18) Если не діалектическое *крѣпкóй*: ср. Извѣстія I 342.

19) Если не слѣдуетъ читать «мурзáмъ», то «мурзы-улановья» должно разсматривать какъ «трость-древо» — род. «трость-древа», «океанъ-море» — род. «океанъ-моря». Разсѣченіе такого сложнаго слова цезурой извиняется тѣмъ, что его части, если не связаны однимъ общимъ удареніемъ, сознаются все-таки въ видѣ отдѣльныхъ словъ, что̀ въ данномъ случаѣ поддерживается флексивной формой первой части. Весьма вѣроятно, что и на стр. 311 было бы правильнѣе «А вы, мурзы-улановья». Недѣлимы, не смотря на склоненіе, сложныя съ «полъ» (т. е. половина), изъ которыхъ «во полу́-пирѣ» (514 и 116) можетъ служить примѣромъ такой-же энклизы 170; иначе «во полу́-горѣ».

20) тоже К.

А матушка ему || пѣнять стала (282).
Братъ сестру || за себя емлетъ (388).
Она плачетъ, || какъ рѣка льется (С. 202, 2=209, 30=224, 1=225, 5 и др., или: Они́ плачу́тъ—225, 2).
Я сама сяду, || послушаю (С. 214, 51)
Съ луговой было || со сторонушки (С. 224, 1).
Во письмѣ пишетъ || доброй молодецъ (С. 228, 13).
Не перомъ пишетъ, || не чернилами (С. 231, 22),

при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ извѣстное соединеніе неопредѣленнаго наклоненія съ существительнымъ глаголомъ (какъ по-гречески):

Сложить будетъ || буйну голову (171=177).
Моей крови тебѣ || не пить будетъ,
Моего мяса || не ѣсть будетъ (208).
Мнѣ куда красу дѣть будетъ,
Мнѣ куда положить будетъ? (С. 165, 237).

Отчасти сюда-же относятся многочисленные примѣры энклизы глаголовъ II спряженія (—*ишь*, —*ять*), какъ

Отвѣтъ держитъ || тутъ Царевичъ молодой (328).

Но ихъ умѣстнѣе коснуться въ отдѣлѣ оба удареніи глагола, потому что *держи́тъ* и т. п. встрѣчаются и помимо энклизы. Можно выдѣлить еще усиленія прилагательнаго или нарѣчія качественнаго посредствомъ поставленнаго впереди творительнаго падежа ед. ч. ср. р. того-же прилагательнаго (съ удареніемъ

на послѣднемъ слогѣ), напр.: «давны́мъ давно», «пьяны́мъ пьяна». То-же съ энклизой:

Съ вечера, || позднимъ поздно (6).
По утру-то было || ранымъ рано (С. 234, 8).

Есть еще много случаевъ энклизы, которые трудно подвести подъ опредѣленныя грамматическія категоріи, напр.

Есть сударь, || дорога камка (3).
На небѣ солнце— || въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ— || въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды— || въ теремѣ звѣзды (6=8).
У коня грива || на лѣву сторону (22).
У коня грива || загорѣлася (С. 202, 4).
И тутъ дѣвка || запыхалася (80) [21].
Въ долину сабля || сажень печатная,
Въ ширину сабля || осми вершковъ (204).
Ему тута || за бѣду стало (328).
Ни отца нѣту, || ни матери (С. 204, 10).
Сама съ мѣста || не тронуся (С. 207, 24).
Ты къ чему рано || упиваешься? (С. 215, 6).
Не сама въ землю || становилася (тамъ-же).
У ребятъ корокъ || отъимано (С. 224, 29).
По краямъ лодки || добры молодцы,
Посреди лодки || красна дѣвица (224, 1).

---

21) Можетъ быть, «запыхалася».

Тѣмъ естественнѣе энклиза съ третьестепеннымъ удареніемъ, какъ напр.

Есть, сударь, у васъ[22]) || золота казна (3).
Про стара мужа Терентьища (19).
Потерять будетъ головки || напрасныя (51)
А и ты, братецъ калика || перехожая (183)
Изъ того было стола || Княженецкаго (197).
Во Новѣградѣ товару || больше стараго (272).
Безъ числа больно, надежа, || упиваешься (306).
Во новы сѣни вскочили, || новы сѣни подломили
(С. 35, 26)[23].
А у нихъ въ головахъ || звончаты гусли лежатъ
(С. 262, 2 Радуницкая).

Вообще энклизой, какъ и проклизой, объясняется вольная постановка третьестепенныхъ ударенiй.

Нечего доказывать, что энклиза могла возникнуть только при непосредственномъ соприкосновенiи двухъ словъ, такъ какъ помимо связи звуковой между ними обыкновенно бываетъ еще связь синтактическая или логическая. Потому такой примѣръ, какъ выше «Сама́ съ мѣста̀» или

Пустился недугъ къ сердцу (14=16),

обнаруживаетъ уже влiянiе аналогiи. Это влiянiе сказывается еще явственнѣе въ энклизѣ черезъ предлогъ не безгласный, какъ *съ* или *къ*, а заключающiй въ себѣ полную гласную, напр.

Поскакалъ за матушку || Москву за рѣку (330).

---

22) «у насъ»?
23) Можетъ быть, въ $^2/_4$.

За славну [ю] матушку || за Москву за рѣку (329).
Повелъ Царевича || за Москву за рѣку (тамъ-же).
Пойдешь ты, Добрыня, || на Израй на рѣку (346).
Пришелъ онъ Добрыня || на Израй на рѣку (347).
А съ чѣмъ придтить || къ Царю предъ очи (331).
А съ тѣмъ поди || къ Царю предъ очи (тамъ-же).
А прямо пошелъ || къ Царю предъ очи (тамъ-же).

Еще далѣе идетъ аналогія въ тѣхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда энклиза допускается черезъ неударяемый последній слогъ предшествующаго слова, что̀ возможно, конечно, только при особенно тѣсной связи двухъ словъ, какая бываетъ въ формулахъ, напр.

Избылъ меня батюшка || единымъ часомъ (С. 149, 158).
Избыла меня матушка || единымъ часомъ (тамъ же).

Потому, быть можетъ, и въ приведенныхъ выше постоянныхъ сочетаніяхъ «единымъ духомъ» и «единымъ словомъ», въ которыхъ выше ритмическія ударенія поставлены согласно съ выговоромъ современныхъ олонецкихъ сказителей, удареніе слова «еди́нымъ» оставлялось прежними пѣвцами на середнемъ слогѣ. Въ такихъ случаяхъ энклиза едва-ли сознавалась въ своемъ первоначальномъ чисто ритмическомъ значеніи: вѣроятно, удареніе *часо́мъ* и т. п. казалось уже грамматическимъ. Да оно, пожалуй, и было таково: слова «единый часъ», слившись какъ-бы въ одно, подчинились одному ударенію, такимъ образомъ, что главнымъ удареніемъ этого сочетанія оказалось удареніе перваго слова, а удареніе второго ослабѣло до степени второстепеннаго ударенія, описаннаго выше въ примѣчаніяхъ I стр. 5 и 23, — «еди́ный часъ», какъ «еди́нственный», откуда

род. пад. «еди́на часа̀», какъ «еди́нственнаго̀», дат. «еди́ну часу̀», какъ «еди́нственному̀» и т. д. Можетъ быть, и въ соединеніяхъ «за Москву́ за рѣку̀» или «на Изра́й на рѣку̀» и «къ царю́ предъ очѝ» слѣдуетъ различать два послѣдовательныхъ момента, изъ которыхъ старѣйшій представляютъ выраженія со словомъ *рѣка*, сливающееся съ именемъ какъ-бы въ одно слово: «Москва́ рѣка̀», «Москвы́ рѣкѝ», «Москву́ рѣку̀» и т. д. Энклиза правильная, какова «чисто́ полѐ», «сине́ мо̀рѐ», не могла отозваться на грамматическомъ удареніи подчиняемыхъ въ ритмическомъ отношеніи словъ, потому что причина ея была вполнѣ ясна говорящему [24]), но развившаяся въ постоянныхъ сочетаніяхъ и вообще на почвѣ аналогіи могла вводить его въ нѣкоторый соблазнъ касательно ударенія подчиненнаго слова и внушала ему мысль о возможности ударенія не только на первомъ слогѣ этого слова, гдѣ оно слышалось обыкновенно, но и на второмъ, особенно если это предположеніе поддерживалось другими падежами, напр. *рѣка́, оча́мъ* (въ старину — и *очи́ма*), *часы́* —

24) Смотри напр.

Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
Свѣтъ Петровичъ чесалъ черны,
Чесалъ кудри, приговаривалъ (С. 191, 21 и 192, 21 трижды въ той-же пѣснѣ).

и т. п. очень часто. Къ тому-же такая, такъ сказать, временная энклитика сохраняетъ свои звуки въ томъ видѣ, въ какомъ они являются помимо энклизы, т. е. слова *но́ги, го́родъ, мѣсяцъ, бёдрамъ* послѣ словъ *рѣзвы́, Азо́въ, свѣтёлъ, тучны́мъ*, звучатъ и въ акающихъ говорахъ *ночи, гора̊т, месец* (не вездѣ), *б˙одрам* (но, конечно, *Но́вгородъ=но́вга̊ра̊т, Бѣлгородъ=бе́лга̊ра̊т* и т. п.). Только въ избитыхъ «чисто́ поле» и «синѐ море» второе слово нерѣдко произносится какъ часть перваго: *па̊л˙а̊, ма̊р˙а̊*, и такъ-же, даже помимо пѣсенъ, «въ ту́ пору»=*фту́па̊ру* и «не́ въ пору»=*не́фпа̊ру* по аналогіи соединеній съ предлогами: за́ ноги=*зана̊ги*, «на́ воду»=*на́ва̊ду* и т. д. Сѣверяне, которые говорятъ не только *по́л˙о, го́рот*, (*б˙о́дра* съ *о* подъ удареніемъ), но и *пол˙а́, го́рот* (съ *о* въ неударяемомъ слогѣ), *б˙одро́*, и сверхъ того *се́рцо* (не только послѣ *ретиво́*), легче, нежели другіе Великороссы, могутъ смѣшать второстепенное ритмическое удареніе на послѣднемъ слогѣ временно энклитическаго слова съ настоящимъ удареніемъ.

(двойств. *два часа́*). Не отсюда-ли и наше удареніе *пол-часа́*? Говорятъ и *по́л-часа*. Древнѣйшимъ должно быть признано второе: «по́лъ ча̂са» съ энклизой могло дать только «по́лъ часа̂», род. п. «полу́ часа̂» и т. д.; ср. *по́лдень* изъ «по́л(ъ)дьнѐ», род. *полу́дня* или *полу́дни* изъ «полу́дьнѐ» и т. д., *по́лночь* изъ «по́л(ъ)ночѝ», род. п. *полу́ночи* изъ «полу́ ночѝ» и т. д. Отсюда позволительно заключить, что *полчаса́* возникло путемъ усиленія второстепеннаго ударенія на счетъ главнаго вслѣдствіе предположенія, что род. п. отъ слова *часъ* можетъ быть не только *ча́са*, но и *часа́*, а въ такомъ случаѣ удареніе должно упасть на конечный слогъ всего сочетанія, какъ въ «пол(ъ-в)тора́», «пол-третья́» и т. п. Случаи перевѣса второстепеннаго ударенія надъ главнымъ мы находимъ въ различныхъ языкахъ, напр. въ ново-греческомъ во всѣхъ προπαροξύτονα передъ энклитикой, какъ τὰ χρίματά μου = *такриматáму*, въ шведскомъ въ прилагательныхъ на -lig съ предшествующимъ другимъ суффиксомъ, какъ egentlig = *эйéнтли*, въ нѣмецкомъ lebéndig, wahrháftig и т. п. Впрочемъ сила энклизы такова, что на ряду съ *полтора́* говорится и *по́лтора* (напр. сутокъ), а въ род. всегда *полу́тора*. Нынѣшнія «четверть часа́», «три четверти часа́» объясняются уже аналогіей. Выше мы видѣли удареніе «за̀ щеку́» вмѣсто «за́ щеку̀», далѣе встрѣтимся и съ удареніями *рѣку́*, *гору́* и т. п., въ происхожденіи которыхъ, по всей вѣроятности, замѣшана энклиза, особенно послѣ предлоговъ (за́ рѣку̀, на́ гору̀ и т. д.). Предлогамъ, какъ припомнитъ читатель, мы и приписали съ самаго начала значительное участіе въ развитіи энклизы.

Такое дѣйствіе предлоговъ касается только словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, т. е. такимъ, которыя переносятъ удареніе не въ одной какой-либо формѣ, каково напр. *слеза́* — им., вин. и зват. *сле́зы*. Отсюда слѣдуетъ, что по распространеніи этой особенности предлоговъ на другія части рѣчи, имѣющія съ ними ту общую черту, что и онѣ входили въ тѣсную связь съ послѣдующими словами, первыми примѣрами энклизы были соединенія, состоящія изъ

часто встрѣчаемыхъ опредѣленій, особенно постоянныхъ эпитетовъ, ударяемыхъ на концѣ, и существительныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ качествѣ опредѣляемыхъ, какъ «сине̍ море̍», «чисто́ поле̍», «бѣлы́ руки̍», «бѣлы́ груди̍», «бѣлу́ снѣгу̍», «рѣзвы́ ноги̍», «тучны́ бедра̍», «ретиво́ сердце̍», «кру́тъ берѐгъ», «сыру́ землю̍», «сыру́ дубу̍», «быстру́ рѣку̍», «люты́мъ звѣрѐмъ», «Нова́ города̍», «таково́ слово̍», въ которыхъ и самое прилагательное является иногда съ несвойственнымъ ему удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе энклизы сравнительно слабо ударяемаго второго слова, подобно «(о)номе́днп» (ср. на̍ день, за́ день, два̍ дни, третьёго дни): не даромъ-же въ старинныхъ былинахъ очень употребителенъ переносъ ударенія въ «чисто́ поле̍» и т. п., но не въ такихъ сочетаніяхъ, какъ

У тебя-то есть || да девять братцёвъ

въ олонецкой старинкѣ у Гильфердинга ст. 120. Съ той-же точки зрѣнія совершенно понятна энклиза въ «ту́ гору̍», съ чѣмъ можно сравнить современное *то́тчасъ* (при *тотча́съ*, какъ *сейча́съ*). Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ такому переносу ударенія могли, правда, содѣйствовать другіе падежи, напр. «бѣла́ рука́», «сыра́ земля́», «быстра́ рѣка́»; но едва-ли эта аналогія обращала на себя достаточное вниманіе для распространенія такого-же ударенія на другія формы: въ большинствѣ случаевъ или употребляемыя въ смыслѣ постоянныхъ эпитетовъ прилагательныя имѣли удареніе неподвижное (кромѣ положенія передъ трохаическимъ существительнымъ) или самыя сочетанія не встрѣчаются въ иномъ видѣ, какъ напр. нѣтъ въ пѣсняхъ ед. ч. «рѣзва́ нога». Не забудемъ при этомъ, что число словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ древне-русскомъ было, по видимому, гораздо значительнѣе, нежели теперь, чему доказательства найдутся между прочимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само

собою разумѣется, что опредѣляемыя, подчинявшіяся ритмически по особымъ, естественнымъ причинамъ, увлекали за собою другія трохаическія существительныя въ томъ-же положеніи, хотя бы эти особыя причины ихъ не касались.

Къ древнѣйшимъ случаямъ энклизы относятся, безъ сомнѣнія, и опредѣляемыя тѣсно связанныхъ съ ними приложеній. Можетъ быть, не случайности слѣдуетъ приписывать то обстоятельство, что бо́льшая часть такихъ опредѣляемыхъ состоитъ также изъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ: «океа́нъ-морѐ», «Днѣ́пръ-рѣку̀», «тро́сть-древо̀», «Азо́въ (Пско́въ и т. п.) — горо̀дъ», «ро́дъ-племя̀»; но здѣсь энклиза едва-ли нуждалась въ этомъ условіи, почему и нѣтъ основанія для того, чтобы считать соединеніе «осетра́-рыбы̀» или даже «Днѣпръ-рѣка̀» болѣе новыми, чѣмъ «Днѣ́пръ-рѣку̀». Въ аппозитивныхъ сочетаніяхъ выступаетъ уже начало логическое: видъ подчиняетъ себѣ родъ, потому что въ каждомъ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о видѣ, а названіе рода прибавляется лишь ради объясненія, какъ болѣе извѣстное по своей распространенности. Это начало, само по себѣ постороннее ритмикѣ, до нашихъ дней при непосредственномъ столкновеніи прозаическаго ударенія логически важнаго слова съ трохаическимъ словомъ меньшей важности сказывается въ томъ, что послѣднее подчиняется предъидущему и терпитъ всѣ послѣдствія энклизы; напр. мы говоримъ:

«Легко было начать, да трудно кончить»,

а при живой интонаціи, какая часто слышится въ народной рѣчи, энклизу можно наблюдать и въ такомъ примѣрѣ, какъ слѣдующій:

«Самъ знаю, что дѣло плохо, да что съ этимъ подѣлаешь?»,

т. е., на сколько можно выразить интервалы рѣчи нотами,

Для ритмическаго подчиненія трохаическаго слова непосредственно предшествующему ударенію нужно, конечно, еще полное отсутствіе паузы между обоими словами. Послѣднее условіе мы найдемъ во всѣхъ выписанныхъ выше примѣрахъ энклизы, но само собою разумѣется, что особенно точно оно осуществляется въ такихъ выраженіяхъ, какъ «за бѣду́ стало̀», «сломи́ть будѐтъ», «поздни́мъ поздно̀», составляющихъ какъ-бы одну логическую и грамматическую единицу. Что касается логическаго преобладанія перваго слова, то и это условіе оказывается соблюденнымъ въ большинствѣ примѣровъ. Для правильной оцѣнки положенія дѣла часто бываетъ необходимо принять въ расчетъ отношеніе даннаго мѣста къ предшествующей части пѣсни; напр. стихъ «Говори́тъ дѣвка̀ улыбаючись» находится въ пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица.

Такимъ образомъ здѣсь «дѣвка» по своему значенію въ связи разсказа сводится почти къ служебному слову и легко могло бы быть замѣнено мѣстоименіемъ *она*. Такъ и «по краямъ лодки» встрѣчается уже послѣ стиха

Что гребетъ плыветъ легка лодочка

и другихъ, содержащихъ въ себѣ описаніе этой лодки. Пѣвецъ, особенно эпическій, едва-ли рѣшился бы сказать «въ долину́ сабля̀» и «въ ширину́ сабля̀», если бы непосредственно передъ этимъ не увѣдомилъ слушателя, что у Михайлы Казарянина

Ко лѣво́й бедрѣ припоясана сабля острая.

И здѣсь было бы понятно «она». Слѣдуетъ обратить вниманіе и на риторическую сторону рѣчи; такъ «въ теремѣ́ солнцѐ, — мѣся̀цъ, — звѣзды̀» вполнѣ оправдывается не только тѣмъ, что впереди находится стихъ

Хорошо въ теремахъ изукрашено,

но и сильнымъ противоположеніемъ къ первымъ половинамъ тѣхъ-же стиховъ: «На небѣ солнце, — мѣсяцъ, — звѣзды». Такъ-же «Ни *отцá* нѣту, ни *матери*» и т. п. Но нельзя спорить противъ того, что напр. въ стихахъ

И сахáрнаго куса поѣдено,
У ребя́тъ корòкъ отъимано

энклизѣ подвергся какъ разъ одинъ изъ членовъ противоположенія. Правда, и для этого случая можно найти извиненіе, именно въ томъ, что дополненіе «у ребятъ» представляетъ собою со стороны смысла опредѣленіе къ слову «корòкъ», вслѣдствіе чего «у ребятъ корокъ» идетъ въ параллель къ «сахарному кусу», а потому и можетъ быть противоноставлено ему какъ одно цѣлое. Однако очень сомнительно, чтобы энклиза была допущена при такихъ условіяхъ въ старинной былинѣ. Вообще должно замѣтить, что, чѣмъ стихотвореніе старше, тѣмъ рѣже въ немъ попадаются случаи энклизы, не принадлежащіе къ разрядамъ наиболѣе естественнымъ и, по видимому, древнимъ; мало того: судя по той легкости, съ какой эти менѣе естественные примѣры устраняются посредствомъ вставки односложныхъ или двусложныхъ служебныхъ словъ, какъ *ты, онъ, тотъ, тебѣ*, и другими путями, на чтò были даны кое-гдѣ указанія подъ текстомъ, можно даже думать, что нáстоящимъ былинамъ въ ихъ первоначальномъ видѣ была свойственна энклиза только разрядовъ 1-го, 2-го и 5-го. Не безъ причины, конечно, болѣе свободное примѣненіе энклизы встрѣчается чаще въ историческихъ пѣсняхъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII в., чѣмъ въ былинахъ богатырскихъ, еще чаще — въ пѣсняхъ лирическихъ, изъ которыхъ многія сложены во времена позднѣйшія, а другія подверглись передѣлкамъ въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ упоминанія въ нихъ частей западной одежды и другихъ бытовыхъ чертъ XVIII в.

Существительныя.

Отдѣльныя слова.

Удареніе *дѣвица* такъ извѣстно, что не за чѣмъ подтверждать его выписками. Такого ударенія, а не *дѣвúца*, и слѣдуетъ ожидать при *дѣва*[25]): *дѣ́ва*, *дѣ́вка*, *дѣ́вица* — такое-же троякое образованіе, какъ *ку́ра* (откуда множ. *ку́ры*) — *ку́рка* — *ку́рица*, (*бѣ́ла*) — *бѣ́лка* — *бѣ́лица* (откуда *бѣ́личій*), *ка́ша* — *ка́шка* — *ка́шица*[26]), *ры́ба* — *ры́бка* — *ры́бица*, *кни́га* — *кни́ж-*

25) Болг. *дѣ́ва* указываетъ, по видимому, на то-же удареніе, т. е., вѣроятно, на праславянское восходящее на первомъ слогѣ: иначе было бы **дѣва́*, какъ *глава́*, *гора́*, *дѫга́*, *нога́*, *рѫка́* и т. п., или это удареніе являлось бы, по крайней мѣрѣ, передъ членомъ — **дѣва́*-та, какъ *во́да*, но *вода́*-та. Въ чешскомъ мы ждали бы долготы, но оказывается краткость, какъ при древнемъ нисходящемъ ударенiи—dĕva, что̀ впрочемъ, какъ будетъ сказано ниже, можетъ и не противорѣчить показанію болгарскаго и русскаго языковъ. Серб. *дjе́ва* (т. е. *дjеѐва̀* съ удареніемъ перенесеннымъ съ послѣдующаго слога) само по себѣ едва-ли доказываетъ существованіе формы **дѣва́*, изъ которой въ штокавскомъ говорѣ получилось бы **дијѐва*. Остается предположить, что *дjе́ва* (*де́ва*, *ди́ва*) или сокращено изъ *дjѐвица*, какъ *ма́jа* (=*маа̀jа*) при *ма̂jка*, *се́jа* (=*сеѐjа̀*) при *сѐстра*, *Ми́ла* (=*Мии̏ла̀*) при *Ми̏лева*, *Ми́лена* или *Ми̏лица*, *Ра́да* (=*Раа̀да̀*) при *Ра̀дана*, *Ра̀до̂jка*, *Ра̀дука* или *Ра̏дула*, *Цвиjѐта* при *Цвjѐтана*, гдѣ однако долгое *ѣ* съ восходящимъ удареніемъ въ видѣ *иjѐ* свидѣтельствуетъ о большей древности или нормальности образованія сравнительно съ *дjе́ва*, или же происходитъ отъ первоначальнаго **дjѐ̏ва*, которое, послѣ того, какъ было вытѣснено изъ обихода уменьшительнымъ *дjѐво̂jка* и, отчасти, быть можетъ, однозначащимъ *дjѐвица*, подверглось передѣлкѣ по аналогіи образованій, подобныхъ *ма́jа*. И тѣмъ не менѣе серб. *дjѐви́ца*, хорут. d(e)vίca, болг. *дѣви́ца* ведутъ къ юго-славянскому **дѣва́*, если только здѣсь не простая аналогія названій женщинъ и самокъ въ родѣ *кра̀љи́ца*, *мађа̀ри́ца*, *ба̀ни́ца*, *кова̀чи́ца*, *друга̀ри́ца*, *капета̀ни́ца*, *вра̀би́ца* и многихъ другихъ, въ томъ числѣ *маjсто̀рица* (хоть и *ма̂jсторица*) отъ *ма̂jстор*, *ђавди́ца* отъ *ђа̏во̂*, *ву̀чи́ца* (*волчи́ца*) отъ *ву̂к* род. *ву̂ка*, *голу̀би́ца* (*голуби́ца*) отъ *го̏лу̂б*, *лабу̀ди́ца* отъ *ла̏бу̂д*. Ср. примѣч. 27. Замѣчу кстати, что во избѣжаніе недоразумѣній съ надстрочными знаками сербскія ударенія я буду обозначать такъ (взявъ здѣсь для примѣра гласную *а*): *а́*=а̏, *а́а*=а̂, *а̀*—*а̀*=а̀, *аа̀*—*а̀*=а́, гдѣ точка на слѣдующей за ударяемымъ слогомъ гласной означаетъ мѣсто первоначальнаго ударенія. Чешская долгота, равномѣрная по высотѣ въ обѣихъ частяхъ гласной: а̄ и т. п.

26) *Каши́ца* (нѣчто среднее между кашей и похлебкой), можетъ быть, не совсѣмъ русское слово, но какое? въ польскомъ его, кажется, нѣтъ.

ка — кни́жица, тро́е — тро́йка — тро́ица, ла́ва — ла́вка — ла́вица, я́года — я́годка — я́годица и т. п.; безъ производнаго на *-ка: ко́жа — ко́жица. Па́лица* (*па́лка*), *га́лица* (*га́лка*), *у́тица* (*у́тка*), *ла́стовица* серб. *ла̏стовица* (*ла́стовка* малор. *ла́стівка*), *ча́ица* (*ча́йка*) и т. п. предполагаютъ также болѣе простыя слова съ удареніемъ на корнѣ [27]). *Дѣвица*, повидимому, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ (считая конечные ъ и ь за полныя гласныя):

Връже Всеславъ || жеребій
О дѣвицю || собѣ любу (10 Тих.).
А вѣ сокольця опутаевѣ красьною || дѣвицею (12).
Ни нама будеть || сокольця,
Ни нама красьны || дѣвицѣ (тамъ-же).

Еще убѣдительнѣе были бы эти примѣры, если бы можно было доказать, что *красьна* произносилось тогда въ 4 слога, по крайней мѣрѣ, въ стихахъ. У Кирши *дѣвица* почти вездѣ (несомнѣнно 24, 35, 52 = 52 = 64, 92, 95, 96 дважды, 149, 209 дважды, 210, 211 дважды, 297 дважды, 305, 306 и др.), въ нѣсколькихъ мѣстахъ размѣръ допускаетъ то и другое удареніе, *дѣви́ца* сравнительно рѣдко, а именно:

Подхватывалъ дѣвицу || за бѣлы ручки (9).
Бросится дѣвица, | испужалася (92).

---

27) Но *води́ца, коси́ца, кори́ца, крупи́ца, земли́ца, лиси́ца, сестри́ца*, малор. *полі́ця, трави́ця* отъ *вода́, коса́* и пр. (серб. во̀ди́ца, ко̀си́ца, ду̏ши́ца, но̀жи́ца, ру̏чи́ца и т. п.). Потому *куни́ца* ведетъ къ *куна́*, а не *ку́на*, какъ принято произносить, вѣроятно, по множ. *ку́ны. Души́ца* origanum vulgare, конечно, не отъ *душа́*, а, вѣроятно, ж. р. къ **душьць*, уменьшительному отъ *духъ*. Хотя слово, лежащее въ основѣ поэтическаго у насъ *кошница*, едва-ли оканчивалось на *-а*, тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ здѣсь вопросъ, почему мы говоримъ *кошни́ца*, также *зѣни́ца*: ср. серб. *ко̏шница* — малор. *ко́шниця*, серб. *зје̏ница*. Не сходятся и въ живомъ языкѣ *ногави́ца* и серб. *но̀га́вица, кобыли́ца* и серб. *ко̀билица*.

Приказалъ онъ дѣвицѣ || наряжатися (96).
Передъ ними ходитъ || красна дѣвица,
Руская дѣвица || полоняночка (209 дважды).
Я сама дѣвица, || знаю, вѣдаю (тамъ-же)
Не плачь(,) дѣвица, || душа красная,
Не скорби(,) дѣвица(,) || лица бѣлаго (210).
Посадилъ дѣвицу || на добра коня (212).
Сохваталъ дѣвицу || за бѣлы ручки (тамъ-же).
Онъ держалъ красну дѣвицу || за бѣлы ручки (305 не

въ былинѣ, а въ пѣснѣ «Передъ нашими воротами», но въ ней-же выше:

Сотоптала, столочила || красна[я] дѣвица душа).
Называлъ красну дѣвицу || животомъ своимъ(тамъ-же).
И проговоритъ дѣвица || душа красная (тамъ-же).
А й ты мной красной дѣвицей || похваляешся (306 въ той-же пѣснѣ).
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу || по бѣлу ея лицу:
Онъ расшибъ у дѣвицы || лице бѣлое,
Проливалъ у дѣвицы || кровь горячую,
Замаралъ на дѣвицѣ || платье цвѣтное.
Расплачется дѣвица || передъ молодцемъ (тамъ-же)
По правую руку || идутъ сорокъ дѣвицъ (383 «Чюрилья Игуменья», откуда и остальные примѣры).
Дѣвицы становилися || по крылосамъ (384).

Запѣвали тутъ дѣвицы || стихи верхніе (тамъ-же).

А мѣшаются дѣвицы, || усмѣхаются (тамъ-же).

А и старицы черницы, || души красныя дѣвицы (тамъ-же, съ риѳмой, невозможной безъ ударенія на среднемъ слогѣ).

Промежу собой, дѣвицы, || усмѣхаетесь (тамъ-же).

Отвѣтъ держатъ черницы, || души красныя дѣвицы (тамъ-же).

Промежу собой дѣвицы || усмѣхаемся (тамъ-же).

Промежу собой дѣвицы || усмѣхаются (385).

Вѣроятно, такъ и въ остальныхъ пяти стихахъ той-же пѣсни, гдѣ встрѣчается это слово:

Позади ея дѣвицъ || и смѣты нѣтъ (383).

Затѣвали тутъ дѣвицы || четью пѣть (384).

Что поютъ дѣвицы, || мѣшаются (тамъ-же).

А и то поемъ, дѣвицы, || мѣшаемся (тамъ-же).

То поютъ дѣвицы, || мѣшаются (385), [28]

хотя второй изъ этихъ стиховъ былъ бы лучше при удареніи *дѣвицы.* И такъ въ двухъ пѣсняхъ (не былинахъ) удареніе *дѣвица* попадается, по малой мѣрѣ, 19 разъ, но вѣрнѣе — 24 раза (можетъ быть, еще на стр. 373, если вѣрно такое исправленіе:

Ты глупая дѣвица, || [да] неразумпая),

а въ былинахъ того-же сборника — 9 разъ (не считая двухъ неясныхъ случаевъ на стр. 342). Это отношеніе само по себѣ поучительно; но оно окажется еще менѣе въ пользу ударенія

28) У К. «То дѣвицы поютъ»; но ср. два предпослѣднихъ примѣра.

на середнемъ слогѣ, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) первый примѣръ на стр. 209 едва-ли что-нибудь доказываетъ въ виду стиха

Руску дѣвицу || полоняночку (210),

изъ котораго можно заключить, что и тамъ слѣдуетъ читать «Руска», и тогда въ обоихъ тѣсно связанныхъ между собою стихахъ будетъ одно и то-же удареніе; 2) въ примѣрахъ на стр. 210 глаголы съ отрицаніемъ могутъ быть отнесены къ анакрузѣ: «Не плачь, дѣвица», «Не скорби, дѣвица», и также «Я сама, дѣвица», «Посадилъ дѣвицу», «Сохваталъ дѣвицу» (или «Схваталъ—»); 3) издревле въ нашей поэзіи на ряду съ *дѣвица* употреблялась форма *дѣвка* [29]). Во всякомъ случаѣ эпическимъ произношеніемъ надобно признать *дѣвица*. Это-же удареніе господствуетъ и въ чисто народной лирикѣ, гдѣ оно гораздо употребительнѣе, чѣмъ можетъ показаться при разборѣ текстовъ безъ напѣвовъ. Дѣло въ томъ, что, какъ уже было замѣчено, пѣсни въ $^2/_4$ допускаютъ вольности въ удареніяхъ, почему напр. въ весьма распространенной около Москвы хороводной

---

29) Нѣкогда и *дѣва*. По поводу предпочтенія той или другой изъ двухъ послѣднихъ формъ позволю себѣ замолвить слово за слоговое значеніе глухихъ гласныхъ въ древне-русскомъ языкѣ или, пожалуй, поэзіи. По смыслу между *дѣвкой* и *дѣвой* въ Словѣ о Полку Игоревѣ не замѣтно никакой разницы; и такъ не было-ли разницы въ числѣ слоговъ? Сравнимъ слѣдующія мѣста:

И россушя ся стрѣлами || по полю,
Помъчяшя красьныѣ || дѣвъкы Половьцькыѣ (3 Тих.).
Се бо готьскыѣ красьныя || дѣвы
въспѣшя на березѣ синему || морю (7).

Здѣсь какъ будто рѣшаютъ выборъ окончанія стиховъ, то дактилическое, то трохаическое. Слоговое произношеніе конечныхъ ъ и ь передъ согласными въ Словѣ о Полку Игоревѣ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, въ чемъ всякому легко убѣдиться. Для церковно-славянскаго языка такое произношеніе всѣхъ ъ и ь, въ какой бы части слова они ни находились, фактически доказано проф. А. И. Соболевскимъ въ его изслѣдованіи «Церковно-славянскія стихотворенія конца IX — начала X вѣковъ» (Спб. 1892).

пѣснѣ третій и четвертый стихъ при ритмическомъ анализѣ получаютъ такой видъ:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ || къ дѣвицѣ въ окошко:
«Ты, дѣвица, догадайся, || радость, домекнися»,

и такъ выйдетъ и въ нотной записи, а при пѣніи посредствомъ незначительнаго (ирраціональнаго) протяженія слога «дѣ-» на счетъ сосѣднихъ слоговъ «ты» и «-ви-» выдвигается то-же удареніе, что въ предъидущемъ стихѣ. Изъ пѣсенъ это удареніе перешло даже въ романсы, написанные будто-бы въ народномъ духѣ, какъ въ нѣкогда знаменитомъ

Ты душа-ль моя, || красна дѣвица

или въ болѣе позднемъ и менѣе искусственномъ

Какъ и шли наши ребята || изъ Нова-города;
Красная дѣвица || на улицѣ была.

Но въ такихъ-же подражаніяхъ или поддѣлкахъ, которыя постарше и попроще, *дѣвица* попадается сплошь да рядомъ, напр. въ сдѣлавшемся отчасти даже народнымъ

Вечеркомъ красна дѣвица || на село гусей гнала.

Въ наше время *дѣвица* слышится чуть-ли не въ однихъ пѣсняхъ (но часто прилаг. *дѣвичій*), а *дѣвица* въ обиходномъ языкѣ простонародія употребляется очень рѣдко сравнительно съ формами *дѣвка* и *дѣвушка* (послѣднее въ старину только въ смыслѣ служилой дѣвушки, напр. дѣвушка сѣнная, поваренная и т. п., а теперь преимущественно въ значеніи звательнаго падежа при обращеніи одной женщины къ другой, хотя-бы замужней); образованные классы, отбросивъ *дѣвку*, предпочитаютъ *дѣвушку*, но, какъ и простой народъ, сохраняютъ *дѣвицу* въ качествѣ чего-то въ родѣ термина. Народъ говоритъ: «она еще въ дѣвицахъ» или «она дѣвица» съ рѣзкимъ противоположеніемъ не только замужней, но и вообще утратившей дѣвство (каковая

можетъ быть и «въ дѣвкахъ») [30]); мы, образованные, говоримъ: «пансіонъ для благородныхъ дѣви́цъ», а когда хотимъ похвалить благородство характера такъ называемой jeune personne, то скажемъ: «какая благородная дѣвушка!»—иначе будетъ паѳосъ или насмѣшка. Откуда эта разница? Очевидно, *дѣви́ца* противуполагалась прежде *дѣвушкѣ* какъ нѣчто болѣе благородное, согласно со стариннымъ значеніемъ слова *дѣвушка*, и какъ болѣе чистое въ нравственномъ отношеніи. Говорится, правда, и «крестьянская дѣви́ца», но только въ концелярскомъ языкѣ для обозначенія принадлежности даннаго лица къ разряду «незамужнихъ» съ его юридическими особенностями. Такое примѣненіе относится уже къ новѣйшему времени, когда подъ вліяніемъ гуманистическихъ идей прежнее выраженіе «крестьянская дѣвка» нашли неприличнымъ. Раньше, чуть-ли не въ царствованіе Елисаветы Петровны, положившей начало опоэтизированію крестьянъ, облагородилось названіе *дѣвушка*, распространившееся предварительна съ дворовыхъ «дѣвушекъ» въ смыслѣ почетнаго прозвища на всѣхъ крестьянскихъ дѣвокъ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже бабъ, такъ какъ «дѣвушками» въ помѣщичьихъ домахъ служили иногда и замужнія (ср. въ словарѣ Вука: «дјѐво̂јка— свака слушкиња, била удата или неудата, удовица или баба од шездесет година» у Дубровничанъ). Судя по *дѣвичьей*, *дѣвица* также считалась менѣе благородной, чѣмъ *дѣви́ца*: первая была если не изъ крестьянъ, то во всякомъ случаѣ изъ большинства, изъ толпы, а вторая — изъ какого-то особеннаго, исключительнаго и притомъ строгаго круга. Невольно вспомнишь «Чюрилью игуменью» и въ ней риѳмованный стихъ

А и старицы-черницы, души красныя дѣвицы.

Черни́ца правильно отъ *черне́цъ*; въ той-же обстановкѣ *бѣли́ца* (отъ *бѣле́цъ*) и *чти́ца*, отчасти *пѣви́ца* (отъ *пѣве́цъ*), *вдови́ца* (отъ

30) Въ пословицахъ (у Даля): «Въ клѣткахъ пти́цы, а въ теремахъ дѣви́цы», «Не смѣйся, братецъ, чужой сестри́цѣ: своя въ дѣви́цахъ», «По дѣви́цѣ и тряпи́ца».

вдова́) и одинъ изъ идеаловъ дѣвицы — *голуби́ца* (отъ *го́лубь* мн. род. *голубі́й*, дат. *голубе́мъ* и т. д. и, можетъ быть, ед. мѣстн. *голуби́*). Играла-ли какую-нибудь роль въ этомъ переходѣ ударенія польское dziewica, соотвѣтствующее нашему *дѣва*, напр. Bogarodzica dziewica, что̀ мыслимо для того времени, когда южно-русское ученое духовенство вошло въ силу на Сѣверѣ, предоставляю рѣшить знатокамъ литературы XVII вѣка, какъ никоніянской, такъ и раскольничьей. Но впредь до появленія какихъ либо новыхъ данныхъ вѣрнѣе приписывать въ этомъ случаѣ вліяніе юго-славянскому ударенію, которое могло быть извѣстно у насъ именно въ монастыряхъ (ср. примѣч. 25).

Точно такъ-же *тёмница* (отъ *тёмный*, но всегда съ *е*, а не *ё*):

Мѣсто темной || темницы (261=263).
Стоитъ (тутъ) темная || темница (310).[31]
И во той было темной || темницѣ (тамъ-же).
Что во той (во) темной || темницѣ (311).
Мимо той да темной || темницы (тамъ-же).
А вы згаркайте || изъ темницы (тамъ-же).
И по разнымъ темнымъ || темницамъ (312).
Сидючи во темной || темницѣ (С. 225, 3).[32]
Добрый молодецъ || сидитъ во темницѣ (С. 228, 13).

---

31) Едва-ли «(Тутъ) стоитъ», потому что въ этой пѣснѣ всѣ стихи начинаются съ анакрузы кромѣ

Либо казнить, || либо на волю пустить (311),

гдѣ и по смыслу не излишне было бы «А» въ началѣ: предшествуетъ

Прикажи ты меня || поить, кормить.

32) Вѣроятно, такъ-же и ниже въ этой пѣснѣ:

Во темницѣ головушку || свою положить.

Впрочемъ размѣръ здѣсь чуть-ли не $^2/_4$, что̀ въ данномъ случаѣ безразлично.

Что во той ли[33]) темной || темницѣ (С. 231, 22).

Какъ была тутъ темна темница (С. 137, 4)[34])

И теперь поется въ арестантской пѣснѣ:

Въ темной темницѣ, || въ заключевницѣ[35])
Онъ не годъ живетъ || и не два года,
А живетъ, живетъ || ровно двадцать лѣтъ.

Загадка (морковь):

Въ темной темницѣ || сидитъ дѣвица, || хвостъ на улицѣ.

Но въ позднѣйшей пѣснѣ, обнаруживающей вліяніе книжныхъ образцовъ:

Въ темницѣ несносной разбойничекъ сидѣлъ (Мельгуновъ вып. I № 18).

Свѣтлица (отъ *свѣтлый*):

Какъ во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ (С. 197, 2).
Ахъ ты, свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица,
Ахъ ты, свѣтъ-ли моя столовая горница,
Во сыромъ-то бору свѣтлица рублена (С. 198, 4).
На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена (тамъ-же)[36]).

---

33) Такъ, можетъ быть, слѣдуетъ пополнить и приведенный выше стихъ изъ Кирши, стр. 311.

34) «Какъ тутъ была» С., что нарушаетъ размѣръ этой пѣсни ($^2/_4$). Ср. выше примѣръ изъ Кирши стр. 310 и при немъ примѣчаніе 31.

35) По недоразумѣнію вмѣсто «заключеньицѣ»; ср. ниже въ текстѣ.

36) За вѣрность ритмическаго разбора этой пѣсни не ручаюсь, но удареніе *свѣтлица* во всякомъ случаѣ здѣсь несомнѣнно.

Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ (тамъ-же).

Можетъ быть, и у Кирши

Гридни, свѣтлицы || бѣлодубовы (124),

но можно прочесть этотъ стихъ и съ другимъ удареніемъ.

И *тёмница* и *свѣтлица* въ двухъ изводахъ пѣсни временъ Семилѣтней войны о Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго:

Тамъ стояла тёмная || темница,
Распроклятая || заключевница (стр. 130, также ниже).
Тамъ стояла нова || свѣтлица,
Нова свѣтлица || королевская (Дополн. XLV и слѣд.).

Нынѣшнее удареніе *темни́ца*, *свѣтли́ца* обязано своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, словамъ на *-ица*, восходящимъ прямо или косвенно къ прилагательнымъ, каковы *молоди́ца* (при *молоде́цъ* отъ *молодо́й*), *тупи́ца* (отъ *тупо́й*), *ушни́ца* (отъ *ушно́й*), *озорни́ца* (при *озорни́къ* отъ *озорно́й*), *тепли́ца* (отъ *тёпелъ* ж. *тепла́*), *горчи́ца* (отъ *го́рькій* — *го́рекъ*, ж. *горька́*) и упомянутыя выше *черни́ца*, *бѣли́ца* [37]), тѣмъ болѣе, что и отъ *тёменъ* и *свѣ-телъ* ж. р. *темна́*, *свѣтла́*. При такихъ условіяхъ колебаніе въ удареніи могло быть исконнымъ. По мало-русски *темни́ця*, *світ-ли́ця*.

Изъ производныхъ на *-ище*, какъ *Тере́нтьище* (13—21), *Пилигри́мище* (81), *чинга́лище* (95, 190, 365), *коро́вища* (190),

37) Но *ста́рица* (отъ *ста́рецъ* безъ отношенія къ ж. *стара́*). Любопытнѣе *шуйца* или, правильнѣе, *шу́ица*, изъ котораго слѣдуетъ, что *шуя* (ж. р. отъ *шуй*) произносилось съ тѣмъ-же удареніемъ, какъ имя города *Шу́я*; ср. *десни́ца* и при немъ названіе рѣкъ *Десна́*. *Сини́ца* не отъ *си́ній*: ср. серб. *сjѐница*; такъ какъ и по мало-русски *сини́ця*, то это слово принадлежитъ въ звуковомъ отношеніи къ одному разряду съ общерусскими *дитя́* и *сидѣти*.

гнóище (236), можно отмѣтить *змѣище* (отъ *змѣй* род. *змѣя*, а не отъ *змѣя́*):

Нашелъ во палатахъ || у змѣища (149),

а потому и

А и гой еси, змѣище || Горынчище (147).

У лютаго змѣища || Горынчища (149).

Говорятъ и *сáжень* и *саже́нь*; у Кирши послѣднее:

Въ вышину три сажени || печатныя (171=177).

По размѣру возможно было бы и *сáжени*, но такой ритмъ не обыченъ и поэтому мало вѣроятенъ, особенно въ повторяющемся стихѣ. Отсюда слѣдуетъ, что не нужно предполагать вліяніе энклизы въ стихахъ, какъ такой:

А мѣрой [40]) тотъ Татаринъ || трехъ сажень (244),

и ради нея усѣкать прилагательное въ стихѣ

Промежъ плечами || косая сажень (тамъ-же).

Впрочемъ, скажемъ-ли мы въ род. мн. *сáжень* или *саже́нь* (говорятъ и *сажóнъ*), эти формы восходятъ не къ *сажень* съ тѣмъ или другимъ удареніемъ, откуда род. мн. *саженéй*, а къ **сáжня* или **сажня́*, какъ *пáшня* или *пашня́*, о которомъ ниже.

Музыка съ удареніемъ на среднемъ слогѣ:

Тутъ въ теремѣ || музыка гремитъ (8).

Это удареніе, общее съ мало-русскимъ, перешедшее съ намъ вмѣстѣ со словомъ въ XVII в., если еще не въ XVI, отъ Поляковъ, было въ исключительномъ употребленіи очень долго; такъ еще у Лермонтова:

Гудитъ музыка полковая (Валерикъ).

Но въ такое позднее время это можетъ быть лишь отголоскомъ литературнаго преданія. Нынѣшнее *мýзыка* должно было

40) Мѣрою К.

все болѣе проникать въ нашъ обиходъ съ усиленіемъ вліянія итальянскихъ и нѣмецкихъ музыкантовъ, называвшихъ свое искусство la música, die Músik. Сами нѣмцы говорили прежде Musík, подражая французамъ, а потомъ переставили удареніе также по примѣру Итальянцевъ, но, вѣроятно, не безъ содѣйствія латыни.

Существительныя отглагольныя на *-нье*, содержащія въ себѣ не менѣе трехъ слоговъ, имѣютъ ударенье обыкновенно на корнѣ:

То старина, || то и дѣянье (30, 194, 225, 241, 251, 283, 366, А и то — 101).
Синему морю || на утѣшенье (30, читай «утишенье», какъ 283: Какъ бы синему —).
А добрымъ людямъ || на послушанье (30, Какъ бы добрымъ — 283).
Веселымъ молодцамъ || на потѣшенье (30, Еще намъ веселымъ — 283).
Молодымъ молодцамъ || на перениманье (283).
Быть тебѣ молодцу || въ пойманьи (377).
На постриженье ты дай мнѣ || пятдесятъ рублевъ (306).
На радость (мнѣ) || да на сбереженье (С. 164, 236)[38]).

Примѣръ съ болѣе или менѣе опредѣленной датой представляетъ пѣсня на постриженье царицы Евдокіи, извѣстная уже при Петрѣ II (см. «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ» вып. 9 Дополненія, стр. XLI):

На постриженье || дамъ сто рублевъ.

---

38) У Сахарова «мнѣ» въ предшествующемъ стихѣ, гдѣ размѣръ его не требуетъ.

Такимъ-же образомъ въ духовныхъ стихахъ *спа́сенье* (малорусское *спа́сіння*, но серб. *спаа̀се̄ње*), въ сѣверныхъ говорахъ *моло́ченье*, *га́данье*, *вста́ванье* (Извѣстія I, стр. 342, 345 и 560). Общеизвѣстная поговорка «не мытьёмъ, такъ ка́таньемъ». Тѣмъ страннѣе *жалова́нье* въ стихѣ былины о Чурилѣ:

А отъ васъ, Осударь, || жалованья нѣтъ (156,
Отъ васъ, Государь — 157),

хотя въ былинѣ о Щелканѣ, составленной впрочемъ въ стихахъ не одинаковаго числа тактовъ, и притомъ $^2/_4$,

Царское жалованье (33).

Однако возможно, что въ первомъ случаѣ это слово значитъ не даръ высшаго низшему, какъ во второмъ, и не плату за службу, а сожалѣніе, участіе въ судьбѣ другого, пособіе. Въ двусложныхъ этого образованія народъ, какъ извѣстно, ставитъ удареніе на концѣ, напр. *пѣньё*, *тканьё*, *враньё*, какъ впрочемъ изрѣдка и во многосложныхъ, напр. *Проплoвеньё* или *Перъпълньё* (съ чѣмъ-то въ родѣ слогового *л*) вмѣсто *Преполове́ніе*, *Введеньё* вмѣсто *Введе́ніе* (но *Устрѣ́тенье*, *Успле́нье*, *говѣ́нье*) [39]. То-же правило соблюдается и въ отглагольныхъ словахъ на *-тье*: *ко́лотье*, но *житьё*, *бытьё*, *питьё* (откуда книжное удареніе *житіе́*, *бытіе́*, *питіе́* вмѣсто *жи́тіе*, *бы́тіе*, *пи́тіе*), *шитьё*, *мытьё*, *пѣтьё* [40]), напр.

Отдавала пѣтью учить || церковному (73),

и также сложное *забытьё*. *Челоби́тье*, какъ сложенное не съ предлогомъ, однако, если не ошибаюсь, не только *рукоби́тье*, но

39) Серб. *тка̏ње̄* и т. п., но *игра̏ње*, *лавдре̏ње* и др., иногда колебаніе: *ѝма̄ње* (какъ и слѣдуетъ въ 3-сложномъ) или *има̏ње̄*; *сазда̏ње̄*, *поста̏ње̄* и др. сложныя, какъ простыя (ср. Даничић, Основе стр. 81). Иначе у Чакавцевъ (см. напр. А. А. Шахматова «Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи» стр. 6 и 47).

40) Серб. *би̏ће̄*, *жи̏ће̄* и т. п. также, вѣроятно, подъ вліяніемъ стяженія.

и *рукобитьё*. Во множ. ч. удареніе отступаетъ назадъ, какъ въ *пятнó—пя́тна* и т. п.:

А питья все || заморскія (188).
И нечестно Тугаринъ || питья пьетъ (тамъ-же).

Въ другихъ мѣстахъ у Кирши такое удареніе, по малой мѣрѣ, допускается стихомъ (26, 28, 29, 62, 161, 188 и др.) кромѣ уже приведеннаго

Понесли питья || медвяныя (231),

что̀ объясняется энклизой, если въ первоначальномъ изводѣ не было и здѣсь «Носили», какъ обыкновенно. Удареніе множественнаго переносится иногда на единственное, или, можетъ быть, единственное число сохраняетъ то удареніе, которое оно имѣло до стяженія:

Послѣ нашего царьского || житья (Рич. Джемсъ 3 и 4).

Неясно

И пропѣли пѣтье вѣчное (К. 292),

но почти несомнѣнно, судя по положенію слова *тебя* въ обоихъ стихахъ передъ знаменательной частью рѣчи:

А погребъ тебѣ злата, || серебра,
Второе тебѣ питья || разнаго (335).

Можетъ быть, съ переносомъ ударенія во мн. ч.

Понесли ѣства || сахарныя (188),

если это не энклиза. То-же удареніе возможно и въ стихѣ

Носили яства || сахарныя (26).

Впрочемъ здѣсь мы уже коснулись отдѣла словъ съ подвижнымъ удареніемъ, о которомъ рѣчь впереди.

Недугъ нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, другіе, и, кажется, большинство, — на послѣднемъ. Такъ и въ «Гостѣ Терентьищѣ»:

Расходился недугъ въ головѣ (14 и 16).
А кто бы-де недугамъ пособилъ,
Кто недуги бы прочь отгонилъ (16).
А недугъ-отъ пошевеливается (21).
А недугъ-отъ не путемъ въ окошко скочилъ (тамъ-же).
Онъ оставилъ (,) недужище (тамъ-же).

Помóчь:

Что кому будетъ Божья помочь (42=43).

Такое удареніе вмѣсто первоначальнаго и обычнаго *пóмочь* (серб. *пóмоћ*) развилось, вѣроятно, путемъ энклизы; сравни

А и дай мнѣ силы || на подмочь (277).
Какъ проситъ силы || на подмочь (278).

Должно замѣтить, что этотъ примѣръ ударенія *помóчь* заимствованъ изъ пѣсни о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, по всей вѣроятности, московской.

Ворота, по сѣверному, съ удареніемъ на второмъ *о*:

Вороты (sic) у города || желѣзные (51). [41)]
Первые [у него] ворота || вальящатые,
Другіе ворота || хрустальные,
Третьи ворота || оловянные (159—160).
Отворяетъ ворота || вальящатые (160).
Простымъ людямъ ворота || оловянные (тамъ-же).
Только онъ въ ворота || выѣхалъ (257).
Передъ нашими широкими || воротами (305).
У крестьянина ворота || крѣпко заперты (411).

---

41) *Ворóты* отмѣчено въ Шуйскомъ у Влад. губ. (Извѣстія I, 551), *ворóта* въ Новгородскомъ у. (тамъ-же 554).

Впрочемъ въ примѣрахъ 1-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ возможно было бы и удареніе на концѣ. Въ испорченномъ стихѣ

Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ (216),

такъ какъ слово *молодецъ* въ былинахъ имѣетъ удареніе обыкновенно на первомъ слогѣ, слѣдуетъ, вѣроятно, вмѣсто *за* читать *въ*; во всякомъ случаѣ ударенье *воро́та* здѣсь ясно. Потому странно въ новгородской былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ:

Убьютъ его (,) || за ворота бросятъ (76).

По крайней мѣрѣ, иначе пришлось бы допустить удареніе *бро́сятъ* (помимо энклизы), что̀ едва-ли возможно. Впрочемъ и въ пѣснѣ о «Гостѣ Терентьищѣ», также новгородской, остается или читать

Ворота были вальящатыя,

причемъ сохраняется размѣръ этой пѣсни (съ тремя удареніями) или, читая

Ворота были || вальящатыя,

признать въ этомъ стихѣ эпическій размѣръ (о 4 удареніяхъ), какъ въ примѣрѣ, приведенномъ выше подъ словомъ «недугъ», если только первоначальная редакція этого мѣста не была приблизительно такова:

А недуго-тъ не путемъ скочилъ
Онъ въ окошечко косящатое.

Въ пѣсняхъ средней и южной Россіи *ворота́*—произношеніе обыкновенное, напр.

Выходила молода || за новыя ворота

въ пѣснѣ, средне-русское происхожденіе которой явствуетъ изъ двоякаго ударенія, сѣвернаго и южнаго, въ стихахъ

Ты лети, лети, соколъ, || высоко и далеко,
И высоко и далеко, || на родиму сторону.

Воро́та предполагаетъ ед. ч. **воро́то*, какъ *рѣшето́* при *рѣшёта*, а *ворота́*, серб. *вра̏та* и чеш. vrata — ед. *во́рото*, какъ *о́блако* при *облака́;* въ малорусскомъ удареніе, по видимому, подвижное: *воро́та*, *ворі́т*, *ворота́м*. Впрочемъ къ этому вопросу мы еще возвратимся, когда дойдемъ до существительныхъ средняго рода съ подвижнымъ удареніемъ.

При помощи пѣсенъ можно установить удареніе словъ, незнакомыхъ большей части Русскихъ изъ живой рѣчи. Такъ въ сборникѣ Кирши:

По протокѣ по Ахтубѣ (107=112).
На протокѣ на Ахтубѣ (109=114=121).
На старой на Канакжѣ (414).
На старую Канакжу (416).

Потому и

Неразумные Канакжане (417 дважды)

Особое положеніе занимаютъ слова, образованныя посредствомъ наставокъ -(ъ)*ба* и -(ъ)*ня*, такъ какъ въ нихъ переносъ ударенія связанъ, повидимому, со склоненіемъ. Потому съ ними мы переходимъ къ отдѣлу, который озаглавимъ

Существительныя съ подвижнымъ удареніемъ.

Женскій родъ.

Слово *жалоба* является не только съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр.

Они жалобу приносили (35).
Доносили они жалобу || великую (254)

и, вѣроятно,

Пошла-то жалоба || великая (73),

но также на послѣднемъ:

Приносили жалобу || они великую (74).
Бьютъ челомъ, || жалобу творятъ (156=157=158).

То и другое удареніе возможно въ стихахъ

Жалобу приноситъ || матера вдова,
(Матера вдова) Авдотья || Блудова жена,
Жалобу приноситъ || своему сыну (150).

Правда, на стр. 74 легко возстановить обыкновенное удареніе путемъ постановки слова *жалобу* послѣ *они*, но въ слѣдующемъ за этимъ примѣрѣ удареніе *жалобу́* несомнѣнно, а свидѣтельство этого стиха имѣетъ особенную важность, такъ какъ онъ, очевидно, представляетъ собою формулу; впрочемъ въ лирикѣ это выраженіе является съ инымъ удареніемъ:

Жалобу творитъ || кукушечка (С. 202, 2),

а потому, конечно, и

Жалобу творитъ || красна дѣвица

въ той-же пѣснѣ. Обратное явленіе встрѣчаемъ въ словѣ *журьба*:

Журьба Васькѣ || не взлюбилася (74).

Удареніе на концѣ было бы возможно лишь подъ условіемъ энклизы слѣдующаго слова, но собственныя имена, по крайней мѣрѣ, трохаическія, энклизѣ не подвергаются. Къ тому-же есть аналогіи, которыми легко оправдать удареніе *жу́рьба*, напр. у Державина, котораго нарѣчіе приближается къ сѣверному, «Приглашеніе къ обѣду» (строфа 2):

Безъ рѣзьбы, злата и сребра.

Вообще удареніе словъ на *-ба* колеблется: мы говоримъ съ одной стороны *журьба́*, *рѣзьба́*, *судьба́*, *борьба́*, *ходьба́*, *мольба́*, *гонь-*

бá, стрѣльбá, гульбá, молотьбá, похвальбá, косьбá, худобá и т. п.[42]), съ другой — *слýжба, дрýжба, тя́жба, свáдьба, жáлоба, злóба* (малор. *хворóба, худóба* и др.). Однако Сербы говорятъ не только *бо̀рба̑, мо̀ба̑, ко̀рба̑* (съ перенесеннымъ удареніемъ), но точно такъ же *слу̏жба̑, дру̏жба̑, зло̀ба̑*, что̀ въ виду преобладанія ударенія на *-ба* и въ русскомъ языкѣ заставляетъ подозрѣвать, что нѣкогда таково-же было въ немъ удареніе и тѣхъ словъ этой категоріи, которыя теперь произносятся съ удареніемъ на корнѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ осложненія суффикса, какъ *женúтьба* — серб. *жѐнитба* — болг. *женúтба*, серб. *ко̀ситба* — болг. *косúтба*, серб. *рѐзитба* и т. п.

Можетъ быть, и въ упомянутомъ выше (стр. 467) словѣ *пашня* привычное намъ удареніе на первомъ слогѣ новѣе того, которое мы, по всей вѣроятности, встрѣчаемъ въ стихѣ

И пріѣхали они || на пашню къ нему (28).

Такъ произносится это слово кое-гдѣ на Сѣверѣ, гдѣ говорятъ и *колокольня́* вмѣсто нашего *колокóльня* (Изв. I, стр...). Здѣсь колебаніе въ постановкѣ ударенія можетъ быть обусловлено отчасти смысломъ согласно съ тѣмъ, какъ мы будемъ понимать это производное отъ глагола *пахать* — въ значеніи мѣста или объекта дѣйствія или-же самаго дѣйствія. Въ первомъ случаѣ являются аналогіи въ словахъ *сплéтня, бóйня, схóдня, лáзня* и произве-

---

42) Можетъ быть, сюда относится *гурьбá*, хотя происхожденіе этого слова неясно; ср. впрочемъ серб. *жу̑рба* «давка, толкотня» при *жу̏рити се* «спѣшить», которое можетъ относится къ нашему *гур-ьба*, какъ geur- къ gour-. Изъ параллелей, приведенныхъ въ «Сравнительномъ этимологическомъ словарѣ русскаго языка» Н. В. Горяева, отмѣтимъ «областное» *гурма*, которое, повидимому, подтверждаетъ дѣленіе *гур-ьба*. Остальныя сближенія сомнительны. Вообще эта книга, составленная вполнѣ добросовѣстно и безспорно полезная, значительно выиграла бы, если бы авторъ относился съ большей критикой къ своимъ источникамъ. Впрочемъ необходимо прибавить, что зато его нельзя упрекнуть въ отсутствіи критики при выборѣ источниковъ. Во всякомъ случаѣ словарь г. Горяева составляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно со всѣми предшествующими попытками этого рода, почему было бы желательно чтобы наши лингвисты обратили вниманіе на это сочиненіе.

денныя не прямо отъ корня *ба́сня*, *пѣсня*, *ку́зня*, *шва́льня*, *спа́льня* и т. п., во второмъ — *рѣзня́*, *грызня́*, *возня́*, *стряпня́* и произведенныя отъ отглагольныхъ существительныхъ (иногда неупотребительныхъ самостоятельно) *топотня́*, *толкотня́*, *пискотня́*, *руготня́*, *трескотня́* (какъ серб. *во̏жња̏*, *гро̏жња̏*, *гр̏дња̏*, *јеѐжња̏*, *суу̏дња̏*, *тлаа̏пња̏* и т. п.—см. Даничић, Основе, стр. 202 и 203, гдѣ впрочемъ смѣшаны различныя образованія). Къ тому-же эти двѣ категоріи часто сливаются, напр. въ словѣ *стряпня́*, которое означаетъ и дѣйствіе и его предметъ. Въ звуковыхъ аналогіяхъ въ пользу того и другого ударенія, какъ *ба́шня* — *квашня́*, также не было недостатка. Но всѣ эти факты объясняютъ лишь то, почему въ словѣ *пашня* во всѣхъ его формахъ утвердилось двоякое удареніе; что-же касается причины самой двойственности мѣста ударенія, то на нее указываетъ съ одной стороны сербскій языкъ, свидѣтельствующій объ удареніи на наставкѣ -(ь)*ня́*, съ другой — удареніе такихъ словъ, какъ *вода́*, *душа́*, въ вин. ед. *во́ду*, *ду́шу*, въ им. мн. *во́ды*, *ду́ши* (серб. *во̀да̏*, *ду̏ша̏* — *во́ду*, *ду́ушу* — *во́де*, *ду́уше*), или такихъ, какъ *слеза́*, *стрѣла́*, въ вин. ед. *слезу́*, *стрѣлу́*, но въ им. мн. *слёзы*, *стрѣ́лы* (серб. *су̏за̏*, *стриjѐла̏* — *су̏зу̏*, *стриjѐлу̏* — *су́зе*, *стри́јеле*). Послѣднее вѣроятнѣе, судя по слову *головня́*, въ вин. *головню́*, въ им. мн. *го́ловни*. И такъ *пашня́*, род. *пашни́* и т. д. по всѣмъ падежамъ ед. ч., вѣроятно, древнѣе, чѣмъ *па́шня*, но им. и вин. мн. искони звучали *па́шни*, род. *па́шень*. Однако сомнительно, чтобы удареніе удерживалось на томъ-же слогѣ въ остальныхъ падежахъ мн. ч.: уже аналогія склоненія того-же слова *головня* заставляетъ ожидать *пашня́мъ*, *пашня́ми*, *пашня́хъ*, какъ и говорятъ во многихъ мѣстностяхъ, образуя притомъ род. пад., именно ради удержанія ударенія на послѣднемъ слогѣ, метапластически (по аналогіи словъ на -ь): *пашне́й*, какъ *свѣче́й* вмѣсто *свѣчъ* отъ *свѣча́* при мн. *свѣ́чи*, дат. *свѣча́мъ* и т. д. Примѣръ такого ударенія въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. при им. мн. съ удареніемъ на первомъ слогѣ есть и у Кирши, — можетъ быть, въ собственномъ его произведеніи:

Стихъ по стиху || на дровняхъ волокутъ (изъ «Стать почитать» въ предисл. Калайдовича стр. XXXII)

при имен. *дро́вни*. До какой степени различна можетъ быть судьба такихъ образованій, показываютъ съ одной стороны мн. ч. отъ *простыня́* (на югѣ *про́стыня*) со всѣми тремя возможными удареніями, что̀ впрочемъ отчасти зависитъ отъ того, что оно сложное, съ другой—мн. ч. отъ *дере́вня* въ стихѣ

Идти селами || и деревнями (227),

съ чѣмъ можно сравнить род. *дере́венъ* въ Вытегорскомъ у., Олонецкой губ. (Извѣстія I, 568).

Такимъ-же образомъ и слово *жалоба* произносилось, вѣроятно, съ двоякимъ удареніемъ, и по той-же причинѣ, т. е. потому, что нѣкогда ударенія въ немъ распредѣлялись такъ: ед. им. *жалоба́*, вин. *жа́лобу*, мн. им. *жа́лобы*. Такъ-же *рѣзьба́* и т. п. Во косвенныхъ падежахъ мн. ч. удареніе было не таково, какъ въ им., а *жало́бъ*, *жалоба́мъ* и пр., какъ род. *сторо́нъ*, *поло́съ*, *голо́въ*, *слободъ*, дат. *сторона́мъ* и т. д. (серб. род. *стра̀на̂а*, дат. *стра̀на̄ма*). Такъ отчасти и до сихъ поръ въ словѣ *судьба́*—мн. *су́дьбы*, *суде́бъ*, *судьба́мъ*, *судьба́ми*, напр. въ выраженіи, употребляемомъ при встрѣчѣ съ лицемъ, которое мы не ожидали видѣть въ данномъ мѣстѣ: «Какими судьба́ми?», хотя въ искусственной рѣчи можно услышать во множ. и *судьбы́*, *су́дьбамъ*.

Если эти соображенія вѣрны, въ нашемъ *жа́лоба* удареніе перенесено изъ падежей, имѣвшихъ его на первомъ слогѣ, чему способствовало частое употребленіе выраженій въ родѣ *приносить жа́лобу* или *жа́лобы*. Такое перенесеніе удареній нѣкоторыхъ флексивныхъ формъ на остальныя въ видахъ однообразной постановки ударенія по всей парадигмѣ встрѣчается и у насъ и у Сербовъ, у которыхъ напр. *сова́* и *леса́* звучитъ *со́ва*, *ле́са*, а *кора́*, закрѣпившее, по видимому, и въ русскомъ языкѣ свое удареніе, подверглось той-же участи въ сербскомъ по противоположной аналогіи—*ко́ра*, какъ у насъ *ве́рба*, которое въ нѣко-

торыхъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говорахъ и въ малорусскомъ еще не утратило подвижности ударенія: ед. *вербá*, мн. *вéрбы*, дат. *вербáмъ* (такъ, по крайней мѣрѣ, на Югѣ); зато по-сербски *вр̏бā* съ одинаковымъ удареніемъ во всѣхъ формахъ (конечно, за исключеніемъ зват. пад. обоихъ чиселъ, по общему правилу). Сербскому *мȳхā* со мн. *мýхе* соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ *мýха* съ неизмѣннымъ удареніемъ, хотя протяженіе въ чешскомъ moucha (съ уменьш. muška) доказываетъ, по видимому, первоначальность ударенія *мухá* (но им. мн. *мȳхы* и, можетъ быть, вин. ед. *мýхѫ*). *Мѣна* произносится обыкновенно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, однако иногда и на послѣднемъ, и въ пользу ударенія на концѣ свидѣтельствуетъ серб. *миjѐнā* «молодой мѣсяцъ», а за вин. *мѣ́ну* (такъ какъ множественнаго числа у этого слова, вѣроятно, не было) говоритъ чеш. měna, гдѣ краткость первой гласной едва-ли можно объяснить иначе, нежели нисходящимъ удареніемъ этого слога (см. изслѣдованіе Ф. Θ. Фортунатова въ Archiv für slav. Philol. IV). Сверхъ того ср. мѣ-нá отъ корня mi- въ ἀ-μεί-βω и др.— цѣ-нá = ποι-νή = зенд. kaē-nā отъ qi- въ τί-ω, τι-μή — лу-нá = luna изъ louk-s-nā отъ louk-, luk- въ *лучъ* и др. — *стор-нá (црк. *страна*, русск. *сторонá* и т. д.) отъ ster- въ sterno, στορέννυμι и пр. — въл-нá отъ vel-, ver- покрывать и т. д. Что въ словѣ *толпá* удареніе было нѣкогда подвижно, можно заключить изъ чеш. tlupa (отъ вин. tlupu = *тълпу) въ противоположность къ louka = малор. *лукá* «лугъ». Рѣзко бросается въ глаза переносъ ударенія и закрѣпленіе его на первомъ слогѣ въ нѣкоторыхъ сербскихъ заимствованіяхъ съ турецкаго, напр. *кáавга*, *сóфра* (или *сóвра*, *сóпра*), *хи́ла*, очевидно, вмѣсто **каа̀вгā* (изъ **кавгá*), **сȍфрā*, **хѝлā* при мн. **кáавге* **сóфре*, **хи́ле*, род. *кáавгаа*, *хи́лгаа* и т. д.; ср. *па̀рā* (тур. *парá* мелкая монета), мн. *пáре*, род. *пáараа* и т. п., между прочимъ и ставшее у Сербовъ 3-сложнымъ *па̀пу́ча* род. мн. *пáпуучаа* (тур. *папýш* или *папýч*). Въ этихъ заимствованіяхъ встрѣчаются и такіе дублеты, какъ наши *пáшня* и *пашня́*, но, кажется, въ обоихъ случаяхъ съ удареніемъ неподвижнымъ, напр. *тȍрбā* въ соотвѣт-

ствіе съ тур. *торба́*, оставшимся безъ измѣненія у Болгаръ, но и *то́рба*, какъ у насъ, употреблявшихъ это слова первоначально, можетъ быть, только въ видѣ мн. *то́рбы* (т. е. хуржумы, саквы, переметныя сумы). Нѣкогда удареніе такихъ словъ въ сербскомъ языкѣ было еще подвижнѣе, такъ какъ они склонялись, по крайней мѣрѣ, отчасти по парадигмѣ *вода́*, *душа́*. Остатокъ такого склоненія представляетъ собою выраженіе *на́ јагму* = на расхватъ или, по простонародному, на шарапъ, гдѣ удареніе на предлогѣ предполагаетъ вин. *ја́гму* при употребительномъ и теперь имен. *ја̀гма̀*. Только предположивъ такое склоненіе, мы поймемъ удареніе въ *па́стрма* (тур. *пастърма́*), которое во множ. неупотребительно. Вѣроятно, такъ-же объясняется и *са́ганлија* вмѣсто ожидаемаго *сага̀нли́ја* (вѣроятно, тур. *соҕанлы́* собств. «луковый»), въ которомъ прибавленное Сербами *-а* какимъ-то образомъ не принимается въ расчетъ, какъ будто бы удареніе стояло на послѣднемъ слогѣ, какъ въ турецкомъ первообразѣ, что̀ мы уже видѣли въ словѣ *па̀пу́ча*. Колебанія между новымъ и старымъ удареніемъ падежей, имѣвшихъ первоначально удареніе на первомъ слогѣ, замѣчаются до сихъ поръ, напр. *ва̀ша̀* (или *ва̀ндр́ша*) «отодранный лоскутъ кожи» — вин. *ва̀шу̀*, но и *ва́шу*, хотя возможно, что послѣднее удареніе вызвано аналогіей, такъ какъ *ва̀ша̀*, по видимому, сокращено изъ *ва̀ндр̀ша*. У насъ полную параллель къ исторіи словъ какъ *ја̀гма̀* и *па́стрма* представляетъ слово *деньга́* (отъ тат. діалект. **дӓнгӑ* при *тӓнкӑ*) — вин. ед. *де́ньгу*, но и *деньгу́*, мн. им. *де́ньги*, род. *де́негъ*, дат. *де́ньгамъ* или, на Югѣ, *деньга́мъ* и т. д., а кое-гдѣ на Сѣверѣ уже и въ им. ед. *дӗнъга* (Извѣстія I, 340 и 560).

Вообще категорія «слеза́—слезу́—сле́зы», вѣроятно, обогатилась съ теченіемъ времени на счетъ категоріи «вода́—во́ду—во́ды» (конечно, въ отдѣльныхъ языкахъ, по уничтоженіи качественнаго различія между удареніями обѣихъ категорій, сказавшемся въ энклизѣ и ея отсутствіи — «на́ воды», но «на сле́зы»). Такъ напр. вин. ед. отъ *гряда́* едва-ли кто, по крайней мѣрѣ, изъ насъ, говорящихъ литературнымъ языкомъ, произнесетъ съ уда-

реніемъ на первомъ слогѣ, а по-сербски отъ *греѐда̑* не только им. мн. *гре́еде*, но и вин. ед. *гре́еду* сохраняетъ нисходящее, т. е. древнее, удареніе въ началѣ. Мы говоримъ не только *траву́*, но и *тра́ву* (откуда *на́ траву*), хотя трудно рѣшить, что̀ древнѣе, такъ какъ по-сербски вин. ед. *тра̀ву̑* (при им. мн. *тра́аве*). Далѣе слова типа «слеза́ — сле́зы» мало по малу объединяютъ удареніе во мн. ч. по им. (вин.) пад., напр. *жена́*, *пчела́*, *сестра́*, *змѣя́*, *свинья́*, *труба́*, *метла́*, *пила́*, *узда́*, *тюрьма́*, *звѣзда́*, *ветла́*, *лиса́* звучатъ большею частью съ удареніемъ на первомъ слогѣ во всѣхъ 2-сложныхъ и 3-сложныхъ падежахъ (кромѣ род. *сесте́ръ* и *свине́й*), хотя *слеза́*, *межа́*, *свѣча́*, *сопля́* и др. въ тѣхъ-же формахъ еще не испытали этого переноса: *слеза́мъ*, *слеза́ми*, *слеза́хъ*, третьи, какъ *стрѣла́*, *скула́*, *серьга́*, *судьба́*, *скала́*, *бѣда́*, *дуга́*, въ нашей рѣчи колеблются. Естественно, что въ словахъ типа «вода́ — во́ду — во́ды» начался тотъ-же процессъ, напр. *и́збамъ*, *дро́гамъ*, *гро́замъ*, *ко́замъ*, *вдо́вамъ*, *тра́вамъ*, *о́самъ*, *ко́самъ*, *со́снамъ*, *ве́снамъ*, *де́снамъ*, *спи́намъ*, *о́вцамъ*, и что это явленіе свойственно языку не однихъ горожанъ, видно изъ самаго значенія приведенныхъ здѣсь словъ. Двоякое удареніе можно услышать у насъ въ тѣхъ-же падежахъ словъ *семья́*, *дрога́*, *стѣна́*, *сноха́*, *соха́*, *кроха́*, *нора́*, *зима́*, *душа́*, *доска́*, *дуга́* и во многихъ другихъ, причемъ уравниваніе идетъ, кажется, съ Сѣвера на Югъ, а не наоборотъ. Не даромъ сѣверные поэты позволяютъ себѣ въ словахъ этого рода такія вольности, какъ

На удѣ вытянуть на брегъ (Ломоносовъ, Ода, выбранная изъ Іова, строфа 10).

Какъ сосна, рында обожженна (Державинъ, На взятіе Измаила, строфа 25)

и, вѣроятно, уже по этому образцу,

Копье, какъ сосна вѣковая (Озеровъ, Пѣснь Уллина).

Если бы эти *у́да* и *со́сна* даже не были заимствованы изъ

какого-нибудь говора [43]), во всякомъ случаѣ переварить такія ударенія тѣмъ легче, чѣмъ чаще встрѣчается удареніе на первомъ слогѣ въ склоненіи этихъ словъ. Но въ старинномъ присловьѣ говорится, что «Пошехонцы въ трехъ соснáхъ заблудились» (таково преданіе — не только о Пошехонцахъ, но и объ удареніи), да и тотъ-же Державинъ говоритъ:

Хотя осыпь его звѣздами.

Поговорка гласитъ: «всѣмъ сестрáмъ по сергáмъ»; сербское *сѐстрá* не обнаруживаетъ даже никакихъ слѣдовъ древняго переноса ударенія на первый слогъ: им. мн. *сѐстрѐ*, род. *сеста̀ара́а*, дат. *сѐстра̀ма*. Въ разныхъ мѣстностяхъ можно услышать: «тарантасъ на длинныхъ дрогáхъ», «нý те къ свинья́мъ» и т. п.

Εἰ γὰρ δεῖ καὶ μῦθον λέγειν, какъ говоритъ Сократъ въ Платоновомъ Федонѣ, я позволю себѣ по поводу подвижности ударенія въ склоненіи основъ на *-а* отмѣтить здѣсь эпизодически одинъ фактъ, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не обратившій на себя вниманія. Выше было уже упомянуто открытіе проф. Фортунатова, что обще-славянское восходящее удареніе въ сербскомъ языкѣ отразилось краткостью ударяемой гласной, въ чешскомъ — ея долготой, а нисходящее въ сербскомъ — долготой, въ чешскомъ — краткостью, причемъ чешскій языкъ, закрѣпляя ударенія во всѣхъ случаяхъ на первомъ слогѣ, отдавалъ предпочтеніе, конечно, тѣмъ формамъ, въ которыхъ удареніе въ обще-славянскую эпоху падало на первый слогъ: strana по вин. stranu изъ *сто̑рнѫ. Рѣдко въ такихъ случаяхъ является долгота, объясняющаяся оттяжкой ударенія съ конца, вслѣдствіе ко-

43) *Сóсна* Петрозаводскаго у., Олонецкой губ., *гýба*, *óльха*, *спúна*, Тобольск. губ. (Извѣстія I, 345 и 560). Тамъ-же *дéньга* (см. выше). И въ Москвѣ говорятъ: «гýба не дура», «нýжды нѣтъ» (можетъ быть, подъ вліяніемъ народнаго «нýждушки нѣтъ»). То-же иногда въ малорусскомъ, напр. у Котляревскаго:

Прямый, якъ сосна, велычавый (Эн. стр. 246 изд. Катр.);

часто *зóря*, въ пѣсняхъ *вдóва*.

торой оно получало на своемъ новомъ мѣстѣ на первое время восходящій характеръ, напр. brāzda — бороздá, также, можетъ быть, moucha (см. выше). Иногда наблюдается колебаніе: jīzba (по им. п. ед.) или jizba (по вин.) — избá — серб. ѝзба̀, pīla или pila — пилá — пѝла̀ и т. п., куда, можетъ быть, относятся sādra или sadra «гипсъ» и mouňa или muňa «дуракъ». Слова на *-а* (*-я*) съ неподвижнымъ удареніемъ въ русскомъ и сербскомъ языкахъ, если не всѣ, то почти всѣ, имѣли восходящее удареніе: колóда—кла́да—klāda, ворóна—врáна—vrāna, си́ла—си́ла—sīla, гри́ва—гри́ва—hřīva, рáна—рáна—rāna, и́ва—и́ва—jīva, лу́жа—louže, гу́ща—houště, вѣ́ра—вjéра—vīra (но věrný и т. п.), сли́ва—сли́ва или шљи́ва—slīva, слáва—слáва—slāva, жáба—жáба—žāba, жáбры — žābry, спрáва — sprāva, чáша — чáша — číše, сѣ́ра — cjéра — sīra и т. д. [44]). Но въ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ по-чешски корневая гласная оказывается краткой, какъ въ сербскомъ, напр. ryba—ры́ба—ри́ба, řiza—ри́за—ри́за, něha—нѣ́га—њéга, pěna—пѣ́на—пjéна, muka—му́ка—му́ка, řepa—рѣ́па—рéпа, kaše—кáша (въ сербскомъ нѣтъ? но есть въ хорутанскомъ), strava—стрáва—стрáва (ужасъ, наведенный чарами) и др., куда можно, кажется, отнести и škola — шкóла (съ польскаго?) — шкóла. Но гораздо чаще количество корневой гласной колеблется, какъ tlāpa и tlapa — лáпа (въ серб. нѣтъ?), knīha и kniha (род. мн. knih или kněh, производныя knižný, knihař или kněhař и т. п.) — кни́га — књи́га, kōže (kůže) и kože — кóжа — кóжа, līpa и lipa—ли́па—ли́па, jīzva и jizva—я́зва (въ сербскомъ нѣтъ?), mīra и měra (съ mīrka, но měřice, měrný и т. п.)—мѣ́ра—

44) Обратное отношеніе между чеш. tajna и серб. та̑јна зависитъ отъ условій, явившихся въ этихъ двухъ языкахъ внѣ всякой связи съ праславянскимъ: въ чешскомъ восходящее удареніе само по себѣ вызываетъ долготу только при открытости ударяемаго слога, а въ сербскомъ краткая гласная въ слогѣ съ древнимъ удареніемъ протягивается передъ сочетаніемъ полугласной съ согласной; см. Лескина Untersuchungen über Quantität und Betonung и т. д. (въ Abhandlungen der kön. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften X) стр. 76. Потому и *кáавга* по ударенію дат. *кáавзи*, вин. *кáавгу*, мн. *кáавге* отъ нормальнаго до—штокавскаго **кавгá*.

мjéра, pīha и piha (веснушка; въ русскомъ прилаг. пѣгій)—пjéга, skřīňe и skřině—скри́ня (скры́ня)—скри́ња и др., въ томъ числѣ, можетъ быть, dlāha и dlaha, не находящее себѣ соотвѣтствія въ русскомъ и сербскомъ языкахъ. Drāha «выгонъ, пастбище» и draha «дорога» представляютъ, конечно, лишь варіанты одного и того-же слова, соотвѣтствующаго русскому *доро́га* — серб. (хорв.) *дра́га* «долина, луговина». Возможно, что смѣна долготъ и краткостей не во всѣхъ случаяхъ этого рода относится ко временамъ чешско-словацкаго единства; напр. piha вмѣсто нормальнаго при такихъ условіяхъ *pěha изобличаетъ позднѣйшее сокращеніе, распространившееся изъ какого-нибудь отдѣльнаго говора, вѣроятно, близкаго къ словацкимъ, такъ какъ причины этого сокращенія всего естественнѣе искать въ отвращеніи отъ двухъ долготъ въ одномъ и томъ-же словѣ, почему напр. твор. пад. отъ pīha звучалъ бы pihou, какъ отъ slāma, krāva Чехи образуютъ этотъ падежъ большею частію съ сокращеніемъ корневой гласной. Той-же причинѣ можетъ быть приписана и общечешская разница въ количествѣ между pān и panī, pāně и paňātko, гдѣ, кажется, не было причины для измѣненія первоначально восходящаго ударенія (кромѣ зват. pane съ нисходящимъ удареніемъ и проклитическаго pan передъ именемъ). Но такое объясненіе всѣхъ примѣровъ колебанія количества во всѣхъ словахъ съ обще-славянскимъ восходящимъ удареніемъ по всѣмъ падежамъ (а не въ одномъ твор. ед., окончаніе котораго отличалось, быть можетъ, особенно ощутительной долготой вслѣдствіе стяженія изъ -оѭ) оставляетъ безъ отвѣта вопросъ, почему-же это явленіе наблюдается именно въ такихъ словахъ несравненно чаще, чѣмъ въ другихъ случаяхъ сосуществованія двухъ долготъ. Такъ какъ, судя по протяженію того восходящаго ударенія, которое возникало вслѣдствіе переноса ударенія съ конца назадъ, чехо-словацкій языкъ долго сохранялъ чутье къ различію между восходящимъ и нисходящимъ удареніями и въ эпоху образованія новой системы удареній отзывался на это различіе такъ-же, какъ въ эпоху своего выдѣленія изъ обще-славянскаго языка, не

проще ли предположить, что и въ склоненіи словъ, какъ *ли́па*, по крайней мѣрѣ, по чехо-словацкому выговору, удареніе корневой гласной измѣнялось аналогично съ переходомъ ударенія въ склоненіи словъ, какъ *вода́*? Можетъ быть, это и было слѣдствіемъ только аналогіи, которая допустима даже для обще-славянской эпохи, потому что подвижность ударенія въ словахъ послѣдней категоріи существовала еще во времена литовско-славянскаго единства; такъ напр. болг. *липа́* наводитъ на пропорцію: праслав. **зо̑лто*: болг. *злато́* = праслав. вин. **ли́йпу*: болг. *липа́*. Аналогія разряда «вода́» должна была дѣйствовать почти неотразимо, если восходящее удареніе древнѣйшаго чехо-словацкаго языка походило на современное восходящее (т. е. перенесенное) удареніе штокавско-сербскаго: какъ *во̀да̀* — вин. *во́ду*, такъ **ли̏па̀* — вин. **ли́пу*, откуда позже lîpa — lipu, или **мі̀ера̀* — **мі́еру*, потомъ mîra — měru. Предположивъ такое отраженіе восходящаго ударенія на послѣдующемъ слогѣ, мы поймемъ и причину того, что въ чехо-словацкомъ языкѣ оно вызывало протяженіе: когда въ этомъ языкѣ вступилъ въ силу законъ акцентуаціи перваго слога, та часть восходящаго ударенія, которая падала на слѣдующій слогъ, отходила назадъ и вела къ тому протяженію, которое происходило отъ переноса ударенія на предшествующій ему слогъ. Такимъ образомъ обѣ эти причины спеціально чехо-словацкаго протяженія сводились бы къ одной — къ увеличенію звукового содержанія перваго слога на счетъ послѣдующаго, бывшаго прежде ударяемымъ. Физіологически процессъ протяженія могъ быть таковъ: восходящее удареніе, т. е. падавшее на вторую часть гласной, хотя бы краткой, а потому захватывавшее собою отчасти и слѣдующій слогъ, какого-бы происхожденія оно ни было, отодвигалось назадъ и переходило на первую часть гласной, привлекая на свое мѣсто отраженіе со слѣдующаго слога: mièrà – miéra—mîra. Въ сокращеніи гласныхъ перваго слога съ нисходящимъ удареніемъ виноваты, можетъ быть, слова, предшествовавшія имъ въ рѣчи, особенно предлоги, которые перетягивали его на себя, особенно, когда началась по-

пятная передвижка ударенія: за обще-славянскимъ *зá ржкж* (съ подвижнымъ удареніемъ) послѣдовало zá mieru, потомъ zá mjeru (=za mĕru). Сербо-хорватскій языкъ, за исключеніемъ штокавщины въ самомъ узкомъ смыслѣ этого термина, отличается поступательнымъ характеромъ ударенія въ еще большей степени, нежели русскій, такъ какъ въ немъ, помимо часто встрѣчаемаго ударенія на конечномъ слогѣ отчасти сохранилось еще пра-сербское восходящее удареніе. Еще рѣзче сказывался этотъ характеръ въ пра-сербскую эпоху, когда, какъ блестящимъ образомъ доказалъ А. А. Шахматовъ («Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», стр. 38), слова типа *водá* имѣли на послѣднемъ слогѣ восходящее удареніе. Согласно съ этимъ стремленіемъ ударенія впередъ обще-славянское нисходящее удареніе требовало такого выдерживанія второй, болѣе низкой или слабой, части гласной, что эта часть могла достигать длительности цѣлой моры, откуда являлось долгота, тогда какъ подъ обще-славянскимъ восходящимъ удареніемъ первая, слабая часть гласной скрадывалась, откуда краткость.

Какъ я началъ этотъ экскурсъ оговоркой изъ Платона, такъ и закончу его словами того-же философа-поэта (Федръ 265, 13), измѣнивъ только глаголъ въ концѣ: ἴσως μὲν ἀληθοῦς τινος ἁπτόμενοι, τάχα δὲ καὶ ἄλλοσε παραφερόμενοι, κεράσαντες οὐ παντάπασιν ἀπίθανον λόγον, μυθικόν τινα ὕμνον συνεγράψαμεν. Хорошо, если было, по крайней мѣрѣ, ἄξιον ἀκοῦσαι, хотя бы и не въ той мѣрѣ, какъ миѳъ, разсказанный Сократомъ въ Федонѣ. Но возвратимся къ основамъ на *-а* въ русскихъ пѣсняхъ, и прежде всего ко множественному числу этихъ основъ, о которомъ шла рѣчь выше.

Переносъ ударенія имен. п. мн. ч. на косвенные падежи, по видимому, чуждъ старинному народному языку: вездѣ мы читаемъ:

Какъ-де служатъ || по усопшимъ душамъ (248).

Потому тѣмъ стрѣламъ || цѣны не было (24) [45].

и т. п., между прочимъ и въ твор. на *-ы*, перенесенномъ изъ склоненія основъ на *-о*:

Со вдовы честны, || многоразумными (8).

Но имен. мн. въ словахъ на ударяемое *-а*, даже иноязычныхъ, обыкновенно имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ, напр.

Кто бы съѣздилъ въ Орды || немирныя (196).

Съѣзжу я въ Орды || немирныя (тамъ-же).

Ѣхать въ дальны Орды || немирныя (197 ср. 199 и 201).

Такъ и въ пѣснѣ о Ермакѣ, стало быть — казачьей и потому нѣсколько отличной по техникѣ отъ былинъ:

Въ Мяденски юрты || приплыли (116). [46]

Мýрзы мы уже видѣли на стр. 446 [47]). Но косвенные падежи, вѣроятно, *мурзáмъ*, *мурзáми*, *мурзáхъ*, какъ

Въ тѣхъ Ордахъ || немирныихъ (199),

гдѣ нѣтъ ни основанія, ни нужды предполагать энклизу.

Неясно удареніе во мн. ч. слова *сумá* (нѣм. sūm, теперь Saum — отъ греч. σάγμα черезъ романско-латинское salma и франц. saume). Вотъ свидѣтельство изъ сборника Кирши:

---

45) Такъ слѣдуетъ читать и выше:

А и тѣмъ стрѣламъ || цѣны не было,

а не «цѣны нѣтъ», какъ у Калайдовича. Это видно уже изъ слѣдующаго стиха

Цѣны не было || и несвѣдомо,

первая половина котораго должна быть повтореніемъ второй половины предъидущаго стиха (см. Извѣстія I, стр. 29—30 съ примѣч. 24).

46) Едва-ли отъ ед. *юртъ*, потому что во мн. муж. р. скорѣе слѣдовало бы ожидать ударенія *юртú*, какъ *гуртú*.

47) У Кирши стр. 312 стихъ не полонъ; вѣроятно, слѣдуетъ читать:

(Гой еси) вы мурзы, || улановья.

Онъ кладетъ во тѣ сумы || переметныя (212).

И велѣлъ снимать сумы || сыромятныя (213).

Расковыривалъ сумы, || вынималъ ярлыки (278).

Всѣ три стиха читаются гладко, будемъ-ли мы произносить *сýмы* или *сумы́*. Вѣроятнѣе первое удареніе, съ которымъ, кажется, и Сумцы выговариваютъ имя своего родного города. За то-же удареніе и аналогія только-что приведенныхъ татарскихъ словъ вмѣстѣ съ упомянутымъ выше *тóрба*. Есть у Кирши стихъ, изъ котораго слѣдовало бы это удареніе и для ед. ч.:

Вынималъ изъ сумы книжку свою.

Но правильность его тѣмъ болѣе подозрительна, что и слѣдующій за нимъ стихъ

Посмотрѣлъ и число показалъ,

очевидно, испорченъ. Тамъ и другой слѣдуетъ пополнить, вставивъ напр. «онъ» послѣ «сумы» и «въ нее» послѣ «Посмотрѣлъ».

Наоборотъ, можетъ быть, не слѣдуетъ объяснять энклизой удареніе въ стихѣ

Распоролъ суму || рыта бархата,

потому что заимствованныя слова этого типа часто принадлежатъ къ разряду *слезá — слезý — слёзы*, какъ видно между прочимъ изъ стиха, не только построеннаго безукоризненно, но еще и встрѣчающагося въ двухъ мѣстахъ безъ малѣйшей перемѣны, а потому несомнѣнно переданнаго правильно:

Въ дальну Орду, || въ Половецку землю (252=255).

Объ ударенiи *землю́* и т. п. было уже упомянуто вскользь въ концѣ изслѣдованія энклизы (стр. 452). У Кирши есть еще три примѣра, всѣ съ предлогами:

Взялъ ее за хвостъ, || подъ гору махнулъ (189=190 безъ «ее»).

Переѣхалъ молодецъ || за рѣку за Смородину (297).
Тѣло терзалъ, || во рѣку бросалъ (367)

и уже извѣстный читателю

По цѣлой ковригѣ || за щеку мечетъ (190).

Чаще въ лирическихъ пѣсняхъ, напр.

И высоко и далеко, || на родиму сторону (С. 87, 4).
Погоню (ли) я корову на росу (С. 97, 27).
Сама по воду пойду || на Москву на рѣку,
На Москву на рѣку, || къ Разгуляю кабаку,
по студеную воду (С. 215, 5).
А отдалъ (то) || меня батюшко
Не въ согласную семью, || не въ покрытую избу
(С. 206, 2)

или (и притомъ въ началѣ пѣсни, а не въ концѣ, какъ у Сахарова)

Отдаетъ-то меня батюшка || въ несогласную семью

или (также въ началѣ)

Какъ просваталъ меня батюшка || въ немалую деревню,
Что въ немалую деревню, || въ несогласную семью[48]).

Можно услышать въ не старой пѣснѣ «ногу́», напр. въ шуточныхъ, уже силлабическихъ стишкахъ, въ которыхъ только послѣднее ритмическое удареніе совпадаетъ съ прозаическимъ, но при пѣніи искуственно выдерживается тактъ $^2/_4$:

Ой, батюшки, не могу:
Комаръ ступилъ на ногу.

---

48) Нѣсколько иная ритмизація у Мельгунова (вып. 1-й, № 14), но *семью́* и у него.

Даже въ разговорѣ, особенно по нарѣчіямъ, широко распространены *рѣку́*, *семью́*, *избу́*, *росу́*, *зорю́*, *грозу́*, *нору́*, *блоху́*, *версту́*, *тропу́*, *ольху́*, *губу́*, *сову́*, *золу́*, *весну́*, *кору́*, *полу́*. Въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *трава́*, *сноха́*, *десна́*, *крома́*, *леса́*, *уда́*, *скула́*, *дрофа́* (дрохва́), *лоза́*, трудно даже опредѣлить правильное удареніе: *траву́* или *тра́ву* и т. д., о чемъ было сказано выше. Въ вин. п. отъ слова *пята́* едва-ли кто рѣшится поставить удареніе на первомъ слогѣ, а между тѣмъ происношеніе «пя́ту» прямо слѣдуетъ изъ стереотипнаго «на́ пяту» (т. е. настежь), напр.

Какъ бы на пяту двери || отворялися (4).
Отворяла двери || на пяту (8).
Отворяли Царю (двери) || на пету (sic! 335).

За удареніе *пя́ту* или, по крайней мѣрѣ, мн. *пя́ты* (но «по пята́мъ») говоритъ и краткость въ чешск. pata. Впрочемъ ед. ч. *пята́* въ значеніи пятки, помимо поэзіи, мало употребительно, а въ смыслѣ нижняго мѣста прикрѣпленія древнаго притвора къ косяку извѣстно теперь болѣе сельчанамъ, чѣмъ намъ, горожанамъ. Москвичи остаются вѣрны древнему ударенію вин. ед. въ словахъ *нога*, *рука*, *вода*, *гора*, *стѣна*, *коза*, *коса* (въ обоихъ значеніяхъ), *душа*, *кроха*, *сосна*, *щека*, *спина*, *доска*, *земля*, *зима*, *верста*, *голова*, *борода*, *сторона*, *полоса*, *борона*, *середа*, *сковорода*, *слобода*, по большей части въ *зоря*, *роса* и нѣкоторыхъ другихъ, но за этими исключеніями не мало колебаній замѣчается и въ московскомъ говорѣ. Словомъ сказать — въ русскомъ языкѣ, какъ, по видимому, и въ сербскомъ, совершается переходъ типа «вода́» въ типъ «слеза́». Что въ этомъ явленіи играетъ нѣкоторую роль расширенное аналогіей примѣненіе энклизы къ существительному съ предлогомъ, какъ

А сводилъ онъ [49]) поить || на Сафатъ на рѣку (182),

49) Въ текстѣ «ихъ», но исправлено въ спискѣ опечатокъ.

можно заключить изъ присутствія предлога въ большинствѣ такого рода случаевъ, судя по пѣснямъ: «въ рѣку́», «на ногу́», а потомъ уже и «на родиму сторону́» съ прилагательнымъ. Быть можетъ, не случайность, что въ отвѣтахъ на программу для собиранія особенностей сѣверно-великорусскихъ говоровъ примѣромъ такого ударенія въ говорахъ Покровскаго и Шуйскаго у. Владимірской губ., Петрозаводскаго и Вытегорскаго Олонецкой, Буйскаго Костромской Кадниковскаго Вологодской и Алатырскаго Симбирской, служитъ именно сочетаніе «въ рѣку́» (Извѣстія I, стр. 340, 345, 351, 551; 253, 266, 275). То-же для Тобольской, губ., гдѣ впрочемъ говорятъ и «въ рѣку» (560). Любопытно что въ Петрозаводскомъ у. говорится при этомъ *сви́нью* (но и *свинью́*): это слово, какъ означающее одушевленный предметъ, не подлежитъ энклизѣ, по крайней мѣрѣ, въ прозѣ да и по смыслу едва-ли входило въ какую нибудь формулу.

Въ древне-русскомъ языкѣ, какъ до сихъ поръ въ сербскомъ, существительныя разряда «вода́» кромѣ винительнаго образовали еще одинъ падежъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ,—дательный, который впослѣдствіи подчинился аналогіи мѣстнаго. Такъ въ стихахъ Бояна или какого-нибудь другого старѣйшаго пѣснотворца, сохраненныхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Тяжко ти, головѣ, || кромѣ плечю,
Зло ти, тѣлу, || кромѣ головы,

а потому, можетъ быть, и въ прибавкѣ автора Слова:

Русьской земли || безъ Игоря,

хотя въ соединеніи съ предшествующимъ прилагательнымъ существительное могло слѣдовать инымъ законамъ.

Такъ-же

Велить послушати земли || незнаемѣ

и, вѣроятно, съ энклизой, какъ «ná землю̀»:

То ростѣкатеть ся мыслью (?) || по дереву,
Сѣрымь вълкъмь || по земли,
Шизымь орьлъмь || подъ оболокы.
Тъй бо Ольгъ || мьчьмь крамолу || коваше(ть)
И стрѣлы по земли || сѣяше(ть).

Можетъ быть, есть у насъ и еще примѣръ изъ памятника старой записи — дат. п. имени *Москва*, если оно имѣло нѣкогда подвижное удареніе, какъ можно подозрѣвать на основаніи энклитическаго «зá Москву», употребительнаго до сихъ поръ. «Къ Москвѣ» въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Ричарда Джемса, встрѣчается дважды, въ 3-ей и въ 4-ой, и, такъ какъ усѣченному былевому стиху ни въ этомъ собраніи, ни вообще (см. Извѣстія I, стр. 32) не свойственно стяженіе 3-го и 4-го слоговъ отъ конца, стихи, въ которыхъ находится этотъ дат. пад., остается читать такъ:

Что едетъ къ Москвѣ || измѣнникъ.
А что едетъ къ Москвѣ || рострига.

Косвеннымъ подтвержденіемъ такому ударенію служитъ встрѣчающійся въ обѣихъ пѣсняхъ примѣръ мѣстнаго падежа «на Москвѣ», въ которомъ ритмъ требуетъ ударенія или на первомъ слогѣ имени или, что̀ свидѣтельствуетъ о томъ-же, на предлогѣ. Послѣднее вѣроятнѣе, а потому мы такъ и размѣтимъ:

Сплачетца на Москвѣ || Царевна (3 «А сплачетца — 4).

Третій примѣръ во всякомъ случаѣ допускаетъ то-же удареніе:

А еще есть на Москвѣ семьдесять || Апостоловъ (6).

Предположивъ удареніе «на Москвѣ», мы сократимъ приступъ до трехъ слоговъ, но ритмическое удареніе, правда, третьестепенное упадетъ все-таки не на послѣдній слогъ имени, а на первый. Четвертый примѣръ

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося

также не исключаетъ ударенія на первомъ слогѣ. Такое удареніе въ мѣстномъ падежѣ можно объяснить только смѣшеніемъ, противоположнымъ тому, вслѣдствіе котораго дательный получилъ удареніе мѣстнаго.

Никакихъ подозрѣній ни со стороны метрики, ни съ точки зрѣнія языка не внушаетъ къ себѣ слѣдующій стихъ въ былинѣ «Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ»:

И лежать будетъ головѣ || Васильевой (170).

То-же удареніе найдемъ и въ другомъ стихѣ этой былины, устранивъ нарушающее размѣръ слово:

Гдѣ лежитъ || пуста голова,
Лежать [будетъ] и Васильевой || головѣ.

Предпочтетъ-ли кто возстановить размѣръ посредствомъ исключенія союза «и» или путемъ перестановки «головѣ Васильевой» или же такой: «И лежать будетъ» удареніе слова «головѣ» останется все то-же. Но въ мѣстномъ падежѣ, конечно,

А бьюсь о своей || буйной головѣ (191).

Два такихъ примѣра обоихъ падежей даетъ у Кирши слово *середа* (т. е. средняя часть пола въ противоположность къ подлавечью), употребляемое въ формулѣ

Полъ-середа || одного серебра (124 дважды=159).

Въ пѣснѣ о Терентьищѣ оно встрѣчается трижды, причемъ мѣстный падежъ подъ вліяніемъ предлога *среди* или по новгородскому выговору написанъ съ *и* вмѣсто *ѣ*:

Середа была кирпичная;
А на середи кроватка стоитъ (14).
Походи-ко, Терентьище,
По своей свѣтлой гридни
И по середи кирпищатой (20).

Только при ударенiи на первомъ слогѣ могла возникнуть энклиза въ сочетанiи «пó щекѣ», которое, какъ показываютъ ниже слѣдующiе примѣры, вошло въ эпическiй языкъ въ качествѣ формулы, унаслѣдованной, конечно, отъ пѣвцевъ прежнихъ поколѣнiй:

А Марину она по щекѣ || ударила (69).
Ударилъ онъ дѣвицу || по щекѣ (95).
Била (она) || ее по щекѣ (149).
Била (она) || меня по щекѣ (151).
А бѣй ты бабу || . . . . . по щекѣ (365).

Во всемъ сборникѣ Кирши привычное намъ ударенiе встрѣчается только въ пѣснѣ «Кто Травника не слыхалъ»:

И Семенъ Травника по щекѣ (416). [50)]

У Сахарова мѣстный падежъ въ самомъ началѣ пѣсни, очевидно, старинной:

---

50) За этимъ слѣдуетъ:

Господинъ по другой сторонѣ.

Ср. нѣсколько выше совершенно такъ же построенные стихи:

А Семенъ Травника не взлюбилъ,
Господинъ Травника не взлюбилъ.

Какъ во городѣ было || во Суздалѣ,
Во Ефимьевой славной || слободѣ (214, 1).

У Кирши есть для этого смѣшенія въ пользу дательнаго и еще примѣръ, который приведемъ вмѣстѣ съ предшествующимъ ему стихами (у Калайдовича — двумя) ради провѣрки ритмическихъ удареній:

Безвремянной молодецъ!
Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные,
Два остра ножа булатные,
На чужой дальной сторонѣ
Оборона великая (297).

Сравни еще въ той-же пѣснѣ:

Поѣхалъ доброй молодецъ
На чужу дальну сторону (296),

что̀ дѣлаетъ удареніе «дально́й сторонѣ́», и безъ того, кажется, необычное, окончательно невѣроятнымъ.

Не только *Москва*, но, вѣроятно, и *Вологда* склонялось прежде какъ *слобода́*, *череда́* и т. п. Вологжане называютъ свою родину *Во́логдою*, но у Кирши въ пѣснѣ о Щелканѣ она зовется *Вологдо́ю*:

Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ (32=34).

Господствующій размѣръ этой пѣсни состоитъ изъ трехъ тактовъ въ $^2/_4$, но тамъ и сямъ встрѣчаются стихи въ два такта.

Второй изъ приведенныхъ стиховъ можно прочесть и въ три такта—

Гордѣя къ Вологдѣ —,

причемъ на слогъ «Во-» упадетъ главное ритмическое удареніе и съ тѣмъ вмѣстѣ получится во́логодское (какъ говорятъ Вологжане) или волого́дское (какъ говорятъ многіе уроженцы другихъ мѣстностей) произношеніе «Во́логдѣ»; но прозаически неударяемые третьи слоги отъ конца въ двухъ остальныхъ стихахъ исключаютъ для нихъ возможность такой ритмизаціи; а такъ какъ всѣ три стиха относительно и смысла и грамматики и значенія въ разсказѣ построены совершенно одинаково, то одинаковъ долженъ быть и ихъ размѣръ. И такъ *Во́логда* и *Вологда́*, а первоначально, можетъ быть, им. *Вологда́*, род. *Вологды́*, дат. *Во́логдѣ*, вин. *Во́логду*, зват. *Во́логдо*, твор. *Вологдо́ю*, мѣстн. *Вологдѣ́*. Отсюда и двойственность ударенія въ прилагательномъ. Прилагательное отъ имени *Вы́чегда* мы, не тамошніе, произносимъ съ удареніемъ на *о* — «вычего́дскій» и такъ-же «Соль-Вычего́дскъ»; любопытно было бы узнать мѣстное удареніе въ этихъ словахъ равно, какъ и въ прилагательномъ отъ *Су́догда*. Припомнимъ, что, какъ мы видѣли на стр. 480 сл., удареніе им. ед. по вин. ед. въ такихъ словахъ свойственно именно сѣвернымъ говорамъ, и не только въ 2-сложныхъ, но и въ болѣе длинныхъ, какъ *ско́ворода*, напр. въ Олонцѣ и въ Кадниковскомъ у. Вологодской губ. (Изв. II 239 и 266, и это удареніе очевидно древнѣе, чѣмъ упоминаемое тамъ-же стр. 239 и 253 *сковоро́да*, возникшее по аналогіи мн. ч. *сковоро́ды*, которое въ свою очередь обусловлено аналогіей мн. ч. словъ не полногласныхъ, какъ *строко́зы*).

Въ словахъ на *-ота* я не помню никакихъ непривычныхъ намъ удареній, но ихъ можно ожидать при подвижности ударенія въ *высота́* — им. *высо́ты*, дат. *высота́мъ* (*высо́тамъ* уже по аналогіи им. п.) и т. п. Слово *сирота́* образуетъ мн. ч. даже двояко: *сиро́ты* и, по-южному, *си́роты*, и послѣднее какъ будто

древнѣе, судя по сербскому *сирȍта̑* — мн. *сѝроте* (род. мн. *сиро̀та̄а*), съ чѣмъ можно сравнить наше plurale tantum *хлóпоты* при род. *хлопóтъ* (слѣдовательно ж. р.), дат. *хлопотáмъ* и т. д. На какое-то колебаніе въ удареніи указываетъ *суббóта* (вѣрнѣе *субóта*, серб. *су̏бо̄та* — церк. сѫбота вмѣсто греч. σάββατα, множ. отъ σάββατον, въ которомъ *о* второго слога свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ударенія на немъ въ первое время по заимствованіи (см. мои «Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана» въ Харьковскомъ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества за 1895 г., примѣч. 23). Вѣроятно, удареніе сохранялось тогда еще на томъ слогѣ, гдѣ оно было въ греческомъ первообразѣ; впослѣдствіи оно продвинулось впередъ подъ вліяніемъ словъ, какъ *рабóта* (серб. *ра̀бо̄та*). По-русски почти всѣ существительныя на *-ота*, произведенныя не отъ прилагательныхъ или параллельныхъ съ ними существительныхъ, какъ *красá* при *красный*, имѣютъ именно это удареніе: *лы-óта*, *зѣв-óта*, *рв-óта*, *блевóта*, *по-тяг-óта*, *лом-óта*, *ик-óта*, *перх-óта* и т. п. вмѣстѣ съ неясными *забóта* и *охóта*; но *чисто-тá* (серб. *чисто̀та̑*), *красо-тá* и т. д. Однако *хрип-óта* и *хрипотá*, а отъ прилагательнаго — *мокрóта* = Schleim и *мокротá* = мокрядь, и безъ колебаній *пѣхóта* (при *пѣшій*), западное *страхотá*, отъ глагола *моготá* («не въ моготу̀»), *тяг-отá* (серб. *тегȍта̑*). Въ малорусскомъ: *тіснóта* (при *тісний*), *бідóта* (при *бідний*), *гидóта* (при *гидкий*) и т. п. Какъ сербскій, такъ и словенскій языкъ свидѣтельствуютъ за удареніе на *-тá*: strahȍ̂ta̍. Въ виду этихъ колебаній долгота въ чеш. lhůta едва-ли произошла изъ восходящаго ударенія: скорѣе она служитъ признакомъ переноса ударенія съ конца. Если мы примемъ въ расчетъ, что большинство словъ на *-та* (*-ота*) по своему смыслу не могло употребляться во множ. ч., трудно найти иной исходъ изъ этихъ противорѣчій кромѣ предположенія и здѣсь склоненія, подобнаго склоненію разряда «водá»: *чистотá*, дат. **чистóтѣ*, вин. **чистóту*, зват. *чистóто*. Мѣсто передвинутаго ударенія не на корневомъ слогѣ, а на предшествующемъ суффиксу *-та* опредѣляется удареніемъ множе-

ственнаго числа, и такъ было, вѣроятно, во всѣхъ искони трехсложныхъ словахъ на *-á* (*-я́*) съ подвижнымъ удареніемъ, какъ *осокá* (малор.), дат. *осóцѣ* вин. *осóкѫ* (откуда великорусское и отчасти малорусское *осóка*), *острогá*, дат. *острóзѣ*, вин. *острóгѫ* и, въ смыслѣ шпоръ, дв. *острóзѣ*, какъ малор. *нóзі*, серб. род. дв. *нóгу* (ср. серб. *ȍстрȍга*). Можно думать, что удареніе это было въ общеславянскую эпоху нисходящимъ, какъ въ типѣ «вȍду», но впослѣдствіи слова съ плавной въ первомъ или второмъ слогѣ отчасти подчинились аналогіи праславянскихъ 2-сложныхъ съ *ор-*, *ло* въ первомъ слогѣ, откуда *слóбоду*, *жáлобу*, *сúроты* [51]), также, можетъ быть, *хлóпоты* и болг. *рáбота* (если это удареніе не перенесено со слѣдующаго слога, именно потому, что тамъ оно было нисходящее), а изрѣдка склонялись по той-же парадигмѣ и слова на *-та*, откуда наше сѣверное *пáхота* (Извѣстія 560) при *пахотá* и т. п. Что-же касается постояннаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ древняго ударенія *-óта*, то оно могло зависѣть отъ частаго употребленія данныхъ словъ во мн. ч., какъ *рабóты*, *забóты* и, можетъ быть, *сѫбóты* въ соотвѣтствіе греческому σάββατα (какъ и по латыни sabbata уже у Горація Sat. I, 9, 69); въ великорусскихъ на *-óта* бросается въ глаза преобладаніе словъ, означающихъ болѣзненныя и вообще физіологическія явленія, чтò наводитъ на мысль объ аналогіи какихъ-нибудь близкихъ по смыслу pluralia tantum. Впрочемъ этотъ вопросъ выходитъ уже изъ области не только русскаго стихосложенія, но и русскаго языка.

Изъ существительныхъ на *-úна* легко переставляютъ свое удареніе на первый слогъ *калúна* и *малúна*, именно въ припѣвахъ и, по аналогіи, вообще тамъ, гдѣ они являются въ видѣ не реальныхъ предметовъ, а поэтическаго украшенія въ началѣ пѣсни, напр.

Никогда наша Катюша || не загуливала.

---

51) Но отъ *колбасá* мн. *колбáсы*—не потому-ли, что это слово принадлежало къ разряду «слезá», какъ *вьдовá*?

Охъ и калина моя, || да охъ, и малина моя [52])

и т. д. съ «Охъ—» послѣ каждаго стиха.

На горѣ-то калина, || на горѣ-то калина, [53])
На горѣ-то сиротина калина.

Впрочемъ удареніе *ка́лина* и *ма́лина* въ послѣдней пѣснѣ такъ-же мало доказательно, какъ въ малорусской

Калино, малино, || чогось почорніла,

потому что и она, вѣроятно, вслѣдствіе примѣненія къ ней чуждаго напѣва, сдѣлалась теперь силлабической. Но такое удареніе этихъ двухъ словъ не стоитъ и вообще ни въ какой связи съ дѣйствительной рѣчью.

Гораздо естественнѣе переходъ ударенія на послѣдній слогъ, напр.

Шелъ Ванюша долиной || ко Дуняшѣ вдовиной

или

Шелъ Ванюша долиною, || чужою межою,

гдѣ *долина́* не только извиняется аналогіей многочисленныхъ существительныхъ на *-ина́*, между которыми есть и прямо *долина́*, (=длина) но можетъ быть просто діалектическимъ произношеніемъ, какъ *судьбина́*, отмѣченное въ Петрозаводскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи (Извѣстія I, 345). Но едва-ли такое удареніе можно найти въ строгомъ эпосѣ.

Не переносятъ ударенія трохаическія слова ж. р. на -ѣ въ род. мн., какъ можно заключить изъ стиховъ

Калена стрѣла || семи четвертей (94)
Калену стрѣлу || семи четвертей (217).

---

52) Съ точки зрѣнія напѣва было бы вѣрнѣе замѣнить вездѣ краткость посредствомъ долготы и разбить каждый тактъ на два.

53) Въ напѣвѣ слогъ «-рѣ» протягивается на $^1/_8$, а «то» на столько-же сокращается.

Такъ-же, вѣроятно, въ стереотипномъ второмъ полустишіи о лебедяхъ (ж. р.: «лебедь бѣлая»):

И стрѣляетъ гусей, || бѣлыхъ лебедей (25 ср. тамъ-же, 213, 216 дважды, 220, 228, 229),

хотя по размѣру возможно было бы и «бѣлы́хъ лебедѐй»; но «ле́бедей» поютъ совреме́нные сказители, и удареніе «че́твертей» поддерживаетъ ихъ свидѣтельство. Однако въ пѣснѣ «У Спаса къ обѣднѣ звонятъ», по видимому, московской, размѣръ заставляетъ читать

Много гусей, лебедей (408).

Если мы, уроженцы средней Россіи говоримъ часто *ле́бедей*, то лишь потому, что это слово перешло у насъ въ мужескій родъ, а для женскаго въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. кромѣ вин. п. переносъ ударенія на гласную основы намъ обязателенъ. Державинъ, хоть и сѣверянинъ по языку, однако сказалъ даже

Скрижаль заповѣдей святыхъ (Изображеніе Фелицы, строфа 9).

Мы, Москвичи, говоримъ *за́повѣдей* и съ тѣмъ-же удареніемъ произносимъ всѣ косвенные падежи мн. ч., кромѣ вин., отъ словъ на *-ость* (но, конечно, *косте́й*, *волосте́й* и пр.), въ томъ числѣ и на *-ность*, чему слѣдуетъ и большинство Русскихъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ образованныхъ, которые склоняютъ «древносте́й, древностя́мъ» и т. д., не отваживаясь впрочемъ не только на *радосте́й* и *гадосте́й*, но, кажется, и на *мѣстносте́й*, хотя многіе говорятъ *скоросте́й*, *плоскосте́й* и всѣ—*крѣпосте́й*. Какъ бы то ни было, неподвижность ударенія въ словахъ ж. р. на *-ь* есть явленіе позднѣйшее, основанное на аналогіи. Многія односложныя и до сихъ поръ переносятъ удареніе не только въ косвенныхъ падежахъ мн. ч., а и въ мѣстномъ ед. («на Руси́», но «по Ру́си», въ чемъ образованные, даже народ-

ники, подъ часъ путаются»); но и нѣкоторыя двухсложныя сохраняютъ у простонародья, хоть не вездѣ, удареніе на послѣднемъ слогѣ того-же падежа: *на памяти́*, *въ осени́*, а на югѣ и твор. *осенью́*; да и въ Москвѣ часто слышно *на лошади́*, *на площади́*, какъ на Сѣверѣ (Извѣстія II 238, 253, 266). Сербы иначе не склоняютъ какъ нар. «па́меет, па́меети, у памѐти», «ста́роост, ста́рости, у старо̀сти». Сюда-же относятся, можетъ быть, первоначально мѣстные падежи *пяти́*, *шести́*, *семи́*, *осьми́*, *девяти́*, *десяти́* и т. д. Удареніе на первомъ слогѣ такихъ словъ было того-же качества, какъ въ формахъ *во́ду*, что̀ показываетъ энклиза при предлогахъ: «за́ ночь», «до́ смерти», «на́ десять», но не въ двухсложныхъ существительныхъ кромѣ *че́тверть* вслѣдствіе сродства этого слова, съ числительными: «на́ четверть», «бе́зъ четверти», что̀ не помѣшало такому-же образованію *треть* утратить способность къ энклизѣ.

Если бы мы вздумали подвести итоги современному употребленію, пришлось бы остановиться приблизительно на слѣдующихъ правилахъ. Изъ односложныхъ словъ переставляютъ удареніе съ корня 1) въ мѣстномъ п. ед. ч. и въ косвенныхъ (кромѣ вин.) падежахъ мн. ч. *кость, соль*, *часть* (= полицейскій участокъ), *грязь*, *тѣнь*, *шерсть*, *горсть*, *мѣль* (пишутъ «мель»), *жердь*, *грудь, рѣчь*, *ночь*, *зыбь*, *клѣть*, *бровь*, *кровь*, *связь*, *смѣсь*, *дверь*, *плѣшь*, *цѣпь*, *печь*, *степь*, *ось, трость* (не всегда) и въ мѣстномъ ед. ч. не имѣющія множественнаго *рысь* (родъ аллюра), *пыль*, *честь*, *корь*, *плоть*, *сталь* (не всегда), *глубь*, *глушь*, *тишь*, *даль*, *крѣпь*, *новь*, *старь*, *мѣдь*, *земь*, и *близь* (только съ предлогами), *Русь*, *Тверь*, *Пермь* и др., списокъ которыхъ было бы желательно довести до совершенной полноты, какъ и слѣдующихъ категорій; 2) только въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. *часть* (= pars), *кисть*, *вѣсть*, *масть*, *сѣнь* (въ ед. ч. — цркcл.), *б...ь* (meretrix), *дробь*, *плеть*, *треть*, *мышь*, *вещь*, *снасть*, *сласть*, *страсть*, *власть*, *смерть*, *полсть*, *десть*, *скорбь* (впрочемъ, кажется, и *въ дести́*, *въ скорби́*). Не переносятъ ударенія односложныя *рысь* (lynx), *быль*, *боль*, *жизнь*, *казнь*, *лань*, *выпь*,

хлябь, *кадь*, *рать*, *тварь*, *топь*, *цѣль*, *дань*, *дебрь* и др., изъ которыхъ многія употребляются только въ ед. ч., каковы *пасть* (хотя возможенъ им. и вин. *пáсти*), *грусть*, *жесть*, *лесть*, *моль*, *месть*, *боязнь*, *рознь*, *смѣсь*, *хворь*, *лѣнь*, *дурь*, *голь*, *блань*, *дичь*, *слизь*, *гладь*, *чушь*, (вмѣсто «чужь»), *чернь*, *гарь*, *рѣзь*, *течь*, *дрянь*, *драпь*, *вонь*, *мразь*, *хлупь*, *бязь*, *знать*, *суть*, *шваль*, *злость*. Изъ двухсложныхъ переносятъ удареніе во мн. ч. трохаическія простыя, т. е. не содержащія въ себѣ ни предлога, ни суффикса, сознаваемыхъ въ качествѣ отдѣльныхъ отъ корня частей, напр. *вóлость*, *мѣлочь*, *зéлень* (со второобразнымъ имен. мн. *зеленя́* м. р.), *стéпень* (откуда, вѣроятно, и *ступéнь* образуемъ не только *ступéней*, но и *ступенéй*). Впрочемъ даже отъ сложнаго *пó-да-ть* род. мн. *податéй*, дат. *податя́мъ* и т. д. Удареніе прочихъ словъ ж. р. на -ь неподвижно, по крайней мѣрѣ, въ литературномъ языкѣ, однако не безъ исключеній; такъ, не смотря на *зáповѣдей*, мы говоримъ *проповѣдéй* — почему? должно быть, только потому, что первое изъ этихъ двухъ словъ чуждо просторѣчію, а къ ударенію такихъ словъ мы обыкновенно относимся осторожнѣе. Въ языкѣ грамотныхъ число такихъ заимствованій изъ церковно-славянскаго, а также искусственныхъ образованій значительно больше, — зато больше словъ съ неподвижнымъ удареніемъ. Для исторіи словъ ж. р. на -ь важны слѣдующія данныя: 1) всѣ слова съ подвижнымъ удареніемъ, особенно въ мѣстномъ пад. ед. ч., употребительны въ просторѣчіи, въ которомъ они, по всей вѣроятности, были бы гораздо многочисленнѣе, если бы ощущалась надобность для обихода въ образованіи отъ нихъ мѣстнаго пад. ед. ч. и всѣхъ или хотя нѣкоторыхъ падежей мн. ч., напр. *высь*, *ширь*, *мочь*, произведенныя впрочемъ совершенно такъ-же, какъ упомянутыя выше *даль* (въ далѝ), *тишь* (въ тишѝ), *рѣчь* въ рѣчѝ, рѣчéй) и т. п., или *часть*, съ которой въ смыслѣ хотя-бы отдѣла сочиненія простолюдину нечего дѣлать, тогда какъ ему хорошо извѣстно, что̀ значитъ «сидѣть въ частѝ»; 2) даже тѣ слова, которыхъ удареніе въ языкѣ образованныхъ неподвижно, а въ

просторѣчіи, по крайней мѣрѣ, неясно, переставляютъ его въ опредѣленныхъ соединеніяхъ, какъ «дѣло теперь на мази́»; 3) многія слова изъ переносящихъ удареніе въ мѣстномъ пад. ед. ч. и отчасти во мн. ч. подлежатъ въ формахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ энклизѣ послѣ предлоговъ, что̀ указываетъ на исконную подвижность ударенія: *за́ соль*, *по́ грязи*, *по́ шерсти*, *на́ мѣль*, *за́ груди*, *на́ (за́) ночь*, *на́ брови*, *и́з-дали*, *на́ (о́) земь*, *до́ крови*, *на́ (за́, о́бъ, по́дъ) дверь (за́ двери)*, *по́ плѣши*, *на́ (за́)* цѣпь («И днемъ и ночью котъ ученый Все ходитъ *по́ цѣпи* кругомъ» Пушкинъ, прологъ Руслана и Людмилы), *на́ (за́, по́дъ) печь*, *по́ степи*, *на́ (по́дъ) лошадь*, иногда *о́тъ части*, всегда *на́ смерть*, *до́ смерти*, *при́ смерти* (но въ томъ-же мѣстномъ пад. *по сме́рти*, потому что это формула книжная), кромѣ того пѣсенное *до́ люби* (кого пожаловать) и т. п. Малороссы сохранили подвижность ударенія въ словахъ этого рода слабѣе, чѣмъ Великороссы, однако въ мѣстномъ пад. ед. ч. отъ *ніч*, *тінь*, *бров*, *кров*, *двірь*, *піч*, *вісь* (род. *о́си*) и др. еще слышится мѣстами удареніе на концѣ, также во мн. ч. *ночі́й*, *ноча́м* и т. д. Не слѣдуетъ забывать, что многія изъ относящихся сюда словъ замѣняются въ малорусскомъ языкѣ другими словами или, по крайней мѣрѣ, образованіями, какъ *части́на*, *жё́рдка*, *степ* и *пич* м. р., *гру́ди* (мѣстн. п. *на гру́дих*) только во мн. ч. Что касается сербскаго, то о двухсложныхъ словахъ было уже сказано, а доселѣ употребительныя односложныя еще не утратили подвижности ударенія: *ко́ост*, род. *ко́сти* — род. мн. *ко̀стии* и *ко̀стjуу*, *но́ħ* род. *но́ħи*—мѣстн. *но̀ħи̂*, *ча́аст* род. *ча́сти*—мѣстн. *ча̀сти̂*, *ри́jеч* (*ри́ич*, ре́еч) род. *ри́jечи (ри́ичи*, *че́ечи)*—мѣстн. *риjѐчи* род. мн. *риjѐчии;* но *зѐлеен* и другія производныя отъ корней прилагательныхъ ударенія не перемѣщаютъ. Если при всемъ этомъ мы примемъ въ расчетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что — за рѣдкими исключеніями въ родѣ нашего новаго мн. ч. м. р. на *-а́ (-я́)* — удареніе все болѣе теряетъ свою подвижность, а никакъ не наоборотъ, слѣдуетъ предполагать, что чуть не всѣ существительныя ж. р. на *-ь* разнообразили мѣсто своего ударенія

по падежамъ. Но въ выборѣ этихъ падежей, какъ и самыхъ словъ, отличающихся этой способностью, отдѣльные славянскіе языки, какъ видно, разошлись. Въ русскомъ языкѣ, если мы ограничимъ свое изслѣдованіе на самомъ дѣлѣ употребительными въ безыскусственной рѣчи образованіями, мы замѣтимъ прежде всего, что, какъ уже было сказано, переносятъ удареніе тѣ слова, которыя народное сознаніе признаетъ простыми, хотя при этомъ оно, конечно, иногда ошибается. Ближайшее изученіе руссскаго языка по его говорамъ, вѣроятно, еще болѣе подтвердитъ это правило. Сложныя съ удареніемъ на первомъ слогѣ, какъ *по́-честь*, *за́-водъ*, *и́з-городъ*, *о́-чередъ*, ударенія не переносили; *про-по-вѣде́й*, *по-да-те́й*, *по-вѣс-те́й* — удареніе позднѣйшее, а въ старину оно было таково, какъ напр. въ слѣдующемъ стихѣ:

Трудьныхъ повѣстій || о пълку Игоревѣ

и въ пѣсенномъ *че́твер-тей* и даже *ле́б-едей*, куда такое дѣленіе могло быть перенесено съ формы *ле́бядь* (ср. *лебя́жій*), истолкованной народомъ какъ *мо́кр-ядь*, *пло́щ-адь*, *ле́щ-адь*, *ло́шадь* (отъ тюрк. *алаша́*). Впрочемъ эта аналогія могла дѣйствовать только спорадически, потому что напр. *ло́шадь* и *пло́щадь*, какъ видно изъ ударенія ихъ мѣстнаго пад. ед. ч., во всякомъ случаѣ большинству русскихъ казались несложными словами. Къ разряду словъ *высь*, *ширь*, *глубь* и т. п. принадлежатъ *задъ*, *передъ* и *середъ*, сохранившіяся лишь въ видѣ нарѣчій: *с-за́ди*, *с-переди* (род. п.) — *на-(по-)зади́*, *в-(на-)переди́*, *(по-)середи́* (мѣстн. п.). Въ древности удареній этихъ словъ нельзя сомнѣваться именно въ силу того условія, что, вышедъ изъ употребленія въ качествѣ самостоятельныхъ реченій, они вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ вліянія парадигмы склоненія такихъ-же образованій.

Въ заключеніе этого отдѣла считаю своимъ долгомъ по возможности оправдаться передъ читателемъ въ томъ, что чрезмѣрно удлинилъ свое изложеніе лингвистическими подробностями и даже догадками, не будучи вдобавокъ славистомъ. Да

послужитъ мнѣ извиненіемъ то обстоятельство, что, пустившись въ эти частности, не стоящія иногда въ непосредственной связи съ предметомъ изслѣдованія, я имѣлъ въ виду двоякую цѣль: 1) приготовить разомъ почву для дальнѣйшихъ своихъ разысканій въ области русскихъ удареній, чтобы впредь не повторять одного и того-же, и 2) обратить вниманіе спеціалистовъ на исторію русскаго ударенія, для которой до сихъ поръ сдѣлано довольно мало.

Ѳ. Коршъ.